

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ ВОЕННОЙ КОЛЛЕГИИ ВЕРХОВНОГО СУДА СОЮЗА С. С. Р.

Москва, ~~Полковничья улица, 11~~ ~~Д-110~~. — Телефон № ~~111111~~ АТС Кр. 6-38СОВ. СЕКРЕТНО.Л И Ч Н О.28 " февраля 1935 г.
№ Д-001.

В ЦЕНТРАЛЬНЫЙ КОМИТЕТ ВКП (большевики)

тов. ПОСКРЕБЫШЕВУ.

Посылаю стенографический протокол
судебного заседания Военной Коллегии
Верховного Суда Союза по делу ЗИНОВЬЕВА,
КАМЕНЕВА и других. —

В. Уваров

-Отп. 2 экз.

АБ.

СПРАВКА К СТЕНОГРАММЕ.

№ п/п.	Ф А М И Л И И.	Страницы допроса.	Стр. послед- него слова.
1.	ЕВДОКИМОВ	6	262
2.	АНИШЕВ	26	263
3.	БАКАЕВ	41	269
4.	ГОРШЕНИН	84	272
5.	ГЕССЕН	97	273
6.	ГЕРЦБЕРГ	101	280
7.	БРАВО	108	281
8.	ШАРОВ	114	282
9.	ЗИНОВЬЕВ	125	285
10.	КАМЕНЕВ	155	292
11.	ГЕРТИК	165	303
12.	ТАРАСОВ	176	307
13.	ПЕРИМОВ	187	311
14.	ФЕДОРОВ	189	312
15.	КУКЛИН	195	316
16.	ФАЙВИЛОВИЧ	200	316
17.	ЦАРЬКОВ	203	320
18.	БАШКИРОВ	208	321
19.	САХОВ	211	322
	<u>СВИДЕТЕЛИ.</u>		
1.	САФАРОВ	57	
2.	ЕЛЬКОВИЧ	242	
3.	ХАРИТОНОВ	254	

СТЕНОГРАФИЧЕСКИЙ ПРОТОКОЛ

СУДЕБНОГО ЗАСЕДАНИЯ ВНЕЗДНОЙ СЕССИИ ВОЕННОЙ КОЛЛЕГИИ ВЕРХОВНОГО
СУДА СОЮЗА ССР, СОСТОЯВШЕГОСЯ 15 - 16 ЯНВАРЯ 1935 ГОДА, в гор.
ЛЕНИНГРАДЕ, в составе:

ПРЕДСЕДАТЕЛЯ - В.В. УЛЬРИХ,

Членов: И.О. МАТУЛЕВИЧ и А.Д. ГОРЯЧЕВА,

при секретаре А.А. БАТНЕР,

без участия обвинения и защиты, для рассмотрения в порядке постано-
вления ЦИК Союза ССР от 1-го Декабря 1934 года дела по обвинению:

1. ЗИНОВЬЕВА, Григория Евсеевича,
2. ЕВДОКИМОВА, Григория Еремеевича,
3. ГЕРТИКА, Артема Моисеевича,
4. БАКАЕВА, Ивана Петровича,
5. КАМЕНЕВА, Льва Борисовича,
6. КУКЛИНА, Александра Сергеевича,
7. ШАРОВА, Якова Васильевича,
8. БРАВО, Бориса Львовича,
9. ГЕССЕНА, Сергея Михайловича,
10. САХОВА, Бориса Наумовича,
11. ТАРАСОВА, Ивана Ивановича,
12. ФАЙВИЛОВИЧА, Леонида Яковлевича,
13. ГЕРЦБЕРГА, Александра Владимировича,
14. ГОРШЕНИНА, Ивана Степановича,
15. АНИШЕВА, Анатолия Исаевича,
16. ЦАРЬКОВА, Николая Алексеевича,
17. БАЛКИРОВА, Александра Фабиановича,
18. ПЕРИМОВА, Алексея Викторовича и
19. ФЕДОРОВА, Григория Федоровича -

2 5

всех девятнадцати в совершении преступлений, предусмотренных ст. ст. 17, 58-8 и 58-11 УК РСФСР.

ПРЕДСЕД.: Объявляется заседание Выездной Сессии Военной Коллегии Верховного суда СССР открытым (15 января, 11 часов 10 минут).

Слушается дело **ЗИНОВЬЕВА, КАМЕНЕВА, ЕВДОКИМОВА, БАКАЕВА** и др. в числе 19 человек, обвиняемых в преступлениях, предусмотренных ст. ст. 17, 58-8, 58-11 Уголовного Кодекса РСФСР.

Тов. Секретарь — все подсудимые налицо?

СЕКРЕТАРЬ: Так точно, все 19 налицо.

ПРЕДСЕД.: Подсудимый **ЗИНОВЬЕВ, Григорий Евсеевич**, копию обвинительного заключения получили?

ЗИНОВЬЕВ: Да.

ПРЕДСЕД.: Подсудимый **ЕВДОКИМОВ, Григорий Еремеевич**, копию обвинительного заключения получили?

ЕВДОКИМОВ: Да.

ПРЕДСЕД.: Подсудимый **ГЕРТИК, Артем Моисеевич**, копию обвинительного заключения получили?

ГЕРТИК: Да.

ПРЕДСЕД.: Подсудимый **БАКАЕВ, Иван Петрович**, копию обвинительного заключения получили?

БАКАЕВ: Да.

ПРЕДСЕД.: Подсудимый **КАМЕНЕВ, Лев Борисович**, копию обвинительного заключения получили?

КАМЕНЕВ: Да.

ПРЕДСЕД.: Подсудимый **КУКЛИН, Александр Сергеевич**, копию обвинительного заключения получили?

КУКЛИН: Да.

ПРЕДСЕД.: Подсудимый **ПАРОВ, Яков Васильевич**, копию обвинительного заключения получили?

ШАРОВ:

Да.

ПРЕДСЕД.:

Подсудимый БРАВО, Борис Львович, копию обвинительного заключения получили?

БРАВО:

Да.

ПРЕДСЕД.:

Подсудимый ГЕССЕН, Сергей Михайлович, копию обвинительного заключения получили?

ГЕССЕН:

Да.

ПРЕДСЕД.:

Подсудимый САХОВ, Борис Наумович, копию обвинительного заключения получили?

САХОВ:

Да.

ПРЕДСЕД.:

Подсудимый ТАРАСОВ, Иван Иванович, копию обвинительного заключения получили?

ТАРАСОВ:

Да.

ПРЕДСЕД.:

Подсудимый ФАЙВИЛОВИЧ, Леонид Яковлевич, копию обвинительного заключения получили?

ФАЙВИЛОВИЧ:

Да.

ПРЕДСЕД.:

Подсудимый ГЕРЦБЕРГ, Алексей Владимирович, копию обвинительного заключения получили?

ГЕРЦБЕРГ:

Да.

ПРЕДСЕД.:

Подсудимый ГОРШЕНИН, Иван Степанович, копию обвинительного заключения получили?

ГОРШЕНИН:

Да.

ПРЕДСЕД.:

Подсудимый АНИШЕВ, Анатолий Исаевич, копию обвинительного заключения получили?

АНИШЕВ:

Да.

ПРЕДСЕД.:

Подсудимый ЦАРЬКОВ Николай Алексеевич, копию обвинительного заключения получили?

ЦАРЬКОВ.

Да.

ПРЕДСЕД.: Подсудимый БАШКИРОВ, Александр Фабианович, копию обвинительного заключения получили?

БАШКИРОВ: Да.

ПРЕДСЕД.: Подсудимый ПЕРИМОВ, Алексей Викторович, копию обвинительного заключения получили?

ПЕРИМОВ: Да.

ПРЕДСЕД.: Подсудимый ФЕДОРОВ, Григорий Федорович, копию обвинительного заключения получили?

ФЕДОРОВ: Да.

ПРЕДСЕД.: Состав суда: председатель т. УЛЬРИХ, члены суда т.т. МАТУЛЕВИЧ и ГОРЯЧЕВ.

Согласно постановления ЦИК от 1 Декабря дело слушается без участия ~~прокуратуры~~ прокуратуры и защитников.

Тов. Секретарь огласите обвинительное заключение.

СЕКРЕТАРЬ: (Читает обвинительное заключение).

ПРЕДСЕД.: Подсудимый ЗИНОВЬЕВ, признаете ли Вы себя виновным в том, что в течение ряда лет, вплоть до декабря 1934 г., состояли руководителем подпольной к.-р. организации?

ЗИНОВЬЕВ: Я признаю себя виновным и надеюсь, что буду в будущем иметь возможность дать об"яснения. Разрешите еще два слова по поводу того, что в конце обвинительного акта говорится, что я не признал себя виновным. Я следствию в заявлении 13 января рассказал о своей вине.

ПРЕДСЕД.: Я могу об"яснить, что заявление у нас имеется, мы с ним ознакомились. Это заявление мы считаем дополнительным документом.

ЗИНОВЬЕВ: Я хотел бы в данный момент, или другие моменты, просить его зачитать.

ПРЕДСЕД.: Пожалуйста. Во время судебного следствия, отдельные моменты можно будет огласить.

Подсудимый ЕВДОКИМОВ, признаете ли Вы себя виновным, что в продолжении ряда лет, вплоть до декабря 1934 года состояли членом московского центра к.-р. организации?

ЕВДОКИМОВ: Да.

ПРЕДСЕД.: Подсудимый ГЕРТИК — тот же вопрос?

ГЕРТИК: Признаю.

ПРЕДСЕД.: Подсудимый БАКАЕВ — тот же вопрос!

БАКАЕВ: —Признаю.

ПРЕДСЕД.: КАМЕНЕВ?

КАМЕНЕВ: Да, я признаю себя виновным.

ПРЕДСЕД.: Подсудимый КУКУЛИН!

КУКУЛИН: Признаю.

ПРЕДСЕД.: ШАРОВ!

ШАРОВ: Признаю.

ПРЕДСЕД.: ГОРШЕНИН!

ГОРШЕНИН: Признаю.

ПРЕДСЕД.: Подсудимый ФЕДОРОВ!

ФЕДОРОВ: Признаю.

ПРЕДСЕД.: Подсудимый БРАВО!

БРАВО: Да, признаю.

ПРЕДСЕД.: Подсудимый ГЕССЕН!

ГЕССЕН: Признаю.

ПРЕДСЕД.: Подсудимый САХОВ, признаете Вы себя виновным в том, что в течение ряда лет состояли членом подпольной к.-р. организации?

САХОВ: Признаю.

ПРЕДСЕД.: Подсудимый ТАРАСОВ — тот же вопрос?

ТАРАСОВ: Признаю.

ПРЕДСЕД.: Подсудимый ФАЙВИЛОВИЧ!

- ФАЙВИЛОВИЧ: - Признаю.
- ПРЕДСЕД.: - ГЕРЦБЕРГ!
- ГЕРЦБЕРГ: - Признаю.
- ПРЕДСЕД.: - АНИШЕВ.
- АНИШЕВ: - Признаю.
- ПРЕДСЕД.: - БАШКИРОВ!
- БАШКИРОВ: - Признаю.
- ПРЕДСЕД.: - ПЕРИМОВ.
- ПЕРИМОВ: - Да.
- ПРЕДС.: - Подсудимый ЦАРЬКОВ, признаете себя виновным?
- ЦАРЬКОВ: - Признаю.
- ПРЕДСЕД.: - Садитесь пожалуйста.

Суд определил следующий порядок допроса на суде:
ЕВДОКИМОВ, АНИШЕВ, БАКАЕВ, ГОРШЕНИН, ГЕССЕН, ГЕРЦ-
БЕРГ, БРАВО, ШАРОВ, ГЕРТИК, ЗИНОВЬЕВ, КАМЕНЕВ,
ТАРАСОВ, ПЕРИМОВ, ФЕДОРОВ, ФАЙВИЛОВИЧ, КУКЛИН, ЦАРЬ-
КОВ, БАШКИРОВ, САХОВ.

ДОПРОС

ЕВДОКИМОВА Григория Еремеевича.

- ПРЕДСЕД.: - Подсудимый ЕВДОКИМОВ, у меня есть несколько вопро-
сов основных: можете-ли Вы подтвердить, что возвра-
щение зиновьевцев в партию после 15 с"езда, носило
по существу двурушнический характер, что одновремен-
но по возвращении в партию была создана подпольная
организация зиновьевцев, которая в продолжении ряда
лет вела борьбу против партийного руководства?
- ЕВДОКИМОВ: - Я подтверждаю.
- ПРЕДСЕД.: - Признаете ли Вы, что вся эта организация и ее дея-
тельность носила по существу контр-революционный

характер?

ЕВДОКИМОВ: - Да, признаю.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: - Признаете-ли Вы, что эта организация руководилась так называемым "московским центром"?

ЕВДОКИМОВ: - Да, признаю.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: - Подтверждаете ли Вы, что этот центр существовал до самого последнего времени?

ЕВДОКИМОВ: - Да, признаю.

ПРЕДСЕД.: - Подтверждаете-ли Вы, что этот "московский центр" поддерживал связи и давал известные установки своим единомышленникам, как в Ленинграде, так и в других некоторых городах?

ЕВДОКИМОВ: - Да, подтверждаю.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: - Отрицаете ли Вы такой факт, что на протяжении ряда лет до самого последнего времени, руководители "московского центра" систематически проявляли резко враждебные отношения к руководителям нашей партии и правительства и в этом духе воспитывали своих единомышленников, как в Москве, так и в некоторых других городах, в частности в Ленинграде?

ЕВДОКИМОВ: - Нет, я этого не отрицаю.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: - Подтверждаете ли Вы то, что резко враждебные отношения к представителям нашей партии и правительства, враждебные отношения которые создавались в течение ряда лет, породили среди членов ленинградской группы террористические настроения, что в последствии привело к убийству тов. КИРОВА?

ЕВДОКИМОВ: - Да, признаю.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: - Подтверждаете ли Вы, что одной из основных задач

подпольной организации, явилось сохранение своих кадров, накопление сил и укрепление вражды по отношению к отдельным руководителям нашей партии.

ЕВДОКИМОВ: - Да, признаю.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: - Желаете ли дать дополнительные показания?

ЕВДОКИМОВ: - Да, желаю.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: - Пожалуйста...

ЕВДОКИМОВ: - Когда я подписывал протокол допроса, что я признаю себя виновным в обвинении в пределах моих показаний, то мною там признание было сделано не на все то, что я сделал до настоящего момента.

Эту сухую формулу обвинения пред"явленного мне на следствии, признаю, но надо напомнить политическое содержание в большей мере, чем это было сделано во время показаний.

Мы вернулись в партию после постановления 15-го с"езда, но не как пролетарские революционеры действительно отказавшиеся от своих политических установок, 15-м с"ездом об"явленных контр-революционными не совместимы с нахождением нас в рядах партии. Нет. Мы вернулись в ряды партии, обманув партию в этом важнейшем вопросе, ибо наше условие, принятие обратно нас в партию, было единственным условием, полного, до конца, признания контр-революционности, той борьбы которую мы вели против партии в 1925-27 г.г. На словах это мы признали. На деле, - мы все эти годы отстаивали на этих контр-революционных позициях. Мало того, наши к.-р. настроения, в силу того, что мы по собственной свре́й вине были оторваны от всего, что происходило в советской стране, варились собственно,

в своем к.-р. соку, и что больше того эти к.-р. настроения становились все острее.

Я много за это время передумал, а также и все мои единомышленники, но к глубочайшему сожалению все до конца стало мне ясным только тогда, когда я очутился в заключении. За все эти годы, повторяю, мы варились в собственном соку, ставили перед собой целью изменение руководства партии, в целях проведения в жизнь наших к.-р. положений, которые мы выдвигали как положение, в корне отличные от той генеральной линии, которую проводила партия и ЦК. Ослепление своими к.-р. установками, ослепление — злобным отношением к руководству партии мы не видели и не ощущали, не чувствовали того, что происходит в стране, что происходит в недрах трудящихся масс. Я не буду суду говорить относительно громадного, исторического, решающего значения, того, что происходило за эти годы внутри нашей страны. Достижения отзывались на революционизирование всего международного рабочего движения. Не мне об этом говорить суду. Я хочу сказать только о том, что все это происходящее в стране мы не ощущали как пролетарские революционеры, а расценивали с наших к.-р. позиций, а брали ^{из} действительности, брали из того, что происходит на селе и в городе у широчайших миллионных масс, только то, что по нашему мнению подкрепляло наши к.-р. позиции, т.е. мы брали те трудности, которые стояли на пути продвижения под руководством компартии вперед к победе социализма, но мы эти трудности расценивали не так, как расценивала партия, рабочий класс, трудящиеся нашей страны. Мы расценивали не как трудности, которые проистекают из самого характера грандиозных задач, поставленных перед рабочим

классом и трудящимися массами нашей страны. Нет. Мы расценивали их как трудности, которые происходят из-за того, что партия идет при данном руководстве по неправильным путям. Во время следствия, я и, ^а несколько мне известно, ряд моих единомышленников в этой нашей к.-р. борьбе пробовали наметить разные этапы, при чем один этап расценивали как этап во время которого наши антипартийные контрреволюционные настроения сменялись настроениями вполне лояльными. Другие этапы, это те, во время которых антипартийные настроения крепши, росли, углублялись. Эта ошибка и с моей стороны и со стороны тех моих единомышленников, которые пробовали становиться на эту позицию. За все время, за все годы существования нашей подпольной к.-р. организации мы оставались на тех же к.-р. позициях и это характеризует сущность этой подпольной к.-р. организации.

Не проходило ни одного явления в жизни нашей страны, которое мы не расценивали бы с наших к.-р. позиций. Я постараюсь в этой части быть кратким, но считаю необходимым, чтобы охарактеризовать основное в этих оценках и в наших настроениях, взять такое громаднейшее исторической важности решение, как вопрос о коллективизации. В этом вопросе мы стояли на антипартийных к.-р. позициях и в этом вопросе, как и в других вопросах мы в первую очередь обращали внимание на те громадные препятствия, которые естественно стояли на путях партии, рабочего класса, масс деревни, на проведение такого исторического вопроса. Основной нашей оценкой было следующее: мы считали безум

ным, как мы выражались, авантурой, считать возможным за несколько лет, в 2-3 года, мелкого хозяйчика превратить в социалистического земледельца. Сделать за несколько лет из этих мелких, веками пропитанных индивидуальными настроениями, хозяйчиков — сознательных социалистов. Вы, видите, что в постановке такого вопроса, мы ничем не отличались от меньшевиков, ничем не отличались от тех врагов рабочего класса, которые по этому поводу строили большие надежды.

Чем мы в этом вопросе отличались от всех врагов рабочего класса? Какую вывеску отдельных отрядов-врагов мы носили? Как международная к.-р. буржуазия, как международный меньшевизм, мы так же связывали свои расчеты в этом вопросе, с тем, что при проведении этого вопроса в жизнь, партия встретится с такими непреодолимыми препятствиями, что ~~тогда~~ наше стремление к изменению партийного руководства, наша работа, являвшаяся подготовительной работой, к тому чтобы партию свернуть с тех путей по которым она шла, — что это нам, в связи с затруднениями, ставшими на путях коллективизации, что это нам удастся.

И мы присматривались, что делается в коллективизирующейся деревне — не как пролетарские революционеры, которые готовы все что они имеют, все свои силы, знания, энергию отдать на победное разрешение этого громадного исторического процесса. Нет! Мы присматривались к этому, как враги партии, как враги рабочего класса.

Пусть вспомнят те товарищи — мои единомышленники, которые си дят здесь перед судом, как мы внимательно

нейшим образом подбирали факты и фактики, говорящие по нашему мнению, в пользу наших к.-р. установок в вопросе о коллективизации. В первую колхозную весну, сопряженную, естественным образом с большими трудностями, — как мы расценивали эти трудности? Я помню, какую я сам давал характеристику этому, потому что весной этого года — я был в командировке на северном кавказе, ездил по колхозам. Я говорил, что вывезло до известной степени на этот раз нас только то обстоятельство, что климатические условия были таковы, что они расширили возможные сроки сева на целый месяц и даже больше (тогда была очень ранняя весна) я говорил, что если бы не это обстоятельство, то та громадная борьба, которая шла между кулаками и между теми, кто шел за нашей партией, с нашей партией с тем, чтобы закончить эту первую колхозную весну выполнением поставленных перед посевной кампанией задач, — что если бы не это обстоятельство — удлинение сроков колхозного сева, то в этом первом севе партия потерпела бы крах.

И так повторялось каждый весенний сев, так повторялось каждую уборочную кампанию.

Партия тоже не скрывала ни от рабочих нашей страны, ни от всего мира тех трудностей, которые были связаны с коллективизацией, она тоже не скрывала таких фактов, каких громадных потерь стоили нам те недочеты, какие мы имели во время уборочной кампании. Назывались очень большие цифры этих потерь.

На одно дело, когда партия, признавая эти материальные потери, связанные с недочетами имевшимися в то время в колхозном движении, звала и мобилизовывала

рабочих и колхозников и организовывала их на преодоление этих недочетов, на укрепление трудовой дисциплины, на переделку психологии вчерашнего мелкого хозяйчика. Мы же это самое явление расценивали со всем по другому, как явление которое подкрепляет то положение, которое мы выдвигали. Мы считали безумием коллективизировать деревню такими темпами, как это делала партия.

Тоже в вопросах и индустриализации. В вопросах индустриализации, опять-таки, мы подбирали все факты, а когда фактов не было — высасывали их из пальца, пользовались разными слухами и слухками, сплетнями, с тем, чтобы найти в окружающей обстановке все то, что могло бы по нашему мнению подкрепить нашу оценку действительности хода индустриализации, а не ту оценку, которую ставила партия, и которая была правильной.

Мы не только подбирали эти факты, как отдельные факты, показывающие, что партия при неправильном руководстве, осуществляемом центральным комитетом во главе с т. СТАЛИНЫМ, на этом пути, на пути индустриализации несет излишние громадные накладные расходы и экономического и политического характера, — нет, у нас была своя общая отрицательная оценка всего того, что происходило в этой области. Мы говорили, например, что то, что дается для всеобщего сведения о ходе индустриализации — не соответствует тому, что есть в действительности. Мы говорили, что центральный комитет обманывает партию, обманывает рабочий класс в этом вопросе, представляя положение вещей, которое резко рознится от действительного положения вещей.

Наше отношение к таким затруднениям, какие естественно встречались на первых шагах таких гигантов как тракторно-строительные заводы, не отличалось от отношения к этим затруднениям международной буржуазии.

Мы говорили, что индустриализация проводится без точного учета ресурсов страны, без должного сосредоточения и усиления на действительно решающих звеньях и объектах, что поэтому сами планы являются планами не реальными, перенапряженными, и что это ведет к громадным неувязкам отдельных решающих элементов народного хозяйства. Например, мы брали затруднения на ж.д. транспорте и выводили заключение, что если бы индустриализацию проводить не так как она проводится при данном руководстве, а проводить бы так как мы бы предложили, то достижения были бы большими, и что в этом случае не было бы такого вопиющего противоречия между достижениями и материальным положением рабочего класса, какое мы имели при данном положении вещей.

Опять таки, мы клеветнически утверждали, что материальное положение рабочего класса не улучшается, а наоборот положение рабочего класса ухудшается. Я должен дополнительно расшифровать, что значат излишне накладные расходы в экономическом и политическом отношении. В экономическом отношении я уже сказал. В отношении политическом, — надо сказать, что это в наших устах означало, что теми темпами коллективизации которые мы проводим в деревне, мы возбуждаем в городских многомиллионных массах рабочих, а также и крестьянства враждебные отношения к диктатуре пролетариата.

Что я волнуюсь, вполне естественно, и может быть, в некоторых местах будет не точная революционная точка зрения, заранее прошу мне указать или не ставить в связь с общим характером моего слова.

Что касается рабочего класса, то мы говорили, что на рабочий класс взваливаются громаднейшие трудности, что поэтому, в рядах рабочего класса растет все большее недовольство партией, недовольство советской властью. Вот что мы имели ввиду, когда мы говорили об излишних накладных расходах и, отсюда наши утверждения, клеветничество, к.-р. злобного порядка о том, что "дорого обойдется стране данное руководство партии", или, как говорили, что "дорого обойдется стране СТАЛИН".

В отношении внутрипартийного руководства нами давались самые резкие, злобные, клеветнические характеристики, внутрипартийного режима. Повторяя свои к.-р. установки против партийного руководства мы не видели того, что видит каждый рядовой член партии, каждый рядовой рабочий, а именно мы не видели могучий рост партии, небывалое единство в ее рядах, небывалое развитие в ее рядах, внутрипартийной демократии, стягивание всей массы партийных рабочих в государственное творчество.

Все эти процессы имеющие гигантское мировое значение не только для советской страны, все эти процессы мы не видели и не ощущали.

Я говорил работникам Наркомвнудела, которые вели следствие, что я, вот сижу и читаю нашу современную беллетристику, — книгу КАТОВА "Вперед". Такое произведение, больно было по моему сознанию, потому что там было отражение небывалого подвига, энтузиазма масс.

Мы говорили о внутрипартийном режиме, что этот режим — режим громаднейшего небывалого бюрократического аппаративного засилия, и мы докатились до того, что партии, как таковой, нет, есть Центральный Комитет во главе со СТАЛИНЫМ. Мы говорили, что СТАЛИН на центральной линии, что это режим

личной диктатуры, что в важнейших принципиальных вопросах —долженствующих определять правильную классовую политику, в этих важнейших принципиальных вопросах, не только партия, но даже Центральный Комитет, зачастую ставят перед совершившимся фактом, перед принятыми решениями.

В вопросах руководства международного рабочего движения мы выдвигали по прежнему наши клеветнические обвинения партии о том, что неправильное понимание идеи победы социализма в одной стране, приводит к тому, что в решающие моменты всего международного рабочего движения в целом, руководством Коминтерна и Центральным Комитетом нашей партии, Политбюро, Центральным Комитетом не принимается всех должных мер к активизации этого международного рабочего движения в соответствии с представляющимися возможностями в той или иной стране.

Все это сводится к клеветническому утверждению, что Центральный Комитет, наша партия, международному рабочему движению наносит громадный вред, тормозит развитие международного пролетарского движения.

~~Вот пример~~. Как пример, я приведу свой последний разговор с ЗИНОВЬЕВЫМ. Этот пример не только характеризует наши отношения по данному вопросу, но он ценен потому что он относится к концу 1934 года.

Я был у ЗИНОВЬЕВА, по всей вероятности, 12 или 18 ноября, в один из этих выходных дней. Мы с ним говорили по коминтерновским вопросам и вот он выдвинул в этом разговоре обвинение Центральному Комитету, которое сводилось к тому что работа по проведению единого международного фронта, в принципе проводится неправильно, что в данный момент, например во Франции, фактически инициатива и руководство по

установлению этого единого фронта передано в руки второго интернационала. Вот важнейшие, принципиальнейшие вопросы, которые определяет политику партии, от которых зависит развитие социалистического строительства в нашей стране, от которых зависят судьбы всего международного рабочего движения и суд видит из того, что я сказал, что во всех этих решающих вопросах мы стояли на к.-р. позиции, мы доказывались до клеветнических злобных обвинений против партии и ЦК. Во всех этих вопросах, мы по существу ничем не отличались от всей международной к.-р. сволочи, которая также как и мы, как я, связывали свои надежды, на сокрушение советской власти, с таким вопросом, как крах советской власти, в вопросе коллективизации. Такие же были оценки и того, что делалось на фронте индустриализации. Вот в основном какие были такие настроения и мы жили в этой своей среде, мы варились в своем к.-р. соку. Все это отравлялось этим ядом, а также и сознание наших единомышленников. Не было ни одной сплетни, ни одного самого похабного обывательского слуха, которые бы мы не подхватывали и не муссировали бы в своей среде. Чем дальше, тем больше, мы уделяли внимания тому, о чем я сейчас говорил и все с большей охотой и радостью подхватывали каждый слух о расхождении Политбюро, ЦК. Я во время следствия говорил, что я всегда скептически относился к таким слухам. Но дело не в том для суда и дела, что я скептически относился, но дело в том как и кто из нас относился к слухам. Мы с громаднейшими надеждами связывали эти слухи обывателей, высасываемые нами из пальцев слухи о разногласиях в Политбюро, в ЦК. То СТАЛИН недоволен ВОРОШИЛОВЫМ, то ВОРОШИЛОВ недоволен СТАЛИНЫМ. То СТАЛИН не-

доволен КАГАНОВИЧЕМ. Мы подхватывали все, что можно было по нашему мнению использовать, что могло служить доказательством, что партия вредит стране идя по неправильным путям, что в стране развиты элементы недовольства. В частности одно время, я сейчас не помню конкретно в какой обстановке, но у нас оживленно обсуждался вопрос о росте недовольства среди командного состава Красной Армии. Мы не только сами жили этими настроениями. Нет. Мы этими настроениями отравляли всех тех, кто был связан с нами. И вот, когда нас обвиняют в том, что за террористические настроения, которые выросли, укрепились и так трагически для партии реализовались в Ленинграде подпольной к.-р. организацией зиновьевцев, мы должны нести ответственность, я твердо заявляю, да, за это именно мы должны нести ответственность. Это тот яд, которым мы отравляли сознание наших сторонников, прививали им эти настроения и привели некоторых из них к тем крайним пределам к.-р. разложения, которое сделало из них белогвардейских бандитов убийц С.М. КИРОВА.

Как не тяжело это — это нужно признать. Это признание мне не сразу далось. Я читал заявление ЗИНОВЬЕВА, о котором он говорил только что суду. Он говорит в этом заявлении, что его страшит мысль быть сваленным в одну кучу с этими белогвардейскими бандитами, с этими негодьями. Да, и меня это страшит!

Но мы с ЗИНОВЬЕВЫМ не должны забывать, что эти негодья, белогвардейские бандиты, стали таковыми в силу того, что их сознание в течение многих лет отравлялось тем ядом к.-р., о котором я говорил.

Мы должны были предвидеть это, и предвидению этого

помешало только наше к.-р. ослепление, только наше озлобление против руководства партии.

Я вернусь к тому с чего начал, о чем говорил с самого начала, потому что это имеет связь и с моими показаниями следствию. Ведь и я стоял некоторое время на тех же позициях на которых стояли некоторые мои единомышленники, давая об"яснение следствию — это относительно об"яснения отдельных этапов, через которые мы прошли. Некоторые товарищи придавали серьезное значение с начала тому обстоятельству, что активизация деятельности ленинградского центра зиновьевской подпольной контр-революционной организации, совпадает по времени с наименьшей активностью нашего московского центра.

А что это изменяет? В какой степени это ум"яляет нашу ответственность за то, что мы предстали здесь перед судом? Ни в какой степени! Ну, ладно,, наша активность понизилась, а ведь те кто был здесь в Ленинграде, считали нас на прежних позициях? (да мы и оставались на прежних позициях).

Я уже говорил в своих показаниях, что даже в те моменты, когда припертые ходом ^{событий} к стенке, мы не находили возможным, не находили данных для того чтобы критиковать линии центрального комитета и партии, — к чему мы тогда приходили? Мы в таких случаях заявляли: это проводится наша линия, та линия, которую мы выдвинули в нашей об"единенной зиновьевско-троцкистской платформе 25-27 г.г. Мы и в эти моменты всегда оставались на такой позиции. Ни на один момент от нашего антипартийного прошлого (прошлого 25-27 г.г.) мы не отказались и все время оставались на этих антипартийных позициях. Я в своем заявлении и в своих показаниях сказал между прочим о том, что настроение у ЗИНОВЬЕВА перед ХУП с"ездом и первое время после ХУП с"езда было наиболее лояльным, чем за все время существования нашего подпольного контр-ре-

Волюционного центра. Я сказал неправду: неправду не потому, что хотел сказать неправду, а потому, что я ошибся.

Ошибка моя проистекает из того, что мы так привыкли к системе обмана партии, что даже находясь в заключении нам трудно эту систему из своей психологии вытравить.

Что я здесь хочу сказать? Что из себя представляют выступления КАМЕНЕВА и ЗИНОВЬЕВА на ХУП партс"езде? ЗИНОВЬЕВ говорил, что он в этом выступлении был искренен. Не мое дело разбираться в искренности или не искренности этого выступления; я беру только политическую сторону. Я тут-же замечая, что то, что я скажу про КАМЕНЕВА и ЗИНОВЬЕВА относится и ко мне в такой же степени, и в несколько меньшей степени к присутствующим здесь единомышленникам.

ЗИНОВЬЕВ вышел на трибуну с"езда и еще раз анализировал, и довольно удачно, контр-революционность тех позиций, которые мы занимали в 25-27 г.г. Но то, что он сказал на с"езде - он и КАМЕНЕВ - было только половина правды, а половина правды при известных обстоятельствах бывает хуже чем самая вредная ложь, так же как иной раз ложь бывает во спасение.

Он должен был сказать с"езду партии: Вот теперешние наши взгляды, но с"езд должен знать, что мы то - КАМЕНЕВ - ЗИНОВЬЕВ - отказываемся от этих взглядов, но в партии есть известные им (КАМЕНЕВУ и ЗИНОВЬЕВУ) лица, которые остаются при контр-революционных выступлениях; в партии, в ее рядах есть многочисленные враги, которые сохраняют свое партийное положение только для того, чтобы лучше бороться против партии.

А не сказав этого, их выступление привело только к понижению революционной бдительности партии. Ведь многие

на с"езде поверили ЗИНОВЬЕВУ, многие аплодировали; ЗИНОВЬЕВУ аплодировал сам СТАЛИН.

Не сказав этой второй половины правды, ЗИНОВЬЕВ и КАМЕНЕВ еще больше закрепили в сознании наших единомышленников законность обмана партии.

Раньше дело шло о заявлениях в Центральную Контрольную Комиссию, о заявлении в ЦК партии, о тех или других маневрах, здесь же, дело происходило на 17-м партийном с"езде, на с"езде к голосу которого с небывалым вниманием прислушиваясь весь мир, все наши друзья во всем мире, все наши классовые враги.

На том же с"езде победителей, так его совершенно правильно расценивала партия, ЗИНОВЬЕВ и КАМЕНЕВ нашли возможным не сказать второй половины правды, превратив все свои выступления в закрепляющие мысль нашего врага.

Если можно обмануть 17-й с"езд партии, с"езд победителей, где же можно в нашем арсенале, в наших преступлениях, найти больше доказательств законности обмана?

Повторяю, ответственность за это выступление несут не только ЗИНОВЬЕВ и КАМЕНЕВ. Я тоже был на с"езде, у меня был гостевой билет, кто мне мешал выступать там, на с"езде, с такой второй половиной правды.

Сознание вот этой моей вины перед партией является одним из самых тяжелых признаний. Повторяю, не только я несу ответственность, ЗИНОВЬЕВ и КАМЕНЕВ. На сколько крепки были эти наши к.-р. настроения, насколько мы напрягали до последних нервов наши мозги, что не нашлось никого из нас сказать с"езду, что его не будем обманывать снова.

ЗИНОВЬЕВ, в том же заявлении, допускает одну ошибку, которая часто происходит с людьми, находящимися в положении подобном нам.

Он в конце заявления говорит, что он всегда был предан интересам рабочего класса.

Я буду сейчас говорить не про ЗИНОВЬЕВА, а про всех нас. Нет, суб"ективно мы не были преданы до конца интересам рабочего класса. Если бы мы являлись таковыми, что нам могло мешать ощущать то великое, что происходит в нашей стране, что человеку, действительно преданному рабочему классу могло в этот момент помешать ощущать это, когда злейшие враги нашего класса, признают наши достижения, когда в небывалой мере поднялась мощь советской страны, когда советская страна превратилась в решающий фактор не только в глазах наших трудящихся масс, но и классовых врагов, что могло в этот момент нам помешать осознать по настоящему то, что происходило в нашей стране, так как это должен оценивать человек преданный интересам страны.

Нам мешали — наша контр-революционная озлобленность, ослепленность и наша злоба против партийного руководства. Это же не суб"ективный порядок.

Я кончаю. Может быть я чтонибудь упустил, и может быть чтонибудь важное и серьезное. Речь не записана, говорить очень не легко.

Кончаю обращением к суду, с просьбой поверить, что я действительно искренне и до конца признал все тяжести тех преступных деяний, которые я совершил за ряд лет, начиная с 1925 года, преступных деяний, которые принесли громаднейший вред партии, рабочему классу, всем трудящимся нашей советской страны, и всему международному рабочему движению, преступных деяний, которые привели к тому трагическому событию, которое разыгралось в Ленинграде, трагическому белобандитскому убийству товарища КИРОВА.

Я приму любое постановление суда, как постановление, мною вполне заслуженное, и поверьте, я говорю искренне, что при этом мне будет служить, или смягчать мою скорбь только два обстоятельства: первое — это то, что я действительно кончил с этим позорным прошлым.

Я вернусь еще на минуту к тому, чтобы вспомнить, что произошло на 17-м съезде партии.

В связи с этим была проявлена враждебность не только к руководству партии, а высшее проявление враждебности к партийному руководству, такие отношения, когда маленькая кучка контрреволюционеров противопоставляет всю партию.

Скорбь моя будет смягчаться несколько от сознания того, что я от этой враждебной сети отошел. Вторым обстоятельством, которое будет несколько смягчать мою скорбь и поверьте, опять в искренность мою, это будет сознание того, что дело окончательной победы коммунизма находится в надежных руках нашей партии, ее ЦК и гениального вождя тов. СТАЛИНА.

Председатель объявляет перерыв на 10 минут.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Заседание продолжается. У меня один дополнительный вопрос к ЕВДОКИМОВУ. Скажите, кто в последнее время состоял в московском центре?

ЕВДОКИМОВ: В состав московского центра входили: ЗИНОВЬЕВ, ЕВДОКИМОВ, КАМЕНЕВ, БАКАЕВ, КУКЛИН, ШАРОВ, ГОРШЕНИН, ЛЕССЕН, ГЕРТИК, это все.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: А ФЕДОРОВ входил в состав Московского центра?

ЕВДОКИМОВ: ФЕДОРОВ входил, но последнее время, по существу, членом московского центра ФЕДОРОВ не являлся. Он окончательно личные связи с нами порвал, но об изменении своих взгля-

дов не заявил никому из нас. Это, конечно, заставило считать его стоящим на прежних к.-р. позициях, но встречаясь с нами все реже и реже и при встречах, по крайней мере лично со мной, никаких политических вопросов с к.-р. духом не поднимал, хотя, ныне летом, мы встречались в Сочах, где вели разговор по душам и была для этого удобная обстановка. Мы несколько раз там виделись, гуляли, но во время этого, повторяю еще раз, никаких вопросов не поднимали. Вот исходя из этого, я считаю, что фактически он в это время уже членом нашего московского к.-р. подпольного центра не являлся, или во всяком случае, не являлся сколько нибудь активным членом этого центра.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: — В предыдущие годы ФЕДОРОВ состоял в составе московского центра?

ЕВДОКИМОВ: — Да.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Значит вы считаете, что ХАРИТОНОВ не входил в центр.

25

ЕВДОКИМОВ: . Перед отъездом за-границу, я не помню точно в какое время, он начал по нашему впечатлению отходить и у нас было резкое отношение к его настроению. Но это не был отход, который был бы сопряжен с определенным обращением к кому нибудь из нас о том, что он отказывается от своих прежних контр-революционных позиций. Но опять-таки, после исключения ЗИНОВЬЕВА из партии за связь с Рютиным, в нашей среде говорилось о том, что ХАРИТОНОВ в очень резкой форме выступил или на ячейке в Берлине, или в Лондоне, при чем, характер этого выступления, говорил о его искреннем будто бы отмежевании от нас, что он, например, заявлял будто, что теперь он никогда не подаст руки ЗИНОВЬЕВУ.

После этого я с ним встречался, но имея в виду такую оценку его настроения, которая была в наших кругах, я с ним политических вопросов не затрагивал. Только один раз он сам коснулся одного вопроса, а именно - вывода ЗИНОВЬЕВА из редакции "Большевик". При чем, он заявлял, что ЗИНОВЬЕВ опять допустил крупную принципиальную ошибку, и теперь он не может сослаться на то, что виною обстоятельства, что этому виною обстановка; это целиком его собственная вина. Вот это его заявление послужило для меня подкреплением тех разговоров, которые велись за последнее время о его настроениях.

На этом основании я считал, что он не только не был членом центра, но можно сказать, стал отходить, по крайней мере в некоторых вопросах. Больших доказательств тому, что он отошел - его прямых разговоров, даже отдельных заявлений, что пора с этим покончить - нет,

.доказательств такого порядка я привести не могу.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Таким образом до последнего времени членами центра состояли-ЗИНОВЬЕВ, КАМЕНЕВ, ЕВДОКИМОВ, БАКАЕВ, КУКЛИН, ШАРОВ, ГОРШЕНИН, ГЕРТИХ?

ЕВДОКИМОВ: Да.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: ХАРИТОНОВ по Вашему мнению $\frac{1}{2}$ в последнее время не был членом центра.

ЕВДОКИМОВ: Да.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Но в продолжении ряда лет он состоял членом центра?

ЕВДОКИМОВ: Да.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Таким образом Ваше показание на очной ставке от 9/1-по существу не меняется?

ЕВДОКИМОВ. Да, да.

Д О П Р О С

А Н И Ш Е В А. Анатолия Исаевича.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Подсудимый АНИШЕВ! Вы признаете себя виновным в том, что состояли активным членом к.-р.зиновьевской группы?

АНИШЕВ: Да.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Скажите,какова была структура этой группы,какая была связь с "московским центром", была ли связь с организациями в других городах?

АНИШЕВ: Организационная структура нашей подпольной к.-р. организации соответствовала той тактике, которая была принята, т.е. она не носила какой то определенной строго зафиксированной формы. Она была основана главным образом на личных связях, на тех связях, которых по цепочке передавались от центра до каждого члена организации,

охватывая таким образом всех тех, кто не отошел после 15 с"езда, не ушел с тех к.-р. позиций, на которых мы оставались.

Я на предварительном следствии ставил сам перед собой вопросы и показывал о том, что то, что мы хотели изобразить как сохранение личных связей, конечно, не было просто сохранением личных связей, а было настоящими организационными связями, только в той форме, которая соответствовала тактике, принятой у нас.

Я указывал, что когда я остановился в Ташкенте, то вовсе не были нужны старые личные связи для того, чтобы связаться со всеми новыми членами организации, которые приехали в Ташкент позже, хотя бы я с ними не был раньше знаком. Но я очень быстро с ними установил связь. То же самое — когда я приехал в Ленинград: мне вовсе не нужно было иметь старые личные связи, а нужно было только знать, что они стоят на тех же к.-р. позициях, на которых стою я.

Характер связи. Я лично, когда переехал в Ленинград, считал своим долгом обязательно побывать у когонибудь из членов центра, получить соответствующие информации. Я первый период после возвращения из Средней Азии был больше всего у ГЕРТИКА, последнее время — у БАКАЕВА. Я каждый раз, когда приезжал в Москву, обязательно бывал у них. Раз я был у ЕВДОКИМОВА, но последнее время был всегда у БАКАЕВА. Бывал и у САФАРОВА.

Связь между Москвой и Ленинградом поддерживалась приездами из Москвы членов центра. В частности, мне известны два приезда ГЕРТИКА, который хотя не был москвичем, но он приехал как представитель именно центра

по вопросу об отношениях к делу ЗИНОВЬЕВА — РЮТИНА и т.д. Так, что, таким образом между Москвой и Ленинградом связь и поддерживалась.

Никто меня не уполномачивал для поддержания таких связей, но это было понятно, что поскольку я еду в Москву, то буду видаться с кемнибудь из членов центра. Тоже самое было ясно, что когда допустим, ктонибудь приезжал в Ленинград, то никто не сомневался, что то, что он передавал нам — будет передано нами тем с кем мы встречались в Ленинграде, в частности, в Ленинграде у меня связи были менее регулярными чем в Москве, но в Ленинграде я имел связь — с РУМЯНЦЕВЫМ, КОТОЛНОВЫМ и другими членами ленинградской организации.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: С ЛЕВИНЫМ встречались?

АНИШЕВ: С ЛЕВИНЫМ встречался случайно.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Кто из них состоял в ленинградском центре?

АНИШЕВ: Не знаю.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Кто состоял в московском центре?

АНИШЕВ: КАМЕНЕВ, ЕВДОКИМОВ, БАКАЕВ, КУКЛИН, ГЕРТИК, относительно ФЕДОРОВА для меня было неясно.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Что делалось организацией в целом и "московским центром" в частности, на что ставили ставку?

АНИШЕВ: Положение создалось после XV съезда таково, что тот вывод, который мы тогда делали, что мы идейно не разбиты, сразу же этот вывод об"единил все группы, которые были об"единены, и троцкисты, и те, кто являлись сторонниками "23", и левые безвозвращенцы, т.е. группа, которая шла вместе с САФАРОВЫМ. Что мы идейно не разбиты — в этих выводах сходились все мнения.

Представляется, что этот вывод и предопределил все дальнейшее развитие, все дальнейшее перерождение и к.-р. пути, на которые мы перешли в то время.

Вопрос, на что ставила ставку эта организация?— Для меня ясно одно, что не на успехи социалистического строительства, потому что успехи социалистического строительства укрепляли руководство и мне кажется характерным, что оживление, которое нашей подпольной организацией проявлялось, оно относится к периоду затруднения в социалистическом строительстве. Именно эти затруднения подтверждались нами, и ставка ставилась на эти затруднения. По той радости, с которой подхватывали мы каждый слух и известия на фронте социалистического строительства, было ясно, что ставка ставилась на эти трудности. От левых фраз, которыми мы когда то прикрывались, не оставалось ничего. Я думаю, что и тогда уже для меня было ясно совершенно, что те левые фразы, которые были в достаточном количестве в наших формах к 15 с"езду, были тем прикрытием для тех, кого партия называла кучкой капиталистических реставраторов. Я приведу факт, который я вспомнил. Когда я приехал в 1927 г., мне САФАРОВ показал проект платформы в части сельского хозяйства. Когда я прочитал этот проект, я убедился, что проект этот явился проектом прямой капиталистической реставрации, свободного капиталистического развития в деревне. Это меня тогда очень удивило. САФАРОВ тогда сказал, что этот проект одобрен ЗИНОВЬЕВЫМ. СМИЛГА четко ставил вопрос, что он считает, что капитализм не изжил себя в деревне и, что поэтому

.повторяю, этот приезд ЕЛЬКОВИЧА я рассматривал, как приезд из Москвы. Вот этот разговор, который мы тогда вели. Когда я вспоминаю этот разговор, то думаю, что, если бы ктонибудь из белогвардейцев услышал бы наш разговор, он всех троих нас расцеловал бы, потому что это говорилось в очень злобной форме о затруднениях, которые тогда были. Мы преувеличивали затруднения, также и слухи о голоде на Украине. Тоже было и в разговоре с ГЕРТИКОМ в 1932 г. о Северном Кавказе. Все эти затруднения раздувались невероятным образом, ставились в прямую вину руководству и, особенно, персонально СТАЛИНУ. Эти разговоры преподносились в таком виде, что, когда я вспоминаю эти разговоры сейчас, то должен признать, что ставка ставилась на трудности, которые партия переживала.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Ставка была только на трудности или еще на что?

АНИЩЕВ: ^{Я скажу потом,}
 На что ставилась ставка оппозиции? На провал руководства, прежде всего на провал руководства на трудностях на провал по существу тем самым партии и на провал советской власти. Совершенно ясно, что провал руководства партийного на тех трудностях, о которых я говорил есть, конечно, провал и советской власти. С провалом руководства связывались постоянные разговоры о том, что было бы совершенно иначе, если бы у руководства был ЗИНОВЬЕВ, если бы у руководства был КАМЕНЕВ и т.д.

Я помню разговор с ГЕРТИКОМ, который мы имели во время его приезда в Ленинград в 1932 году. Мы говорили о преувеличении трудностей на фронте коллективизации, что непосредственно связывали с вопросами о руковод-

стве, в том, что руководство не годится, что руководство должно быть сменено. Очень часто тогда, был разговор у нас о том, чтобы было бы совершенно другое, если бы у руководства стояли ЗИНОВЬЕВ и КАМЕНЕВ, а также и др. члены нашей организации. Эта постановка вопроса говорила о том, что с этой ставкой о трудностях, непосредственно ставилась ставка на изменение руководства изнутри. Обычно мы приходили к оценке, к критике и к ненависти к руководству. Эта ненависть к руководству, которую мы разжигали, передавалась по всей организации, начиная от верхов до самых низов.

Я помню разговор, в связи с трудностями коллективизации. Помню был вопрос поставлен так при свидании с ЕЛЬКОВИЧЕМ, что колхозники при той оценке, которую мы давали, не пойдут воевать в случае военных осложнений Советской власти. Такая оценка, которую мы давали, по существу являлась ни чем иным, повторяю еще раз, как старыми тезисами КЛЕМАНСО на поражение Советской власти.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: В Вашем показании от 30 декабря и на очной ставке Вы показали, что была ставка на трудности, на поражение Советской власти, ставка на крестьянские восстания, на недовольство рабочего класса, на поражение компартии на Западе и т.д.

Подтверждаете Вы это сейчас?

АНИЩЕВ: Эту формулировку я подтверждаю и сейчас.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: В разговоре с кем говорилось о возможном крестьянском восстании?

АНИЩЕВ: О крестьянском восстании я разговаривал с ЕЛЬКОВИЧЕМ в Ленинграде. О недовольстве среди рабочего класса был разговор, но я не помню сейчас детально. Помню был разговор в этой части с РУМЯНЦЕВЫМ. Мы с ним говорили

и оценивали положение, в связи с займовской кампанией в Ленинграде в 1933 г. Эта оценка была, примерно, такого порядка, что займовая кампания проходит чрезвычайно трудно, что положение и настроение рабочих в этом отношении к партии колеблется и что партия, партийное руководство, в частности, руководство Ленинграда, все больше теряет связь с ленинградскими рабочими, что всюду новые люди, новые работники, новые секретари, что связь, которую имели бы мы — "они" не имеют.

Разговор о настроениях и о трудности среди рабочих был и с САФАРОВЫМ, который в один приезд мой к нему говорил об этом и спрашивал меня — известно ли мне о тех забастовках и волнениях, которые происходят в Ленинграде. Когда я сказал, что мне неизвестно, то САФАРОВ был чрезвычайно недоволен и у него вызвало удивление и недовольство, как это так, ^{т.е.} я, сидя в Ленинграде, не знал о таких важнейших вещах, как волнениях и забастовке в Ленинграде. Он рассказал мне целый ряд сведений об этой забастовке и волнениях и указывал, что нам нужно быть в курсе этих дел.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Быть только в курсе дел или способствовать?

А Н И Ш Е В: В прямой форме не говорилось, но расшифровывая установку САФАРОВА можно сделать вывод, что нужно быть не только в курсе, но и не мешать, не подавлять настроения.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Вам давались указания со стороны работников московского центра, что нужно муссировать и распускать все эти сведения среди своих единомышленников?

А Н И Ш Е В: Таких указаний не нужно было давать. Мы понимали, что это дело не могло оставаться только у нас, что эти

сведения должны идти и дальше.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Члены Вашей организации должны были передавать дальше эти сведения?

А Н И Ш Е В: В отношении членов нашей организации мы были осторожны, но, конечно, было понятно о расширении кадров наших сторонников, о привлечении, хотя бы осторожным образом, частично новых лиц, от которых мы никогда не отказывались.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Кем была сказана фраза, что насильно загнаны в колхоз крестьяне и поэтому в случае войны они не будут защищать советскую власть?

А Н И Ш Е В: Эта фраза была сказана ЕЛЬКОВИЧЕМ; примерно в том же духе был разговор и с ГЕРЦБЕРГОМ.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: С ГЕРЦБЕРГОМ в 33 году?

А Н И Ш Е В: Нет, с ГЕРЦБЕРГОМ в 32 году.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: ГЕРЦБЕРГ вел такой разговор как член "московской организации?"

А Н И Ш Е В: Да.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: С кем ~~из~~ из представителей московского центра, или членами центра Вам приходилось иметь такие разговоры?

А Н И Ш Е В: С БАКАЕВЫМ, с КУКЛИНЫМ и с ЕВДОКИМОВЫМ.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: КУКЛИН, в частности, какие разговоры вел с Вами?

А Н И Ш Е В: Я не могу вспомнить детально — кто именно, что говорил на том собрании, о котором я показывал (у БАКАЕВА в начале 33 года). Там Присутствовали БАКАЕВ и КУКЛИН. Я, в частности, сообщал сведения из Сельскохозяйственной Академии о том, что делается в колхозах. Сведения к-р. клеветнического порядка. Там еще шел разговор в отношении программы выполнения чугуна. Опять таки, эта программа обсуждалась с точки зрения к.-р. позиций.

Там присутствовал БАКАЕВ и КУКЛИН; что кто именно говорил — я не могу вспомнить.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Когда это было?

А Н И Ш Е В: В начале 33 года.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Может быть Вы несколько коснетесь вопроса разжигания ненависти к руководству партии и Советскому правительству. К чему это разжигание могло привести и привело?

А Н И Ш Е В: Я уже говорил, что о чем бы мы не начали разговор, были ли то вопросы индустриализации, были ли то вопросы международной политики, был ли то вопрос коллективизации, были ли то вопросы внутрипартийные, коминтерновские вопросы, — о чем бы мы не говорили — мы всегда протягивали прямую нить к руководству и, в частности, к вождям партии.

Мне представляется чрезвычайно важным, в понимании того, что произошло, что та ненависть, которая вырабатывалась и вынашивалась в нашей организации, что эта ненависть не была направлена вообще просто к руководству, а персонально к вождям партии. Мне кажется, что для понимания связи между выражением ненависти и тем террористическим актом, который произошел, — мне кажется, для понимания этой связи очень важным моментом является то, что эта ненависть направлялась всегда персонально против кого-нибудь, и прежде всего, конечно, против тов. СТАЛИНА и особенное место в этом вынашивании ненависти среди нас занимал тов. КИРОВ.

Я могу привести все те разговоры, о которых говорил. Я не знаю — нужно ли еще воспроизводить все эти разговоры?

~~Именно так, как я говорил, что...~~

~~Кирову, как и тов. Сталину, — о чем бы~~
мы не говорили — мы всегда протягивали прямую нить к
руководству и, в частности, к вождям партии.

Мне представляется чрезвычайно важным, в
понимании того, что произошло, что та ненависть, кото-
рая вырабатывалась и вынашивалась в нашей организации,
что эта ненависть не была направлена вообще просто
к руководству, а персонально к вождям партии. Мне каже-
тся, что для понимания связи между выражением нена-
висти и тем террористическим актом, который произо-
шел, — мне кажется, для понимания этой связи очень
важным моментом является то, что эта ненависть напра-
влялась всегда персонально против кого-нибудь, и
прежде всего, конечно, против тов. СТАЛИНА и особен-
ное место в этом вынашивании ненависти среди нас за-
нимал тов. КИРОВ.

Я могу привести все те разговоры, о которых —
~~говорила. Я не знаю, нужно ли еще воспроизводить все~~
~~эти разговоры?~~

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: — Нет. Нас интересует — кто особую злобу проявлял в от-
ношении руководства. В какой форме это проявлялось,
в отношении кого. Уточните, пожалуйста. Почему имя КИ-
РОВА вызывало такую злобу, со стороны кого именно, ко-
гда, в связи с каким обстоятельством?

А Н И Ш Е В: — Злоба против КИРОВА и та клевета, которая на КИРОВА
возводилась, ведет свое начало с самого момента на-
значения КИРОВА в Ленинград. С этого момента назна-
чение КИРОВА рассматривалось как выдвижение терми-
дорианской реакции. С этого момента против КИРОВА
появился целый ряд клеветнических сплетен; ходили

листки с целым рядом данных против КИРОВА....

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Кем составлены были эти листки?

АНИШЕВ: - **ГЕССЕНЫМ.** Во первых, извращалась биография КИРОВА: она - освещалась таким образом, что это является выдвижением не пролетарского революционера, а что это является выдвижением именно термидорианской реакции. КИРОВ среди нас фигурировал именно в этом к.р. освещении. Последние годы точно также, когда заходил разговор, в частности, о Ленинграде, то в то время когда оценка общего положения всегда приводила к выпадам против СТАЛИНА персонально, в той же степени оценка положения в Ленинграде, приводила к личным выпадам против КИРОВА.

В частности, помню, например, разговор с ГЕРТИК по поводу того, что Смольный представляет из себя сейчас совершенно мертвое чужое учреждение в котором не виден рабочий. Отсюда делались выводы о характере руководства КИРОВА. Помню разговор, который мы вели, если не ошибаюсь, я, ТАРАСОВ, ЦЕЙТЛИН и ЛУКИН по поводу проведения демонстрации в Ленинграде. Не помню, во время какого праздника была эта демонстрация, но мы эту демонстрацию оценивали с той точки зрения, что теперь между трибуной и демонстрацией нет той связи, которая была раньше, что руководители Ленинграда оторваны от рабочих масс Ленинграда - не знают их, и рабочие их не знают.

Таким образом это разжигание ненависти, которое передавалось с каждой информацией, с каждым разговором, - это разжигание ненависти, несомненно, создало ту обстановку, которая породила то, что произошло, т.е. убийство КИРОВА.

Так, что мне представляется, что выраживание этой ненависти по существу, нужно рассматривать, как подстрекательство террористических действий

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Из подсудимых по этому делу с кем приходилось беседовать о КИРОВЕ?

АНИШЕВ: Я назвал ГЕРТИКА и ГЕССЕНА. Больше разговоров о КИРОВЕ не помню.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Вам приходилось разговаривать с РУМЯНЦЕВЫМ.

АНИШЕВ: Разговор с РУМЯНЦЕВЫМ относится к 1932 году. Я рассказывал о том, разговоре, который был с выпадами в отношении вождей.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: В частности, по отношению к СТАЛИНУ кто высказывал особенную ненависть?

АНИШЕВ: Из числа подсудимых — трудно сказать. Эта звериная ненависть чувствовалась во всех разговорах. Особенно она чувствовалась в разговорах ГЕРТИКА, также в разговорах у БАКАЕВА, о которых я говорил также с ЕВДОКИМОВНЫМ, который у нас был и, которого я встретил последний раз на улице в Москве.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Разжигание этой ненависти проявилось в террористическом акте?

АНИШЕВ: Да, я считаю, что это явилось результатом этих разговоров.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Что Вы желаете добавить к Вашему показанию?

АНИШЕВ: Я говорил уже о том, что, по существу эти установки и те позиции, которые мы занимали явилось определенными открыто к.р. позициями, позициями капиталистической реставрации. Я говорил о тех формах и двойничестве, которые явились нашей тактикой, когда мы входили в —

партию, когда мы думали, что мы идейно не разбиты, что руководство является безидейным и, во всяком случае, неидейно разбило нас, вот, все это мне кажется, породило то к.р. преступление, которое произошло. И если мы к 15 съезду имели за собой и демонстрацию 7 -го ноября и ряд других выступлений, явно выходящих за пределы внутрипартийной борьбы, то, за последнее время, говорить о внутри-партийной борьбе, конечно не приходится.

Находясь внутри партии, мы по существу вели борьбу прямо антисоветскую, прямо контр-революционную, направленную на поражение Советской власти

Я не буду, пожалуй, подробно говорить потому, что я дал об этом письменное показание. Я хотел бы сказать только о том, что, в чем я убедился сейчас за последнее время. Я работал в колхозе Таджикистана и я хотел сказать о том выводе, к которому я пришел. Между той политикой, которая ведет кулачество в колхозах и между той, которую вели мы в партии, нет никакой разницы, - тоже двойничество, двурушничество. Стремление ухватиться за каждую неудачу, чтобы ее раздуть кое где.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Что значит кое-где?

АНИШЕВ: - Эта тактика кулачества как две капли воды похожа на ту тактику, которую мы проводили внутри партии и они имеют одни цели. Вот до чего мы докатились.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Программа у Вас была?

АНИШЕВ: - У нас в последнее время не принято было говорить о платформе. О старой платформе никогда не говорили.

Я задал ГЕРТИКУ вопрос, что мы можем проводить положительного в этой программе? — он на этот вопрос ничего не смог ответить. Сказал, что мы затерты партией, что ничего не может выработать другого. Программа по существу была одна. Мы не могли возражать против тех побед — социалистического строительства, которые были партией одержаны.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Подбуждимый АНИШЕВ желаете чтонибудь добавить?

АНИШЕВ: — Нет.

САХОВ: У меня имеется вопрос к АНИШЕВУ, пусть он скажет в каком году мы с ним встречались в последний раз и где именно.

АНИШЕВ: — Я не помню сейчас.

САХОВ: — Ну, скажите, примерно, сколько — 3, 4, 5 лет тому назад мы встречались с Вами?

АНИШЕВ: — Это было давно.

САХОВ: — Даже встречу не помните?

АНИШЕВ: — Н е т .

САХОВ: — И меня имеется вопрос ЕВДОКИМОВУ — могу ли я спросить? 14

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Сейчас допрашиваем АНИШЕВА, а когда будем допрашивать вас, то вы будете иметь возможность задавать вопросы.

ГЕРТИК: — У меня вопрос к АНИШЕВУ. Пусть он скажет, когда мы с ним виделись последний раз и где?.

АНИШЕВ: — Я помню хорошо последнюю встречу во время приезда ГЕРТИКА в Ленинград в 1932 г. Сейчас я хорошо не помню, но был еще один приезд в Ленинград ГЕРТИКА. Я помню два приезда в Ленинград в 1933 году.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Это было в конце или начале 1933 г.

АНИШЕВ: Это было в середине 1933 года и к началу 1932 г. Я помню, у нас были две встречи. Первая во время моего приезда, когда был у БАШКИРОВА и вторая — когда была

НАТАНСОН. Одна из встреч была в Госиздате в тот же самый
приезд, а эта была в другое время. - В 1933 году мы с
ГЕРТИКОМ не виделись, в 1934 году также.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Подсудимый АНИШЕВ, садитесь.

ДОПРОС.

БАКАЕВА . ИВАНА ПЕТРОВИЧА.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Подсудимый БАКАЕВ, скажите пожалуйста, кто входил в со-
став московского центра?

БАКАЕВ: - До последнего времени кто состоял членами московского
центра мне трудно будет сказать, но до 1932 г. я знаю
всех кто входил в состав группы, а именно: ЗИНОВЬЕВ,
КАМЕНЕВ, ЕВДОКИМОВ, ФЕДОРОВ, ГЕРТИК, КУКЛИН, ГОРШЕНИН и я.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: А ШАРОВ состоял членом центра?

БАКАЕВ: - Да, ШАРОВ и ХАРИТОНОВ.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: ХАРИТОНОВ был до 1932 г.?

БАКАЕВ: - Да, до 1932 г. , после этого мне трудно сказать, потому
что эта центральная группа обычно собиралась у ЗИНОВЬ-
ЕВА, а я с 1932 г. перестал ходить к ЗИНОВЬЕВУ.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Во время очной ставки 9 января Вами было показано, что
Вам было известно о зиновьевском центре в Москве, куда
входили ЗИНОВЬЕВ, ЕВДОКИМОВ, КАМЕНЕВ, БАКАЕВ, ШАРОВ, ФЕДОРОВ,
КУКЛИН, ГЕРТИК, а до 1932 г. был ХАРИТОНОВ?

БАКАЕВ: Я относительно себя говорил раньше следствию, что факти-
чески я был членом этой центральной группы потому, что
перестав ходить к ЗИНОВЬЕВУ, я не переставал встречать-
ся с рядом товарищей, от которых знал, что они попрежнему
посещают ЗИНОВЬЕВА и не только не перестал встречаться,
но не перестал вести разговоры на антипартийные темы

с отдельными товарищами из этой группы. Дело обстояло так.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: На той же очной ставке Вам был задан вопрос "состояли ли Вы членом Московского центра".

БАКАЕВ: - Все они меня считали своим человеком.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Своим человеком - это одно, а считать членом центра - это другое. Вы отрицаете, что состояли до последнего времени членом центра. Был такой руководящий - центр, который руководил работой всей зиновьевской организацией не только в Москве, но и в Ленинграде. Вот в этот центр Вы входили до самого последнего времени?

БАКАЕВ: Этот центр фактически существовал до 1929 года. За это время было несколько совещаний, на которых присутствовал и я. Я знаю, что в это время происходили регулярные совещания, но на всех совещаниях я не был, потому что до мая 1931 г. в Москве не жил. После 1929 года я не знаю ни одного такого совещания, если не считать летучих, случайных совещаний, бывших на квартире ЗИНОВЬЕВА в составе - ЗИНОВЬЕВА и КАМЕНЕВА. Я ХАРИТОНОВА не помню, был ЕВДОКИМОВ и мы вели разговор в связи с высылкой ТРОЦКОГО. Тут было более или менее организованное совещание, а так обычно встречали ЗИНОВЬЕВА двое, трое без предварительного уговора, случайно, но так как я у ЗИНОВЬЕВА, после 1931 года не был, то мне трудно сказать - состоял я фактически членом этого центра или нет. С отдельными товарищами, входящими в состав центра я встречался, разговаривал на политические темы. Характер разговоров был не только антипартий

~~Вопросы и ответы на показания~~

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Я не совсем понимаю Ваше показание от 9 января. Там было зафиксировано: "Признаю, что действительно состоял до последнего времени вместе с **ЕВДОКИМОВЫМ** членом московского центра". И на вопрос, заданный **ЕВДОКИМОВУ** - "Подтверждаете Вы показания **БАКАЕВА**" - Он ответил "Показания **БАКАЕВА** подтверждаю".

БАКАЕВ: - Я никому из своих товарищей не говорил о своем отходе и фактически не отошел, стало быть был членом центра.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Значит Вы говорите, что центр в полном составе не собирался в последнее время?

БАКАЕВ: Да.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Но все лица в то или иное время состояли в московском центре, все девять лиц?

БАКАЕВ: Да. А до 32 г. и **ХАРИТОНОВ**.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Так почему Вы выделяли в данном случае **ХАРИТОНОВА**, по каким причинам?

БАКАЕВ: Я довольно продолжительное время не встречал **ХАРИТОНОВА** у **ЗИНОВЬЕВА**.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Он сам отошел от Вас?

БАКАЕВ: Как будто, да.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: **ХАРИТОНОВ** не является подсудимым по данному делу и я задаю вопрос не о нем, а только потому что в Ваших показаниях Вы его выделяете: говорите что до 1932 года в центр входил и **ХАРИТОНОВ**. Значит ясно, что остальные девять человек до последнего времени входили в центр.

БАКАЕВ: В 32 г. я его не встречал у **ЗИНОВЬЕВА** и не встречал его у тех товарищей, с которыми я поддерживал дружеские связи.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Теперь скажите следующее: считаете ли Вы, что вся эта деятельность Вашей организации по существу была контр-революционной, антисоветской.

БАКАЕВ: - Да, по существу она была такой.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Какие задачи и цели, преследовала Ваша организация, и, в частности, московский центр? Я говорю о последнем времени: не о периоде 28-29 года, а о 34-33г. даже 1932 годах.

БАКАЕВ: - К сожалению, я не в состоянии буду ответить на этот вопрос в такой постановке: какую цель преследовала наша организация в последний год. Мне известна одна цель - взаимная политическая информация.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Имея ввиду - смену руководства партии и смену правительства?

БАКАЕВ: - О смене партийного руководства были разговоры в 28-29 году. После этого таких разговоров не было.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Но вы то собирались, беседовали между собой, рассказывали всякие антисоветские анекдоты, всякие сплетни политические, имея в виду какую то целевую установку

БАКАЕВ: - Боюсь сказать, что была такая целевая установка. Просто ~~не~~ не куда было пойти.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Но у Вас была цель скомпрометировать руководство нашей партии, заменить наше руководство другими лицами. Об этом разговоры как будто были все годы. Об этом говорят все Ваши единомышленники, сидящие рядом.

БАКАЕВ: - Такой задачи мы перед собой не ставили, но обыкновенно разговоры, которые велись среди нас были направлены на дискредитацию существующего руководства.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Какую же цель Вы преследовали, занимаясь этой деятельностью по дискредитации.

БАКАЕВ: -

Может просто такую цель - получить личное удовлетворение. Политических целей мы не ставили таких. Я, по крайней мере не знаю.

АНИШЕВ говорил, что мы делали установку на провал Советской власти, взрыв руководства. Не было такой установки! Не ставили мы таких задач перед собой! Он еще говорил в отношении особой ненависти со стороны московского центра зиновьевцев к КИРОВУ и со стороны ленинградских зиновьевцев к КИРОВУ. Вот, положи руку на сердце, я должен сказать, что такой персональной ненависти к КИРОВУ, я не видел среди товарищей, с которыми мне приходилось говорить о нем. Больше того: в 32 г. я встречался с ЛЕВИНЫМ Владимиром; он о КИРОВЕ иначе не выражался "Наш Миронич". Отзыв о КИРОВЕ (он же сумел завоевать огромный авторитет в Ленинграде) был там положительный.

Не кривя душой я не могу сказать, что из лиц известных мне, КИРОВ в смысле ненависти занимал особое место. Я знаю, что КИРОВ относился особо терпимо к бывшим оппозиционерам.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ:

Тогда я иначе поставлю вопрос: "Какая установка распространялась участниками московского центра к.р. зиновьевского подполья среди Ваших единомышленников и участников такой вопрос был задан Вам следствием.

БАКАЕВ: -

Установка по сути была антисоветской и контр-революционной. Действительно, установка такого порядка, что теперешнее руководство не в состоянии справиться с теми трудностями перед которыми стоит наша страна, и международное рабочее движение. Я здесь полностью подтверждаю все те сообщения, которые были сделаны мною в отношении характеристики нашего отношения к строительству колхозов.

но в этом деле действительно ни дели только теневые стороны. Мы, с нехорошего почина ЗИНОВЬЕВА говорили, что коллективизация проводится насильственно, что она ведет к разорению деревни, к разорению сельского хозяйства, что она чревата такими последствиями, которых мы сейчас не предвидим, что если и дальше коллективизация будет проводиться в тех формах, которыми она проводилась до сих пор, а разговор относится к 1929-30 г.г., то мы станем перед угрозой разрыва рабочего класса и крестьянства.

Мы очень отрицательно оценивали состояние дел в руководстве Коминтерна.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Вы подтверждаете показания ЕВДОКИМОВА в отношении коллективизации, индустриализации?

БАКАЕВ: - В общем согласен.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: А в чем Вы несогласны?

БАКАЕВ: - С отдельными установками.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Еще какие у вас установки Вы распространяли?

БАКАЕВ: - Мы распространяли злостную клевету в отношении того, что говорили своим сторонникам, что Центральный Комитет недостаточно борется, что недостаточно ведет борьбу с руководителями правого уклона, что он неискренен в своих решениях о борьбе с правыми, относительно внутри-партийной демократии, нарушаемой самим Центральным Комитетом. Но тут ЕВДОКИМОВ говорил и я только ограничиваюсь о своей солидарности с ним.

Уже после того, как я перестал ходить к ЗИНОВЬЕВУ, я знал со слов ГОРШЕНИНА, что и ЗИНОВЬЕВЫМ и всеми ими давалась отрицательная оценка результатам выполнения первого пятилетнего плана. Мы считали, что цифры, характеризующие выполнение этого плана дутые, что план не выпол-

нен, что план в отношении качественных показателей прямо сорван, особенно, в отношении производительности труда и объясняли это слабым партийным руководством, говорили, что Центральный Комитет не справляется с важнейшими задачами хозяйственного строительства.

Такие же антипартийные и по сути дела, контр-революционные разговоры, передавал мне ГОРШЕНИН со слов ЗИНОВЬЕВА относительно постановления XIII партийной конференции в части улучшения материального положения трудящихся в два-три раза.

Ивановские события мы рассматривали опять таки, со слов ЗИНОВЬЕВА, как проявление недовольства значительной части рабочего класса, общей политикой партии Советской власти.

Трудно припомнить все те конкретные случаи, по которым нам приходилось вести разговор вдвоем, троим и, по которым мы иллюстрировали недостатки партийного руководства.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Вы не только констатировали недостатки партийного руководства, но вы одновременно доказывали, что партийное руководство может быть заменено ЗИНОВЬЕВЫМ и КАМЕНЕВЫМ?

БАКАЕВ: Говоря об этих недостатках мы нередко указывали существующие трудности, что они могли бы быть уменьшены если бы к партийному руководству были бы привлечены ЗИНОВЬЕВ и КАМЕНЕВ.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Вопрос о смене руководства поднимался?

БАКАЕВ: О смене руководства вопрос стал только один раз в 1929 г. когда правые, в лице ТОМСКОГО предлагали нам через ЗИНОВЬЕВА и ФЕДОРОВА заключить блок против большинства Цент-

рального Комитета. Тогда ТОМСКИЙ, внося это предложение сказал, что если Вы хотите еще сохранить себя для политической жизни, Вы должны поддержать нас, а мы, правые, решили начать открытую борьбу с СТАЛИНЫМ и Центральным Комитетом, т.к. дальше жить так нельзя". Вот, когда ЗИНОВЬЕВ и ФЕДОРОВ не дали ТОМСКОМУ ответа на этот вопрос а сказали, что они сообщат об этом нам, своим товарищам. В 1929 г. действительно этот вопрос у нас рассматривался на совещании центральной группы.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: А потом, если бы у власти были бы ЗИНОВЬЕВ и КАМЕНЕВ то было бы другое?

БАКАЕВ: Не говорилось что было бы совершенно иное, но говорилось что существующие трудности были бы на много уменьшены.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Надо уточнить вопрос относительно того, что Вы воспитывали своих единомышленников в духе злобы, враждебности по адресу тов. СТАЛИНА. Вы же неоднократно заявляли, что все происходит от того, что ЗИНОВЬЕВ и КАМЕНЕВ отстранены от руководящей работы и что "мы хотим к руководству поставить лидеров нашего руководства". "Если бы ЗИНОВЬЕВ и КАМЕНЕВ были у власти было бы другое".

БАКАЕВ: - Не было никакой силы.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Это другое дело?

БАКАЕВ: - Такие разговоры были.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Воспитывались террористические настроения или нет?

БАКАЕВ: - Антипартийные и контр-революционные по сути дела разговоры были в отношении дискредитации существующего партийного руководства.

Может быть говорилось о том, что если бы к партийному руководству привлечь ЗИНОВЬЕВА, КАМЕНЕВА, было бы

иначе. Это тоже было, но ничего не предпринималось для того, чтобы добиться реализации этого последнего положения потому, что фракционной работы мы не вели.

ПРЕДСЕДАТ.- Вы поддерживали связь со всеми Вашими единомышленниками в Москве и Ленинграде, собирались и велись разговоры в духе ненависти, а также и занимались воспитанием в том же духе и других.

БАКАЕВ: - Не со всеми, но с рядом наших единомышленников.

ПРЕДСЕДАТ.- Вы пытались сохранить кадры среди Ваших единомышленников?

БАКАЕВ: - Политика сохранения кадров и вообще сохранение кадров относится к 1928-29 г. Если разрешите, то я остановлюсь несколько подробно на вопросе сохранения кадров.

ПРЕДСЕДАТ.- До 1934 г. вы и некоторые ваши единомышленники заботились о том, чтобы поддерживать связь между бывшими участниками зиновьевской оппозиции, где бы они не находились - в Москве, Свердловске, Ташкенте и т.д. Распространяли слухи, сплетни, провокационные информации не только в 1928-29 г. г. а вплоть до 1934 г.

В ваших показаниях имеется ответ: "Мы питали наших единомышленников антипартийной контр-революционной информацией в Коминтерне и в стране". Вы это не отрицаете?

БАКАЕВ: - Н е т .

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: "Систематически оказывали влияние на свои кадры, воспитывали в духе злобы и враждебности к руководству, в частности, к т. СТАЛИНУ. Муслировали вопросы о том, что обострение трудностей в партии, в Коминтерне в значительной степени происходит оттого, что ЗИНОВЬЕВ и КАМЕНЕВ отстранены от руководящей работы, что все зависит от возвращения наших

лидеров, отсюда и нас, к руководству партии". Эти показания Вам и даны вполне ясно и логически, изложенные последовательно. Подтверждаете вы эту формулировку?

БАКАЕВ: - Эту формулировку я подтверждаю.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Дальше, в ваших показаниях говорится, что вы воспитывали ваших единомышленников в духе провала руководства партии и дальнейшего укрепления Вашей организации, вы учитывали где находятся Ваши единомышленники. Вы это подтверждаете?

БАКАЕВ: - Это относится к первому периоду.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: В ваших показаниях имеется: " мы проявляли большой интерес к тому, что делается внутри парт. организации в Ленинграде, что делается в рабочих районах Ленинграда" - это Вы тоже отрицаете?

БАКАЕВ: - Нет, не отрицаю.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Вот в связи с этим вашим заявлением расскажите подробно как осуществлялась связь между Москвой и Ленинградом, а также и другими городами. Кто поддерживал эту связь.

БАКАЕВ: Я знаю, что из бывших оппозиционеров рабочих или работавших в Ленинграде не порвали связь с зиновьевской группой до последнего времени следующие: ЛЕВИН Владимир, АНИШЕВ, СОЛОВЬЕВ, ШИРЯЕВ Митя, РУМЯНЦЕВ Владимир - вот как будто бы все.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: А МАНДЕЛЬШТАМ?

БАКАЕВ: - Он вообще редко бывал в Москве.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Он редко бывал, зато вы ездили из Москвы?

БАКАЕВ: - Я этого не откажу, я знаю со слов ЛЕВИНА, что иногда встречал МАНДЕЛЬШТАМА, которого за все годы своего проживания в Москве я встречал раз у ГЕРТИКА.

Это было несколько лет тому назад.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Можно сказать, что связь между вашими единомышленниками Ленинграда и Москвы поддерживалась путем поездок Ваших работников?

БАКАЕВ: - Были ЛЕВИН, АНИЩЕВ, СОЛОВЬЕВ, ПИРЯЕВ, и до 1932 г. был - РУМЯНЦЕВ Владимир.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Кто из Московского центра приезжал давать информацию - или указания в Ленинград? Вы приезжали несколько раз?

БАКАЕВ: - Я был несколько раз.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: КУКЛИН приезжал?

БАКАЕВ: - Я приезжал, но встреч у меня не было.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Кто приезжал из московского центра?

БАКАЕВ: - КУКЛИН приезжал, Володя СОЛОВЬЕВ, ГЕРТИК приезжал последний раз в 1933-34г. и виделся с ЛЕВИНЫМ. Это я знал со слов ГЕРТИКА.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: ГЕССЕН приезжал?

БАКАЕВ: - Недавно, но ЕВДОКИМОВ на первомайские праздники обычно всегда приезжал в Ленинград.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Так что связь была двухсторонняя. Но была ли связь между московским центром и вашими единомышленниками других городов, кроме Ленинграда?

БАКАЕВ: - Была.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Через кого поддерживали связь. Кто были вашими представителями?

БАКАЕВ: - Обычно заходили к нам те, кто приезжал в Москву из других городов. В Ростове жили три бывших оппозиционера - РОЦКАН Федор, ГОРДОН Николай и ДМИТРИЕВ Тимофей, каждый из них был в Москве, заходили к ЗИНОВЬЕВУ и другим товарищам. РОЦКАН заходил ко мне. ГОРДОН регулярно заходил к ГЕРТИКУ, а также и ДМИТРИЕВ Тимофей.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: По Ростову вы знаете три фамилии?

БАКАЕВ: - Да, это все старшие питерцы.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: По Свердловску кого знаете?

БАКАЕВ: - В Свердловске знаю ЕЛЬКОВИЧА, тоже питерец, который находился там ряд лет и приезжал в Москву, обычно останавливался у ГОРШЕНИНА, 4

~~БАКАЕВ:~~ - Почти каждый приезд ходил к ЗИНОВЬЕВУ.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Через ГОРШЕНИНА?

БАКАЕВ: - Нет, ЗИНОВЬЕВ и ЕЛЬКОВИЧ старшие знакомые: ЕЛЬКОВИЧ мог пойти к ЗИНОВЬЕВУ самостоятельно.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: В других городах кого вы знаете из ваших единомышленников, которые сохранили связи до последнего времени?

БАКАЕВ: - В Воронеже жила Ольга РАВИЧ. Она с ЗИНОВЬЕВЫМ старшие друзья. Приезжая в Москву, обычно, бывала у него. По другим городам сейчас боюсь сказать.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Вы еще Архангельск начали называть.

БАКАЕВ: - САХОВ там был. Он поехал туда, но оттуда еще не приезжал, по крайней мере, я его после этого не видел.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Кто еще в Архангельске был кроме САХОВА?

БАКАЕВ: - Кроме САХОВА там находился РОЗНЕР, который до 29 или 30 года, словом до отъезда туда был в очень крепких наших общих настроениях. Я его не видел ряд лет, и не знаю как теперь.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: А в других городах никого не помните?

БАКАЕВ: - В Новосибирске в 29-30 году был ПЕКАРЬ-ОРЛОВ, был еще несколько человек, ЗЕЛИКСОН в частности. В Смоленске - Сергей ГЕССЕН.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: - Можно ли сделать отсюда выводы, что все эти лица систематически приезжали в Москву, получали ту или иную информацию, т.е. иначе говоря, между всеми этими лицами и московским центром существовала систематическая - связь.

БАКАЕВ: - Сказать чтобы эта связь была систематической нельзя, но связь была, связь была все время.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Вы в самой Москве, кроме лиц руководящего состава, которые входили в центр, кого еще знаете? Лиц, которые до последнего времени не порвали со всеми Вами?

БАКАЕВ: - Жена моя - КОСТИНА Анна, БРАВО Борис, ПЕРИМОВ Алексей, ГЕРЦБЕРГ Александр, жена его - ПОЗДНЕВА. Вот как будто все лица, которые поддерживали постоянную связь, до последнего времени.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Скажите пожалуйста: как вы оцениваете ту систематическую кампанию, вернее, ту травлю, которую вы вели, Вы ли и Ваши товарищи, в отношении руководства нашей партии. Все злобные выпады, все эти провокационные слухи и сплетни - все это вместе взятое, могло содействовать появлению террористических настроений? Считаете Вы одно с другим связанным?

БАКАЕВ: - Я не знаю всех обстоятельств дела об убийстве КИРОВА, но думаю, что все то, что делалось в нашей среде и что разносилось как зараза на периферии, не могло не отразиться на настроениях неустойчивых элементов нашей организации; не могло не толкнуть их на самые крайние совершенно недопустимые террористические формы борьбы с партийным руководством.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ:

Но считате/ли вы, что вся Ваша группа, ⁵⁴ вся организа-
ция должна нести известную ответственность за это
печальное дело?

БАКАЕВ: -

Да.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ:

В Ваших показаниях от 12 января вы эту мысль выра-
зили гораздо яснее. Ваш ответ на вопрос следователя
"Убийство КИРОВА, совершенное НИКОЛАЕВЫМ - бывшим
членом оппозиции, - что вам известно по этому поводу?"
Вы ответили "я не имею никакого отношения к этому гнус-
ному акту, но считаю, что вся наша организация несет
тяжелую моральную и политическую ответственность за
этот факт".

Вот как вы выражались 12 января, т.е. всего два дня
тому назад.

БАКАЕВ: -

Я ответственности никогда не снимаю.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ:

Не снимаете?

БАКАЕВ: -

Нет.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ:

Чем вы можете дополнить Ваши показания?

БАКАЕВ: -

Пока ничего не имею.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ:

Скажите пожалуйста, БАКАЕВ, вы слушали показание ЕВДО-
КИМОВА, усвоили его, поняли?

БАКАЕВ: -

Да, да.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ:

Каково ваше мнение: Вы считаете правильной оценку
ЕВДОКИМОВА деятельности вашей к.р. организации.

БАКАЕВ: -

Объективно это так.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ:

Что значит объективно? Скажите, а по существу правил
но?

БАКАЕВ: -

По существу я не думаю, чтобы ктонибудь из присутст-
вующих здесь ставил перед собой задачи усложнения...

- ПРЕДСЕДАТЕЛЬ:** Вы покороче. Считаете оценку **ЕВДОКИМОВА** правильной?
- БАКАЕВ:** - Об"ективно правильно.
- ПРЕДСЕДАТЕЛЬ:** Так почему же в ваших показаниях нет такой четкости, вы стараетесь лавировать. Вы говорите, что - были членом центра только до 32 года. **ЕВДОКИМОВ** в своих показаниях утверждает, что в центр, который существовал до последнего времени, входили и Вы. А сейчас вы пытаетесь сказать, что Вы только до 32 года были членом центра?
- БАКАЕВ:** - Тут у меня не вышло.
- ПРЕДСЕДАТЕЛЬ:** Что не вышло?
- БАКАЕВ:** - У меня были серьезные намерения отойти от круга тех людей, с которыми жил я в течение ряда лет.
- ПРЕДСЕДАТЕЛЬ:** Но вы не отошли, а продолжали жить теми же настроениями, которыми жили?
- БАКАЕВ:** - Я думаю, что только степень другая, по сути дело не меняется.
- ПРЕДСЕДАТЕЛЬ:** Можно считать, что вы состояли членом "московского центра" до последнего времени?
- БАКАЕВ:-** Можно.
- ПРЕДСЕДАТЕЛЬ:** Вы подтверждаете, что хоть у **ЗИНОВЬЕВА** не собирались, но с **ЗИНОВЬЕВЫМ** вы встречались и беседовали с ним.
- БАКАЕВ:** - В 1933 г. я **ЗИНОВЬЕВА** встретил в Кисловодске, в санатории "10-тые Октября". **ЗИНОВЬЕВ** принимал там нарзанине ванны, но разговоров никаких не было, кроме чисто курортного характера. Затем, в 1933г. я с ним встретился в Москве, но тоже разговоров не было.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: С КУКЛИНЫМ и с другими встречались?

БАКАЕВ: Встречался, главным образом, с ГОРШЕНИНЫМ, встречался и с другими, но политических разговоров приходилось вести очень редко.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Московский центр ^{состоял} ~~состоял~~ не из ЗИНОВЬЕВА, а из десяти человек?

БАКАЕВ: - Когда я входил к ЗИНОВЬЕВУ, тогда я мог сказать все что делается в московском центре, а сейчас нет.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: В Ленинград в 1933-34 г. ездили?

БАКАЕВ: - Был в 1934 году.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: У кого Вы были в 1934 году из Ленинградцев?

БАКАЕВ: - Я приезжал в Ленинград по делам.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Между делом у кого Вы были?

БАКАЕВ: - Виделся с СОЛОВЬЕВЫМ.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Кто к вам заезжал в 1934 г. в Москву?

БАКАЕВ: В 1933-34г. не помню?

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Как относился ЗИНОВЬЕВ к отдельным вопросам внешней и внутренней политики.

БАКАЕВ: - Особо резкие недовольства ЗИНОВЬЕВ политикой центрального Комитета мне пришлось наблюдать в связи с большими перегибами, трудностями по коллективизации. Затем, в связи с осложнениями в Донбассе, несколько лет тому назад там были бытовые неполадки, значительно - пала производительность труда среди горняков, тогда у ЗИНОВЬЕВА были особо резкие настроения против партийного руководства; снижение выработки, падение производительности труда он рассматривал, как одну из серьезных форм протеста значительной части рабочего класса, против общего руководства, но бывали у ЗИНОВЬЕВА и такие настроения, в связи с тем, что ряд трудностей

по коллективизации были преодолены.

ЗИНОВЬЕВ говорил, что не будь СТАЛИНА не вышли бы мы из этих трудностей. Эти перегибы, заскоки, дорого стоили партии и нашей стране. Доминирующий тон ЗИНОВЬЕВА, к общепартийному руководству я должен сказать совершенно откровенно, был отрицательный.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Что вы желаете добавить к показаниям ЕВДОКИМОВА?

БАКАЕВ: Из речи ЕВДОКИМОВА можно заключить, что мы ставили ставку на трудности. В этой части я не согласен. Я не вижу, чтобы эти трудности обеспечили приход или привлечение к партийному руководству ЗИНОВЬЕВА, КАМЕНЕВА и других. В отношении остального согласен.

МАТУЛЕВИЧ. У нас имеется в показании, что ЗИНОВЬЕВ сеял сомнения по поводу материального положения трудящихся, как следствие осуществления пятилетки.

БАКАЕВ: Я об этом доложил в начале со слов ГОРШЕНИНА, который имел особый разговор с ЗИНОВЬЕВЫМ. Я знал, что ЗИНОВЬЕВ не верил в пятилетку и считал это дело невыполнимым.

МАТУЛЕВИЧ: Он говорил об этом своим ближайшим друзьям и соратникам?

БАКАЕВ: Он сказал ГОРШЕНИНУ, а ГОРШЕНИН мне. А я передавал дальше.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Чтонибудь желаете добавить?

БАКАЕВ: Нет.

ДОПРОС

СВИДЕТЕЛЯ САФАРОВА ГЕОРГИЯ ИВАНОВИЧА.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Суд определяет вызвать в качестве свидетеля по данному делу Георгия САФАРОВА и допросить его теперь же. (входит САФАРОВ).

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: - Вы свидетель по данному делу, по которому привлекаются **ЗИНОВЬЕВ, БАКАЕВ, КАМЕНЕВ**, и другие, в числе 19-ти человек. Ответьте на один основной вопрос: Что вам известно о контр-революционной деятельности организации, возглавлявшейся московским центром в составе **ЗИНОВЬЕВА, КАМЕНЕВА, БАКАЕВА** и других и какую роль в этой контр-революционной работе играли **ЗИНОВЬЕВ, КАМЕНЕВ, ЕВДОКИМОВ, БАКАЕВ** и другие.

САФАРОВ: - За последние годы?

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Да, за 1932-33 и особенно 1934 год.

САФАРОВ: - Антипартийные и антисоветские группировки, в связи с временными затруднениями в 1932 г. делали попытки к выработке и соглашению известных взглядов, для сколачивания контр-революционного блока. Я, оказавшись на дне - этой внутренней эмигрантской ямы, принимал участие в этих переговорах, встречах и в подготовке к сколачиванию блока. Уже в 1931 г. когда ко мне заходил **МАДЬЯР** вместе с **РУМЯНЦЕВЫМ** и Коминтерн, то **РУМЯНЦЕВ** ставил вопрос о том, - почему я не восстановил своих отношений с **ЗИНОВЬЕВЫМ**. Дело в том, что **РУМЯНЦЕВ** был другом бывших комсомольских работников, ставших потом фашистами и принадлежал к той группе безвозвратцев, к которой принадлежал и я, после моего возвращения в ВКП, в половине 1928 года. **РУМЯНЦЕВ** и эта группа в Ленинграде все больше и больше начала сближаться с **ЗИНОВЬЕВЦАМИ** и, в первую очередь, завязались отношения между **Владимиром ЛЕВИНЫМ, МАНДЕЛЫТАМОВ, РУМЯНЦЕВЫМ** и другими.

В 1932 году, примерно, весной или летом, приехал в Москву **МРАЧКОВСКИЙ** - троцкист, с которым я был связан долгие годы личными отношениями. Встреча, которая

произошла у меня с МРАЧКОВСКИМ, а затем последующая встреча с МРАЧКОВСКИМ и другим троцкистом Иваном Никитичем — СМІРНОВЫМ была посвящена обсуждению положения дел в партии и стране.

Я в разговоре с МРАЧКОВСКИМ и СМІРНОВЫМ выдвигал ту мысль, что мы стоим перед угрозой размычки рабочего класса с крестьянством, нет линии у парт-руководства и защищал именно эти контр-революционные взгляды и, предлагая МРАЧКОВСКОМУ и СМІРНОВУ, а позднее переговорил и с ЗИНОВЬЕВЫМ, о том, что нужно составить обращение платформенного характера в ЦК и подать его за подписью двух десятков членов партии с большим партийным стажем.

МРАЧКОВСКИЙ и СМІРНОВ к этому предложению отнеслись скептически. Скептически они отнеслись и к тому, что я указал, о том, что нужно признать, что контр-революционный троцкистско-зиновьевский блок, о строительстве социализма в одной стране и по вопросу о термидоре — ошибся. Но, во всяком случае, они ухватились за этот разговор со мной и МРАЧКОВСКИЙ и СМІРНОВ категорически настаивали на том, чтобы я скорее увиделся с ЗИНОВЬЕВЫМ, при чем, сами они уже тогда в разговоре говорили, что независимо от формы выступления нужно идти и сколачивать блок из зиновьевцев с троцкистской группой — СМІРНОВЫМ, МРАЧКОВСКИМ, ЛОМИНАДЗЕ.

По вопросу о правых — они относились так, внешне полустрипательно. Во всяком случае, эти три группы они называли в первую очередь. И так как у меня с МРАЧКОВСКИМ и СМІРНОВЫМ было не одно свидание, то каждый раз разговор был том, что "ты должен возобновить свои отношения с ними".

и МРАЧОВСКИЙ прямо сказал, что так дело делать нельзя.

ПРЕДСЕДАТ. — Какое дело?

САФАРОВ: — Сколачивание к.р. блока и вопрос о содержании платформ. Затем я виделся со СМИЛГой, примерно, в то же самое время, на квартире у него. СМИЛГА развивал взгляды, которые представляют интерес для суда, ибо эти взгляды непосредственно общи тем взглядам, которые излагал затем ЗИНОВЬЕВ в июле 32 года. СМИЛГА говорил таким образом: "на лицо — имеется инфляция системы государственных мероприятий; попытки регулирования народного хозяйства в ближайшее время будут сорваны; приближается острый момент". И в ответ на мое предложение о возвращении, СМИЛГА говорил так: "Ты должен принять во внимание положение, которое имеется — с одной стороны в рабочем классе и партии, с другой стороны — в ЦК". Он ставил вопрос таким образом, что в результате осуществления пятилетки на предприятия влились огромные массы, как он выражался, мужиков, людей мелко-буржуазной среды, и это оказывает влияние на партию, и поэтому антипартийные, антисоветские группировки, не имеют почвы ни в рабочем классе, ни в партии. Он развивал теорию перерождения рабочего класса, которая затем была услышана мною от ЗИНОВЬЕВА в 1932 г. при свидании в Ильинском.

ПРЕДСЕДАТ. — От ЗИНОВЬЕВА? Через сколько времени?

САФАРОВ: — Примерно, через месяц или полтора СМИЛГА же так говорил: "Вот я знаю, что ты человек очень ровного темперамента, не торопись. Он говорил, что в Центральном Комитете имеются две группы и идет между ними вражда: "Подожди пока они раздерутся".

В этой же связи он заявлял, что: "Вот я встречаю КАМЕНЕВА. Такой человек сейчас, когда хозяйственное положение граничит с катастрофой, — он не руковод", и опять настаивал очень категорически на том, чтобы я восстановил свои взаимоотношения с ЗИНОВЬЕВЫМ. Далее, — Перед самым свиданием ко мне явился МАДЬЯР — агент ЗИНОВЬЕВА в Коминтерне и заявил, что: "ЗИНОВЬЕВ желает разговаривать с Вами". Указал точно время и место: в пол четвертого дня на даче в Ильинском. Это было примерно между 10 и 15 июля. Я категорически утверждаю, что это было в июле месяце, и примерно в этих числах. Основываюсь я на том, что 15 июля, направлялся в отпуск и перед этим полтора месяца проходил военную переподготовку, и к ЗИНОВЬЕВУ приехал в военной форме.

Когда я приехал, у нас сразу завелся разговор. Мы пошли в сад. Сначала несколько слов о положении в Коминтерне, которое я старался осветить в антипартийном духе но он сказал, что "Я это знаю от МАДЬЯРА".

ПРЕДСЕДАТ.— Он имел информацию?

САФАРОВ: — Да, МАДЬЯР рассказывал ЗИНОВЬЕВУ о коминтерновских делах со стороны МАДЬЯРА были десятки таких сообщений.

Если взять отдельные пункты этого разговора, то дело обстояло так: ЗИНОВЬЕВ меня перебил, когда я говорил о коминтерновских делах и перешел дальше — к положению рабочих в Ленинграде. Говорил, что положение отвратительно продовольственное положение отвратительное и отвратительное положение вообще; что рабочие до руководящих представителей ленинградских организаций добраться не могут говорил всю злобную клевету о КИРОВЕ, ссылаясь на вне-

чатление КУКЛИНА, а затем на сообщение ЕМЕЛЬЯНОВЫХ, что старые кадровые ленинградские рабочие загнаны в тушик, что на предприятиях они не считают себя как дома, что как дный, как он выражался "сопливый комсомолец" и назначенный секретарь может проработать старого рабочего, он не может раскрыть рта. Далее изображал таким образом, что по сути дела, старый пролетарский кадр оттеснен от руководства, и влияния не только в антипартийной жизни, но и в широкой жизни рабочего класса. И дальше он обстоятельно развивал ту же самую теорию, что и СМИЛГА — теорию об окрестьянствовании рабочего класса: вот хлынула масса на стройки, хлынула масса мужиков на предприятия: старый — кадр бюрократическим руководством загнан, и вот эта мелкобуржуазная масса — она и позволяет проделывать, что угодно, позволяет совершенно не считаться с мнением масс рабочих и масс рядовых партийцев.

Эту теорию ЗИНОВЬЕВ развивал очень серьезно. Совершенно естественно, что вот, мол, мы и наши группировки не имеем влияния в рабочем классе, потому, что произошло перерождение рабочего класса. Эта теория перерождения рабочего класса зиновьевской организацией, и не только среди зиновьевцев, популяризовалась достаточно сильно, достаточно широко.

ЗИНОВЬЕВ в этой же связи говорил о роли молодежи на предприятиях. Он говорил, что вместе с крестьянами пришли на предприятия, — молодежь, подростки, — мальчики и девочки, которых покупают, обещая им в жизни всякие возможности быстро выдвинуться и т.д.

По вопросу о взаимоотношениях рабочего класса и крестьян ЗИНОВЬЕВ говорил следующее: — от ленинского ко оперативного плана ничего не осталось. Руководство поставило крест на этот план. Помните, ЛЕНИН говорил десять-двадцать лет. То, что ЛЕНИН хотел сделать в десять-двадцать лет, руководство во главе с СТАЛИНЫМ делает в два года. Отсюда разнишка рабочего класса с крестьянством, отсюда все те трудности, отсюда расширяющийся кризис в стране.

Если суммировать оценку положения в рабочем классе, то это совершенно ясно, что также как у троцкистов у МОШКОВСКОГО, СМЕРНОВА, так и у ЗИНОВЬЕВА, не только в это время в их среде не выдвигалось этой положительной стороны, по сути дела все дела сводились к тому, что здесь ЦК перевернул, здесь слишком спешит, здесь прорыв, и т.д.

По сути дела, сколачивавшийся к.р. блок в 32 г. выражал настроения и тенденции буржуазной реакции против социализма. Я это говорю для того, чтобы подчеркнуть как эта полная, идейная безидейность при отсутствии какой — нибудь самостоятельной мысли у этих людей направила все мысли против партийного руководства, против Центрального Комитета, при чем, на этот счет больше всего, конечно, дискуссировал ЗИНОВЬЕВ и зиновьевская организация, больше всего она занималась этим из года в год, не только в 1932 г. но и ранее, фабриковала эту информацию разногласий с ЦК о том, что сегодня — завтра все развалится, о том, что еще немного затруднений и придет наше время.

В частности, работа, прежде всего, в этом заключается и на этой почве развивалась к.р. работа.

Когда я ЗИНОВЬЕВУ изложил свое предложение об обращении в ЦК, он ответил, что время такое, что в воздухе "все". Вы, говорит, как всегда торопитесь. Сейчас, говорим мы находимся в окопах, и привел дальше образную такую фразу: — мы сидели в саду на срубленном пне ("САФАРОВ, мы, которые знаем друг друга много лет, нам пришлось сидеть в этом саду на срубленном пне, а Вы торопитесь").

Дальше вопрос о платформе. ЗИНОВЬЕВ сказал: "Знаете, САФАРОВ, в старой платформе очень многое неверно. Из многого того, что было написано в старой платформе — можно выйти сейчас".

Я сказал, что старая платформа была неверна о построении социализма в одной стране, — он на это ответил буквально: "Ну, что же, построение социализма в одной стране, но, кто "они"".

По вопросу о термидоре — "кого представляет — эта бюрократия, — она состоит вне класса".

Дальше ЗИНОВЬЕВ развил эту идею, которая была генеральной идеей зиновьевской контр-революционной группы, что это руководство ни одного серьезного осложнения ни внутреннего, ни международного не выдержит, что оно распадется, повторяя тоже, что мне говорил перед этим СМИЛГА, который разговаривал с КАМЕНЕВЫМ. По этой части распространялись все сплетни о борьбе в ЦК, что там существуют разные группировки. Все эти слухи, прежде всего, распускала зиновьевская организация, передавая их по цепочке, имея такого ловкого агента, чрезвычайно типичного, как МАДЬЯР, который действительно побивал все рекорды и эти разговоры могли сейчас же передаваться.

Говорилось о том, что ни сегодня-завтра ЦК развалится, а если через 10 минут или секунд приходил партиец, то он начинал петь дифирамбы руководству „СТАЛИНА“. Это был один из главных информаторов ЗИНОВЬЕВА. Информация шла совершенно регулярно, так как каждый зинovieвец, который был вне Москвы, считал своим долгом зайти к ЕВДОКИМОВУ, БАКАЕВУ или к комунибудь помельче и получить там все мелочи и информации, которые касались положения дел в руководстве. Причем все эти, так называемые, информации, все эти контр-революционные сплетни, носили характер злобного и можно сказать, натравливания на Центральный Комитет партии — на СТАЛИНА, на КИРОВА и других. Характер злобных и систематических натравливаний сводился к тому, что это руководство нужно убрать. Сейчас оно у нас нет, потому что ни в партии, ни в рабочем классе вся эта организация не имеет авторитета. Это была внутренняя контр-революционная эмигрантщина, которая полагала, что раз она не у руководство, все идет под откос, все социалистическое строительство является сплошным перегибом и, по сути дела, здесь суммировались и собирались настроения. Я уже на очной ставке с ЗИНОВЬЕВЫМ приводил фразу, которую мне сказал ЗИНОВЬЕВ, совершенно фашистскую фразу, которая впервые была произнесена в 1926 году КАМЕНЕВЫМ. Эту фразу ЗИНОВЬЕВ тогда же привел на заседании центра зинovieвского блока, как удачное выражение и эту же фразу, которая повторялась не раз в период 1926-27 г., я слышал и в 1932 году. Эта фраза заключается в следующем: "Вы знаете, СТАЛИН возьмет и вольет яд в ухо и не заметишь". Дальше говорит: "Ну кто у руководства. Вы говорите обращаться в ЦК, к кому

обращаться? Кто в ленинградском руководстве — КИРОВ, ЧУДОЖИГ КИРОВУ Рабочие не могут добраться" и говорит "КИРОВ больше занимается охотой". Дальше он говорил "Вот Лев Борисович виделся недавно с ТОМСКИМ, который там у них бывает, т. е. в ЦК, говорит, что жалкое зрелище, убожество".

Тут он упоминал о заслуге Петра ЗАЛУЦКОГО. Даже ЗАЛУЦКИЙ не выдержал и дал контр-революционный памфлет против покойного КИРОВА. Перепечатал его также ЗАЛУЦКИЙ. Это была система прививки настроений остро-факистской враждебности к руководству и ее отдельным представителям. Все это постоянно проводилось у ЗИНОВЬЕВА и все сидящие здесь прекрасно знали, что мы всегда могли составить ЦК и этот ЦК утвердить. Дальше ЗИНОВЬЕВ говорил, причем я категорически настаивал, что это было в июле 1934 г., а не в сентябре, когда он говорил — Вам нужно повидаться с Львом Борисовичем и познакомиться с набросками платформы СТЭНА, что она у него есть. Вы должны высказать свои соображения по этому поводу.

Я с КАМЕНЕВЫМ не виделся потому, что вскоре уехал, но категорически настаиваю, что дело именно обстояло таким образом, и здесь был разговор с ЗИНОВЬЕВЫМ. Я начал ему рассказывать, в связи с тем, что он говорил, что в воздухе так и носится, чтобы писать платформу.

Начал рассказывать о положении и настроении различных деятелей антипартийных группировок. Я ему рассказал о МРАЧКОВСКОМ и СМИРНОВЕ, о том, что они готовы к драке, что они готовы к сближению с зиновьевцами, что они считают вероятным и желательным такую комбинацию, т. е. сближение троцкистов с зиновьевцами. МРАЧКОВСКИЙ предлагал мне восстановить отношения с зиновьевцами, об этом я передал ЗИНОВЬЕВУ:

ЗИНОВЬЕВ сказал, что "это очень хорошо, это люди, с которыми нужно иметь дело, нужно сговориться и думаю, что больших затруднений не будет". Дальше я рассказал ему о СМИЛГЕ, о моем разговоре с ним, но это не произвело большого впечатления, потому, что СМИЛГА с КАМЕНЕВЫМ встречался чаще, чем я. Я ему передал о настроении ломинадзиевской группы. Причем, разговор, опять таки, был вызван вопросами платформы. МАДЬЯР был соединительным звеном также для ЗИНОВЬЕВА с ломинадзиевской группой. Я сказал, что вот ЛОМИНАДЗЕ говорит, что они набрасывают что то вроде платформы. Это я сказал и кто то сообщил ЛОМИНАДЗЕ. ЛОМИНАДЗЕ, испугавшись, прибежал ко мне и сообщил, что никаких платформ не было. Но что касается группировки, то на этот счет он высказал совершенно ясные соображения.

Вот эта лучшая Сталинская молодежь — она бешено настроена против руководства. Речь шла о ШЛЯПНИКОВЕ, при чем, на вопрос "какие у Вас платформенные взгляды" он ответил, что "Платформа у нас старая". Я передал это ЗИНОВЬЕВУ. Он сказал, что "ну, это ерунда, конечно, но это старый коренной большевик" и т.д.... Вообще ЗИНОВЬЕВ высказывался по вопросу сколачивания блока, что "с ЛОМИНАДЗЕ, безусловно, да, с троцкистами — безусловно, да, нужно и можно сговориться". И дальше он дал совершенно определенные указания насчет того, что "Вам нужно повидаться с ЕВДОКИМОВЫМ, с ИРАЧКОВСКИМ и СМЕРНОВЫМ, очень важно держать связь. У Вас есть ленинградские связи (причем имелась ввиду группа ШАТСКОГО и другие) Будем чаще встречаться".

..... И тут я, сидя в вагоне, встречаю очень узкую кампанию в составе ВАГАНЬЯН, СМЕРНОВА, МРАЧКОВСКОГО. Так как МРАЧКОВСКИЙ не раз встречался и он ни разу не говорил мне.. вообще делал вид, что он не связан прямо с ЗИНОВЬЕВЫМ, — так это вызвало удивленный вопрос у меня, но он пытался это дело замять. Однако из этого совершенно ясно, что у него с зинovieвской группировкой была прямая и непосредственная связь.

Теперь, если взять характер связей, характер отношений, то в первую очередь и прежде всего было то, что мы держались на личных связях, на бытовом переключении, причем, часто это бытовое переключение было на почве пьянок и прочих безобразий. существовала цепочка личных доверенных ~~лиц~~ ^{людей}, которая гарантировалась круговой порукой. Причем эта цепочка и эти связи действовали безотказно. Например на следующий день после разговора с ЗИНОВЬЕВЫМ (а было нас только двое и никто не слышал этого разговора) я захожу к ГЕРЦБЕРГУ и ГЕРЦБЕРГ меня сразу встречает: Помирился с Григорием?! Поздравляю!".

В частности, можно привести много фактов того, как безотказно действовала эта цепочка. Я уже указывал на антипартийные взгляды по вопросам Коминтерна. Я говорил так, что ".....у нас разобьются и тогда бросятся в обратную сторону и снова поплывут к нам". Через несколько дней (в 32 г.), зайдя к КОТОЛЬНОВУ я получаю буквальную формулировку всего этого.

Другой пример. После ареста рютинской группы была информация КНОРИНА для узкого парт. актива. Я передаю это ЕВДОКИМОВУ. На следующий день я зашел в одно место

и там мне передали в точности все то, что говорил я. Можно привести большое количество такого рода примеров, которые указывают на то, что организация и ^{вс}информировалась, организация систематически натравливалась и — против руководства Коминтерна. Она была поставлена по условиям конспиративной работы довольно широко и на довольно широкую ногу. Причем, естественно, что эта информация и вся система работы базировалась на том же самом, на чем базировалась (конечно, сравнение тут очень относительное) подготовка к 14-му съезду, когда говорилось в четверть голоса, потом в полголоса, потом — полным голосом.

Наличие натравливания против руководства партии, внушение, что пролетариат переродился, что бюрократия и проч. совершенно неизбежно должны были питать террористические настроения, служить непосредственной предпосылкой и (можно сказать) оболочкой для той пули, которая поразила КИРОВА, и в этом отношении можно привести факты и десятки случаев, когда люди совершенно систематически передавали одни и те же — версии, одни и те же вещи из уст в уста, причем это — проводилось постоянно, например: встретив Николая ДМИТРИЕВА в 1932 году, идущего от Артема, буду у ЕВДОКИМОВА, еду в Свердловск. Встретил я его у НАУМОВА. САХОВ рассказал о своих поездках в Ленинград, ЛЕОНОВ тоже, причем, совершенно не случайно употребил то сравнение, с тем чтобы было с 14 съездом, причем ЗИНОВЬЕВ и зиновьевцы настолько пропитаны двоедущим, что они часто стараются дать такую формулировку, что можно понять

так и можно понять наоборот, а как дело идет о сколачивании блока, тогда разговаривают более открыто, — это и есть та форма, которая вылилась в убийство тов. КИРОВА. Дело обстоит таким образом, что вся работа, вплоть до последнего времени, подготавливала это. Это было подготовлено зиновьевской организацией, различными антипартийными группами, о которых я говорил. Система эта распространялась повсюду и, для того, чтобы дальше не затягивать свои показания, я прошу задавать мне вопросы.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Скажите об ~~Сен~~ сентябрьском свидании с ЗИНОВЬЕВЫМ?

САФАРОВ: ~~Сен~~ сентябрьское свидание произошло с ЗИНОВЬЕВЫМ после того, как я вернулся из Казакстана, где я был до 1-го сентября. Полагаю, что от САХОВА, ЗИНОВЬЕВ уже получил полную информацию о Казакстане.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Чем особенно интересовался ЗИНОВЬЕВ?

САФАРОВ: Затруднения, голодовка, он, как я уже показал, ставил повпрос так: — ну, вот, индустриализация, думают, что поднялось сельское хозяйство, животноводство и ряд отраслей промышленности, это называется индустриализация.

Далше о Коминтерне. На этот вопрос он более подробно остановился о тактике единого фронта. "Сейчас, когда происходит быстрое наступление со всеми захватами власти, партия, руководство, ЦК ВКПб, ничего не делает, чтобы организовать эту борьбу, наоборот делает все для того, чтобы парализовать. Партия не подготовлена даже к переходу в подполье и в Германии, как он говорил, мы стоим перед неизбежным разгромом партии, в результате той политики, которая есть."

71 74
ПРЕДСЕДАТЕЛЬ:

В Ваших показаниях от 11 января есть фраза "ЗИНОВЬЕВ спрашивал меня не знаю ли я, не имею ли на примете людей из зарубежных партий, которые бы имели "самостоятельное мнение", конечно в смысле борьбы с линией ВКП(б) и Коминтерна".

САФАРОВ:

Вопрос стоял так, есть ли на примете люди, которые могли бы самостоятельно выступить против ЦК ВКП(б). Я ему сказал, что на примете я таких людей не имею. Он говорил, что надо советоваться с МАДЬЯРОМ.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ:

Во время сентябрьской встречи ЗИНОВЬЕВ говорил с МРАЧКОВСКИМ и СМИЛГОЙ?

САФАРОВ:

Так как в отношении МРАЧКОВСКОГО и СМИЛГА, здесь была известная конспирация, то настаивал на том, чтобы продолжать разговор.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ:

Разговор через Ваше посредство?

САФАРОВ:

Да. Причем, подчеркивал, что положение стоит остро в части военной угрозы. В этой связи повторил старое, что это руководство серьезного и международного осложнения не выдержит. Поэтому трудно сейчас оценивать обстановку. Говорил, что если бы не существующие условия то было бы легче договориться, но теперь ничего не выходит. Я должен остановиться еще на вопросе, что помешало окончательному оформлению этого блока или этой платформы. Я думаю, что на этот вопрос дать ответ совершенно нетрудно. Этому помешал разгром стеновской рютинской группы. Он сразу же привел к тому, что ссорившиеся между собой к.р. группы решили разойтись.

После этого ареста, как я говорил, я зашел к ЕВДОКИМОВУ и сказал, "что же опять выходит, что снова получился писк", имея ввиду выступление в ЦКК.

72 75

ЕВДОКИМОВ сказал — "ну, что ты хочешь?" Он (ЗИНОВЬЕВ) сказал, что его отстранили", но уверен, что это нужно понимать, как известный оппозиционный намек. Я говорю, что опять получился писк, что мы будем садиться по кулацкой платформе Рютина? Он говорит, что это дело откладывается. У ЕВДОКИМОВА я был в 27 доме Советов. Затем еще раньше я был у СМЕРНОВА (МРАЧКОВСКОГО тогда не было), я категорически настаиваю, что это было до провала стеновско-рютинской платформы. Я зашел к СМЕРНОВУ и когда повторил о кулацкой платформе и т.п., то он сказал: "Ну что же, сейчас время такое, более или менее, ясное, что каждый колхоз должен решить за себя."

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Под словом "колхоз" подразумевали свою группу?

САФАРОВ: Да, подразумевали свою организацию, что каждый колхоз должен решать за себя. Я сказал, что все же шел общий разговор, договорились, как будто бы, до общих взглядов, отсюда нужно делать и вывод. Но я спросил, если меня спросят — как дело обстоит? я скажу, что РЮТИН и другие, они жертвы существующего режима или каждый пусть отвечает как хочет.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Когда Вы виделись последний раз с ЗИНОВЬЕВЫМ?

САФАРОВ: В сентябре 1932 г., но относительно настроения ЗИНОВЬЕВА я знал.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ — Больше Вы не виделись ?

САФАРОВ — Нет.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ — С КАМЕНЕВЫМ не виделись?

САФАРОВ — Нет.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ — Вот Вы встречались с Вашими единомышленниками, которые ныне на скамье подсудимых, может быть дадите характеристику подсудимых. Например, что Вам известно о ГЕРТИКЕ, о его функциях?

САФАРОВ — Сейчас очень поздно, я не считаю своим единомышленником, но вопрос о ГЕРТИКЕ по моему совершенно ясен. ГЕРТИК был одним из центральных организаторов этой группы. Примерно со времени 15 с"езда, с того времени квартира ГЕРТИКА постоянно служила штаб-квартирой для всяких встреч зиновьевцев в Москве и т.д. При чем это было настолько очевидно, что например для того, чтобы не было ни малейшего подозрения, что я подошел на к.р.позицию, я избегал встречаться с ГЕРТИКОМ, т.к. знал, как широко действует это радио, знал что на следующий же день после моего разговора с ЗИНОВЬЕВЫМ, вся зиновьевская организация всесторонне была посвящена в этот разговор.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ — Одним словом связь была поставлена хорошо?

САФАРОВ — Да.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ — Какую Вы можете дать характеристику об участии в организации, о функциях и о личных качествах ШАРОВА ?

САФАРОВ — С ШАРОВЫМ я встречался мало в Кремлевской больнице, но помимо этой встречи я знал, что ШАРОВ принадлежит к числу таких людей, которые на всю вселенную смотрят глазами вождя. Во-вторых, ШАРОВ был ближайшим приятелем

лем и другом и вращался с людьми, которые занимают центральное место — это БАКАЕВ. У него была дружба еще с давних пор. У него была связь в Ленинграде, когда он был здесь руководителем. Он эти связи поддерживал и довольно часто выезжал в Ленинград.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ— Сам выезжал ?

САФАРОВ — Да.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ— Что Вы знаете о САХОВЕ ?

САФАРОВ — Я встречался с САХОВЫМ в 1932 г. на улице Воздвиженке. Он мне рассказывал, что защищал в Обл.КК участника троцкистско-зиновьевского блока АБРАМСОНА, попавшего в грязное дело и в порядке административного воздействия захватил себе квартиру. Он сказал мне, что они не знали о том, что САХОВ выступал, как бывший оппозиционер и не подозревали о том, что он имеет отношение к этой организации. Причем он сказал: "Как же не помочь родному человеку". В Обл.КК он оказал услуги не только одному АБРАМСОНУ? Он меня спросил — с кем я вижу из ребят".

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ— С "ребятами" из Ваших единомышленников?

САФАРОВ — Круг знакомых у нас общий, так что кто принадлежал к этой организации мне из слов САХОВА было ясно. О наездах САХОВА в Ленинград мне говорили и другие.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ— У подсудимых есть вопросы ?

САХОВ — У меня есть. (Обращается к САФАРОВУ) Вы говорите, что я был в Казакстане. Так Вы только на основании того, что я был в Казакстане, предполагаете, что я информировал ЗИНОВЬЕВА, или у Вас еще есть материалы?

САФАРОВ

- Дело в том, что - чем Ваша организация больше всего страдала, так это от штампа. Определенные вещи Вы в таком штампованном виде передавали, что нельзя было ошибиться, и совершенно естественно, что все это зная, и имею в виду то обстоятельство, что в этом деле в Казахстане было...

САХОВ

- Словом, раз САХОВ был в Казахстане, значит, от него исходит информация ?

САФАРОВ

- Нет, раз речь шла о делах судебных, о делах прокурорских, то значит и информация Ваша.

САХОВ

- Я хочу сделать заявление по поводу моей поездки в Казахстан и соответствующих выводов, о чем сейчас говорил САФАРОВ. Он говорил, что ему об этом стало известно в 32 году, из встречи с ЗИНОВЬЕВЫМ. Я довожу до сведения суда, что в Казахстане был в марте 33 года и до этого времени никогда не был в Казахстане. Если это вызывает сомнение, - я прошу затребовать соответствующие справки. Это одно. Так что здесь САФАРОВ говорит неправду.

Второе - САФАРОВ заявил, здесь, что по делу АБРАМ-СОН я действовал таким образом, что меня никто не знал. В связи с этим я прошу суд вызвать в качестве свидетеля члена ЦК партии тов. КОДАЦКОГО, у которого я был по этому делу и с которым я говорил по этому делу.

Заявление САФАРОВА в этой части не только ни на чем не основано, но является ложным. Полагаю, что КОДАЦКИЙ это подтвердит.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ - В деле есть показания АБРАМСОНА.

САХОВ

- Я не знаю показаний АБРАМСОНА, но лично для меня показания КОДАЦКОГО были бы гораздо авторитетнее, ибо он является членом Центрального Комитета.

САФАРОВ

- Но поскольку дело было связано с прокуратурой, то я был уверен, что такого рода судебная информация (я ведь состав зиновьевской организации знаю не первый год), что такая информация может исходить только от САХОВА.

Что касается АБРАМСОНА, то дело обстояло таким образом: в Обл.КК руководил делом ГРИБОВ. (обращается к САХОВУ) Вы говорили, что "присутствовавшие на заседании Обл.КК люди не знали, что я оппозиционер", этим Вы сами хвастались.

САХОВ

- Я хочу довести до сведения суда, что и сейчас это заявление САФАРОВА явно противоречит предыдущим. Вообще он говорит противоречивые вещи, - ибо ГРИБОВ очень хорошо знал, что я оппозиционер.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ - У кого еще вопросы ?

ЕВДОКИМОВ

- Разрешите! Тот вопрос, который я хочу задать САФАРОВУ, он для фактической стороны дела не имеет серьезного значения потому, что следствию известно, что в 32 году зиновьевский московский центр, принимал меры для того, чтобы установить связь с отдельными организационными антипартийными группировками. На этот вопрос имеет серьезное значение для меня, ибо то, что я дал в показаниях следствию, расходится с тем, что САФАРОВ сейчас говорит. Я на предварительном следствии показал, что во время моего свидания с МРАЧКОВСКИМ

и СМІРНОВЫМ, у меня не было никаких политических разговоров антипартийного порядка, (если не считать их критич. отношение к проекту железной дороги), ибо и следствию я об"яснял, что не было таких разговоров. Тут какая то ^у нас с ним неувязка: САФАРОВ говорит, что это было уже тогда, когда он виделся с ЗИНОВЬЕВЫМ, а с ЗИНОВЬЕВЫМ он виделся, предварительно повидавшись со мной. Я по просьбе САФАРОВА, запросил ЗИНОВЬЕВА о том - хочет ли он видется с САФАРОВЫМ, т.е. это было уже позже. Тут какая то путаница, САФАРОВ, Вы перепутали.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ - Встреча в вагоне когда произошла ?

ЕВДОКИМОВ - По моему в 32 году. Во всяком случае это было до встречи моей с САФАРОВЫМ, которая была летом 32 года, иначе нельзя об"яснить - почему у нас тогда не было этого разговора.

Этот вопрос существенного значения для самого характера деятельности нашей подпольной к.-р. организации в Москве не имеет. Следствию известны хорошо все наши попытки завязать связи со всякими антипартийными группировками, но для меня это имеет значение.

Маленькая подробность: САФАРОВ говорит, что прийдя туда он застал такую то компанию; насколько я помню, я застал САФАРОВА там. Иначе нельзя было бы об"яснить, то что ^у нас не было антипартийных разговоров; я это об"ясняю присутствием САФАРОВА, настроений которого я не знал.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ - Кто тогда был ?

ЕВДОКИМОВ - САФАРОВ, МРАЧКОВСКИЙ, СМЕРНОВ и какал то женщина, которая, повидимому, была близка с МРАЧКОВСКИМ и хорошо знакома САФАРОВУ и СМЕРНОВУ. Я ее не знаю. В конце моего посещения пришел ТЕР...

САФАРОВ - Когда МРАЧКОВСКИЙ уезжал в вагоне - это было мое последнее свидание с МРАЧКОВСКИМ; оно было уже после всех и всяческих наших разговоров.-

Я просто указываю, что МРАЧКОВСКИЙ просто сказал: "Вот, Шура САФОНОВА поедет, если тебе надо чтонибудь переслать, она может это сделать". Этот самый факт показывает, что ЕВДОКИМОВ совершенно ошибается. Он говорит, что Шура САФОНОВА говорила, что поедет через несколько недель.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ - Это несущественно.

САФАРОВ - Я вспоминаю одну деталь, которая может освежить один момент у ЕВДОКИМОВА. ЕВДОКИМОВ пришел с Иваном Никитичем СМЕРНОВЫМ и я ^{очень} был удивлен, что ни Иван Никитич, ни ЕВДОКИМОВ этого не говорили.

ЕВДОКИМОВ - Я знаю, что эта деталь имеет серьезное отношение к показаниям моим. По сути, там никаких политических разговоров не было. Я передал заявление Ивану Никитичу и сказал, что разговорам помешало присутствие САФАРОВА. Как это могло случиться, если я с САФАРОВЫМ виделся.

САФАРОВ - Эти сведения носили такой характер, что человек через полчаса уезжает и они не стали разговаривать в присутствии Шуры САФОНОВОЙ и др., считая лишними та-

кие разговоры в присутствии их.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ — Вопросы есть ?

ЕВДОКИМОВ — Я на следствии об этом показал и здесь это же показал.

САФАРОВ — Я уверяю, что он забыл, что первое свидание было организовано МАДЬЯРОМ.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ — Кто еще имеет вопросы?

ШАРОВ — Я хотел бы, чтобы он одну из поездок в Ленинград напомнил.

САФАРОВ — Трудно сказать, но были. Говорили мне, что РУМЯНЦЕВ ездил в 1931 г., КОТОЛЫНОВ в 1932 г.

ШАРОВ — РУМЯНЦЕВА и КОТОЛЫНОВА с 15-го съезда не видел.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ — Но ~~шаров~~ Вы в Ленинград ездили ?

ШАРОВ — Ездил.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ — Кто еще имеет вопросы ?

КАМЕНЕВ — Он говорил, что СМИЛГА говорил, что он виделся со мной в 1932 году и сделал из этого политический вывод. Прошу сказать вел ли я в это время со СМИЛГОЙ — политические беседы, и знает ли он их содержание.

САФАРОВ — СМИЛГА излагал свои взгляды о хозяйственном положении, что все полетит к чорту, что вся система государственного регулирования плохая, все это вполне совпадает с КАМЕНЕВЫМ.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ — Вас спрашивают о беседе непосредственно с КАМЕНЕВЫМ и СМИЛГОЙ на политические темы ?

САФАРОВ — Встречи были, СМИЛГА сам мне сказал.

КАМЕНЕВ — Я отрицаю это. Деловые свидания со СМИЛГОЙ у меня были, политических разговоров до 1932 г. не было.

Вы упомянули о том, что ЗИНОВЬЕВ сказал, что Вы у меня должны получить проект программы наброски СТЭНА. Знаете Вы еще что нибудь об этом, появилось ли что в партийных кругах?

САФАРОВ

— Когда была стеновская группа разгромлена, я решил, что это и есть рютинская группа.

КАМЕНЕВ

— Вы почему то напирали, что свидание с ЗИНОВЬЕВЫМ у меня было между 10 и 15 июля, и что в своих руках сосредоточили нить и эти переговоры не привели ни к каким результатам. Так как я был выслан именно в связи с Рютинской платформой, то я знаю хорошо, что это произошло в ноябре м-це. Вы же говорите, что это произошло в июле. Почему же с июля до ноября это не осуществилось. Ваша ссылка на арест рютинской группы сделана без достаточной ответственности за свои слова.

САФАРОВ

— Дело обстояло таким образом, что ЗИНОВЬЕВ во втором свидании особо подчеркнул, что ответственные лица не могут сойтись, что если бы все перечисленные лица могли сойтись, тогда просто надо сесть за стол и написать платформу. Эта фраза была точной, затем он сказал: мы все литераторы и для нас нет труда. Но тут мешал отъезд МРАЧКОВСКОГО и целый ряд других обстоятельств. Мое предложение, которое я сделал — не встретило поддержки относительно обращения в ЦК. Это обращение было отвергнуто МРАЧКОВСКИМ, СМЕРНОВЫМ и ломинадзевской группой.

КАМЕНЕВ

— Мне казалось, что Вы, САФАРОВ, хотели подчеркнуть, что блок не состоялся от того, что эти антипартийные

81
группы Рютина были разгромлены. Если так, тогда не может существовать другого ответа, но у Вас получается другой ответ потому, что не сможете свести одной стороны с другой, что кто то колеблется из вас, что было что то другое, а не внешний разгром. А Вы утверждали, что помешал блоку внешний разгром.

САФАРОВ - Я продолжаю утверждать, что десять раз в июльском разговоре упоминалось имя СТЭНА, а также и сентябрьском. СТЭН был узловой фигурой для этих связей, но блок состоялся на 3/4 и больше всего он осуществлялся в смысле сговора в определенной системе взгляда. Вот ЗИНОВЬЕВ и говорил: "Сесть за стол и написать", но завершению этого помешал ареста СТЭНА и РЮТИНА.

КАМЕНЕВ - Я считаю это чрезвычайно важным, и хочу констатировать, что переговоры с САФАРОВЫМ в июле мес. между 10 - 15, по моему мнению, не завершились успехом по его указанию, потому, что в ноябре месяце были арестованы РЮТИН и СТЭН, но между июлем и ноябрем прошло 5 мес.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ - У кого есть вопросы?

ЗИНОВЬЕВ - Я имел очную ставку с САФАРОВЫМ и у суда имеется стенограмма, где на громадную часть вопросов я дал ответы, но здесь имеется ряд вопросов, о которых САФАРОВ на очной ставке не говорил. Тут САФАРОВ упомянул о памфлете ЗАЛУЦКОГО против КИРОВА, но на очной ставке этого не упоминалось. По его словам, якобы, я специально хвалил памфлет ЗАЛУЦКОГО против КИРОВА, но почему он об этом не сказал на очной

ставке. В чем заключался памфлет я не знаю, но он хочет подчеркнуть, что я не дал ответа.

САФАРОВ — В первом моем показании об этом указано.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ — Какое показание Вы считаете первым?

САФАРОВ — От 23-го числа, а на очной ставке я об этом не упомянул по своей забывчивости. Я сказал, что ЗИНОВЬЕВ говорил: " Вот даже ЗАЛУЦКИЙ — не выдержал" и указал на этот перепечатанный ЗАЛУЦКИЙ документ, за который он в 1929 году был привлечен.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ — Откуда Вам известно это о ЗАЛУЦКОМ?

САФАРОВ — Это было известно ЦКК. Автором был ГЕССЕН, но ЗАЛУЦКИЙ перепечатал и был привлечен в ЦКК.

ЗИНОВЬЕВ — Мне ^{не} известно и на очной ставке не был так поставлен вопрос и я ответа не давал. Если дело разбиралось ЦКК я знал. Вот сегодня я слышу, что САФАРОВА летом 1932 г., в числе других, направлял ко мне и РУМЯНЦЕВ, который говорил ему, что нужно повидаться со мной. Если я не ошибаюсь, то на очной ставке о РУМЯНЦЕВЕ ничего не было сказано, поэтому я опровергнуть не мог.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ — САФАРОВ вовсе не обязан говорить сейчас только то, что он говорил на очной ставке. Он одни эпизоды повторил, а другие дополнительно вспомнил.

ЗИНОВЬЕВ — Я знаю, что суд собрался, чтобы заслушать и развернуть дело шире, но я опровергал это потому, что услышал впервые.

ГЕРТИК — САФАРОВ сказал, что он не встречался со мной потому, что у меня квартира была штаб-квартира, и он не считал удобным, а интересно — какие политические отноше-

ния у нас за это время. Разве разговором никаких у нас не произошло, не встречался он после возвращения с кемнибудь из зиновьевцев?

САФАРОВ — В 1928-29-30 г.г. я не встречался, даже в 1931 г., а когда явилась надобность в политических встречах, то я знал, что означает "гертиковский примус".

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ — Что это значит?

САФАРОВ — То, что на примусе варили чай и т.п., а также собирались и обсуждали всякие вопросы. Когда я в 1932 году решил развернуть борьбу, то пришел к заключению, что ежели там имеется беспроволочный телеграф, т.е., что сегодня скажешь, а завтра будет известно всей организации, что прежде, чем чтонибудь скажешь, тебя посадят.

ГЕРТИК — У меня вопрос САФАРОВУ, разве он в 1932 г. не хотел ко мне зайти?

САФАРОВ — Это относится к тому периоду, о котором я говорил. Первый период я не встречался потому, что не вел антипартийной работы. Второй период — не встречался с точки зрения конспирации, находил вредным и, кроме того, зачем мне разговаривать с ГЕРТИКОМ, когда я могу говорить с ЗИНОВЬЕВЫМ.

ПЕРЕРЫВ НА ОДИН ЧАС.

ДОПРОСГОРШЕНИНА Ивана Степановича

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ — Заседание продолжается. Подсудимый ГОРШЕНИН!

ГОРШЕНИН — (встает). Да!

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ — Вы в продолжении долгих лет состояли в связи с московским центром и последнее время в самом московском центре. Скажите какие методы борьбы с руководством нашей партии, руководством нашего правительства применял московский центр за последние годы?

ГОРШЕНИН — О методах борьбы, которые применяла наша к.-р. организация против линии партии и против партийного руководства, можно сказать следующее: прежде всего у нас была основная установка на сохранение кадров.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ — Кадров — каких?

ГОРШЕНИН — На сохранение наших кадров — бывших зиновьевцев, составлявших нашу к.-р. организацию, — на сохранение их внутри партии. Это было основной тактической ставкой и применялись все усилия, чтобы сохранить их внутри партии.

В отношении тактики и в отношении целей, которые ставила себе организация, — основной целью было — возвращение к руководству ЗИНОВЬЕВА И КАМЕНЕВА. Эта цель оставалась основной на всем протяжении нашей деятельности.

Мыслилось это в форме восстановления старого, так называемого, Ленинского бюро...

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ — Вы предполагали ввести ЗИНОВЬЕВА и КАМЕНЕВА — вместо кого?

ГОРШЕНИН Была общая формулировка о восстановлении Ленинского Политбюро. Насчет деталей — кого персонально — об этом не говорилось. Речь шла о ЗИНОВЬЕВЕ и КАМЕНЕВЕ, о возвращении их в Политбюро.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ — Вы понимаете меня? ввести ЗИНОВЬЕВА и КАМЕНЕВА, но вместо кого?

ГОРШЕНИН — Вместо КАГАНОВИЧА, вместо КИРОВА и вместо других.

Насчет методов и насчет тактики — их необходимо разделить на два периода: до 32 года и затем, после. Первый период ставилась ставка на то, что в результате трудностей внутри страны, которые в особенности приняли временный, но напряженный характер, обострились в 32 году, — установка была такая, что на основе ~~этих~~ этих трудностей выростут разногласия внутри партии, внутри Центрального Комитета, и предполагалось, что это неизбежно приведет к краху этого руководства, что внутри ЦК образуются эти оппозиционные элементы и с ними вместе, в блоке с ними мы должны будем выступить против руководства существующего ЦК.

После высылки ЗИНОВЬЕВА и КАМЕНЕВА, я считаю, что суть деятельности нашей организации не изменилась, но тактика изменилась. Дело в том, что трудности пережили — 33 год уже; а в 34 году еще ясней это видно было, но те группы антипартийные к.-р., на которые рассчитывали, что они выступят, с которыми вместе можно будет выступить, — они были разгромлены и никаких перспектив в этом отношении в нашей организации, и

нашего центра не оставалось. И пробраться к руководству, добиться того, чтобы пролезть к руководству — был единственный способ — это сманеврировать, сыграть в искренность и попытаться завоевать доверие существующего руководства. И отсюда те выступления, которые на 17-м съезде были со стороны КАМЕНЕВА и ЗИНОВЬЕВА и которые я считаю маневром.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ — Выступление и ЗИНОВЬЕВА и КАМЕНЕВА Вы считаете маневром ?

ГОРШЕНИН — Да.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ — А тактика постоянной дискредитации партии и вождей партии — это тоже Ваша тактика ?

ГОРШЕНИН — Да, это тоже часть нашей тактики, часть наших методов. Мы на своих собраниях, на своих совещаниях критиковали политику партии, всегда делали выпады против руководства и поддерживали враждебные отношения к существующему руководству, в особенности к тов. — СТАЛИНУ. Это было тоже одним из методов нашей деятельности.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ — Какими же последствиями сопровождалось культивирование этих настроений ?

ГОРШЕНИН — Последствие налицо.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ — Говорите яснее.

ГОРШЕНИН — Я считаю, что то что мы в течении ряда лет, культивировали враждебное отношение, злобное отношение к руководству партии и особенно к тов. СТАЛИНУ, — что это не могло не создать почву для возникновения такой организации фашистского типа, какую представляла собой ленинградская группа, совершая тер-

рористический акт. Я считаю, что это является последствием нашей десятилетней подпольной работы.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ — А кто персонально руководил всей этой компанией дискредитации вождей, создавая враждебное отношение к ним?

ГОРШЕНИН — Руководителями всей нашей организации были ЗИНОВЬЕВ и КАМЕНЕВ....

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ — Сами они допускали резкие выступления против руководства партии и вождей ?

ГОРШЕНИН — Да.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ — До самого последнего времени ?

ГОРШЕНИН — В последний год в этом отношении была большая осторожность, большая сдержанность, но иногда прорывалось. И у меня определенно сложилось впечатление, что и в течении 34 года, по существу, независимо от того как это выражалось, по существу враждебное отношение к руководству, в частности, к СТАЛИНУ осталось прежним.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ — В чем выражалась связь московского центра с другими городами: Ленинградом, Свердловском и другими ?

ГОРШЕНИН — Относительно Ленинграда я не могу ничего сказать, т.к. я сам не ленинградец, с членами ленинградской организации мало знаком, о связи ленинградской организации не знаю и этой области мало что могу сказать. Я связан больше в этом отношении с представителями других городов, в частности, мною названы все ути к.-р. организации, которые находились в различных городах, провинции, и которые приезжая в Москву постоянно заходили к членам центра нашей

организации.

88

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ — В частности к кому ?

ГОРШЕНИН — Приезжавшие до 1932 г. заходили к ЗИНОВЬЕВУ, ЕВДОКИМОВУ, ГЕРТИКУ и ко мне. За последние годы к ЕВДОКИМОВУ.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ — Список, названный Вами Вы подтверждаете ?

ГОРШЕНИН — Подтверждаю.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ — "В Ростове ГОРДОН (читает) в Смоленске — ГЕССЕН".

В остальных городах были Ваши представители или Вы просто фамилий не помните ?

ГОРШЕНИН — Нет, как будто не было. Указано это те, кого я лично знаю и с кем я встречался.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ — Вы работали в Госплане РСФСР Нач.сводно-планового отдела ?

ГОРШЕНИН — Да.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ — И кому из организации Вы передавали сведения по этой линии.

ГОРШЕНИН — В начале КАМЕНЕВУ, а потом ЗИНОВЬЕВУ.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ — Какие сведения Вы передавали ?

ГОРШЕНИН — Главным образом о состоянии нашей страны, об итогах первой пятилетки, о животноводстве, сведения те, которые не давались в печать в первую очередь и, те, которые отправлялись и в печать, но представлялись нам в антипартийном и антисоветском свете.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ — Был такой случай, когда Вам нужно было уходить из Госплана, а КАМЕНЕВ Вам сообщил, что не следует уходить ?

ГОРШЕНИН — Был, в 1932 году.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ — Вы давали разный материал ?

- ГОРШЕНИН - Разный. Имел большую возможность.
- МАТУЛЕВИЧ - Вы знали о существовании "ленинградского центра" организации ?
- ГОРШЕНИН - Нет, насчет центра не знал.
- МАТУЛЕВИЧ - А Ваши показания от 19 числа. Помните их, нет ?
- ГОРШЕНИН - Знал, что существуют члены нашей организации.
- МАТУЛЕВИЧ - Знали, что в Ленинграде существует центр организации ?
- ГОРШЕНИН - Насчет центра нет, а знал, что есть отдельные члены.
- МАТУЛЕВИЧ - Откуда знали ?
- ГОРШЕНИН - От членов нашего центра.
- МАТУЛЕВИЧ - Вы ответили: "со слов ЗИНОВЬЕВА мне известно, что в Ленинграде действительно существовала зиновьевская организация". Правильно ?
- ГОРШЕНИН - Правильно.
- МАТУЛЕВИЧ - Вы знали, что такая организация существует в Ленинграде. Знали со слов ЗИНОВЬЕВА?
- ГОРШЕНИН - Нет, я знал не только со слов ЗИНОВЬЕВА, но и со слов других.
- ПРЕДСЕДАТЕЛЬ - Вам ЗИНОВЬЕВ об этом рассказывал ? Скажите, кто во главе этой организации стоял. В Ваших показаниях Вы говорите, что во главе этой организации стояли: РУМЯНЦЕВ и ЛЕВИН Владимир. Правильно? Это Ваши показания, которые Вы давали 19 декабря и подписали.
- ГОРШЕНИН - Это в отношении 1928 года об организации ЕРМАКОВА.
- ПРЕДСЕДАТЕЛЬ - Вы сказали, что Вы знали со слов других, что в Ленинграде существовала организация к.-р., во главе

которой стояли РУМЯНЦЕВ и ЛЕВИН ?

ГОРШЕНИН - Я давал показания в отношении того, что я знал, что в Ленинграде существовала организация зиновьевцев, но не знал, что эта организация пойдет на провокации.

Чл.Суда
МАТУЛЕВИЧ - Какую характеристику ЗИНОВЬЕВ давал этой организации ?

ГОРШЕНИН - Что она настроена чрезвычайно воинственно.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ - Вам впоследствии было известно, что РУМЯНЦЕВ и ЛЕВИН стояли во главе организации и в 1932 - 34 г.г. и связь имели с ЗИНОВЬЕВЫМ ?

ГОРШЕНИН - Относительно РУМЯНЦЕВА я не знаю. ЛЕВИН в период приезда в Москву встречался с КУКЛИНЫМ и, кажется, даже в 1933 году.

МАТУЛЕВИЧ - Вам известно относительно ЛЕВИНА, что он поддерживал связь ?

ГОРШЕНИН - Да, это я подтверждаю.

МАТУЛЕВИЧ - Какую оценку давал ЗИНОВЬЕВ о деятельности Коминтерна в конце 1933 года?

ГОРШЕНИН - В конце 1933-34 г. на тему о деятельности Коминтерна было несколько бесед. Наиболее ясная оценка в отношении положения в Германии была такова: что благодаря бездействию Коминтерна, благодаря тому, что не во время были даны лозунги, даны не конкретные лозунги во время борьбы с фашистами, благодаря неумению, неправильной линии Коминтерна был расчищен путь к приходу ГИТЛЕРА.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ - Как Вы увязывали бездействие Коминтерна с ру-

ководством нашей партии ?

ГОРШЕНИН

- Это вытекало, прямо и косвенно, из основной установки, которая была у СТАЛИНА, у ЦК, у партии. Для генеральной линии партии была установка на построение социализма в одной стране. Мы считали эту идею неправильной, ибо дело мировой революции приносилось в жертву этой идее.

Т.МАТУЛЕВИЧ

- Вы подтверждаете о том, что КАМЕНЕВ до последнего времени состоял членом московского центра ?

ГОРШЕНИН

- Да, подтверждаю.

Т.МАТУЛЕВИЧ

- Когда Вы виделись последний раз с КАМЕНЕВЫМ?

ГОРШЕНИН

- Я виделся с ним в августе 1934 г. и последний раз я виделся с ним 12 декабря с.г. у автобусной остановки, но не разговаривал.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ

- Вы показали, что последний раз были у ЗИНОВЬЕВА за три дня до Вашего ареста, т.е. 9 декабря.

ГОРШЕНИН

- Да. Я был арестован 12-го ночью.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ

- Кто ведал Вашей организацией в Ленинграде?

ГОРШЕНИН

- ЕВДОКИМОВ, БАКАЕВ, КУКЛИН, в частности, ГЕССЕН.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ

- ГЕССЕН же в Смоленске находился.

ГОРШЕНИН

- ГЕССЕН приезжал из Смоленска в Москву и был в курсе дел.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ

- Вы знали, кто был во всех городах, а кто был в Ленинграде Вы не знаете в то время, как показали, что Вы знаете - кто ездил из Москвы в Ленинград: ГЕССЕН, ЕВДОКИМОВ, ГЕРТИК.

ГОРШЕНИН

- Я показал, что ездили в Ленинград, но кого они встречали, с кем видеть не знаю. Ездил ГЕССЕН, в частности, на конференцию по Большому Днепру, но с

кем он встречался — не знаю. Ездил ГЕРТИК в 1934 г.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ — Они не делились впечатлениями ?

ГОРШЕНИН — Они говорили, что ни с кем не встречались. ГЕССЕН тоже ни с кем не встречался.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ — Вы ведали иногородними делами, кроме Ленинграда и давали разные секретные сведения?

ГОРШЕНИН — Да, и, кроме того, моя квартира, по существу, за последние два года служила для сборищ членов нашей организации.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ — Раньше для этих целей служила квартира ГЕРТИКА ?

ГОРШЕНИН — Да, до весны 1932 г. сборища были на квартире у ГЕРТИКА, а потом у меня.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ — Желаете чтонибудь добавить к показаниям?

ГОРШЕНИН — Да, хотел бы. Прежде всего, я должен заявить, что целиком и полностью, во всех действиях и со всеми формулировками разделяю ту оценку нашей контр-революционной деятельности, которая дана ЕВДОКИМОВЫМ. Я целиком и полностью разделяю то, о чем он говорил. Я хочу остановиться кое на каких вопросах, которые не были затронуты ЕВДОКИМОВЫМ и которые, так сказать, у меня в этом отношении являются дополнительными для суда. Здесь уже говорилось относительно того, что у нас не было никакой положительной политической и экономической программы нашей организации. В тоже время, мы в течении 7-ми лет вели нелегальное существование и вели свою контр-революционную деятельность. Что-же сплачивало, отчего мы держались в течении 7-ми лет. Здесь нельзя об"явить чисто обывательским моментом, что мы любили пить

чай, есть пельмени, которыми нас угощал ЕВДОКИМОВ. Тут есть что то более глубокое, какой то корень, который спланивал нас и был в состоянии связывать нас всех в течении 7-ми лет. В чем же эта вина ?

Если посмотреть и проанализировать все наши на-строения, всю нашу оценку, которая давалась всем основным решениям партии и ее генеральной линии, то здесь надо определенно сказать, что идейно-поли-тической основой к нашему существованию и к.-р. деятельности нашей организации было неверие в пост-роение социализма в одной стране. Это было той идей-но-политической основой, на которой держалась наша организация.

Здесь уже частично говорил ЕВДОКИМОВ об этом. Я несколько повторяю...

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ — Зачем повторяться. Вы сказали, что вполне согласны со всеми установками...

ГОРШЕНИН — Я хочу просить продолжить свою мысль о том, что было неверие в построение социализма в одной стране. Это было центральным узловым пунктом.

Мы отрицали социалистический характер колхозного движения, считали, что там никакого социализма нет, что колхозы должны развалиться. В этом отношении отрицался также социалистический характер, тех круп-нейших ^{наших} строител-ств — гигантов, как Магнитострой, как Кузнецкий завод и так далее, на той основе, что рабочие живут в землянках, что там антисанитарные условия, что условия работа совершенно не социали-стические и т.п. клеветнические обоснования. Мы го-

97
4

ворили, что во всем, что строится по существу ничего социалистического нет.

Я уже говорил о том, что международную политику, политику Коминтерна мы рассматривали именно с этой точки зрения, с точки зрения в возможность построения социализма в одной стране и считали, что СТАЛИН сознательно не активизирует деятельность Коминтерна, подчиняя все своей идеи — с нашей точки зрения неправильной идеей построения социализма в одной стране.

Кто то выразился, что у нас была основой старая платформа.

Это немного не точно будет, потому что многое изменилось, но идея старой платформы, основная идея старой платформы — неверие в возможность построения социализма в одной стране, она по существу осталась. Я, в частности, и все остальные члены нашей организации, с которыми я соприкасался и настроения которых я имел возможность проверить, — мы никто не изжили ^{эти} свои старые идеи. На этой основании нужно сделать вывод, что мы ни организационно, ни идейно не разоружились после 15 съезда и продолжали вести борьбу против линии партии.

Чьи взгляды, чьи настроения отражала наша организация, отрицая возможность построения социализма в одной стране, — думаю, говорить много не придется, потому что это совершенно ясно, совершенно ясно, что это настроение чуждых пролетариату и пролетарской диктатуре классов, остатков капиталисти-

ческих эксплуататорских классов, которые до сих пор не потеряли надежду на провал социализма.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ — Это Вы теперь только узнали, или знали все 8-мь лет и сознательно шли против ?

ГОРШЕНИН — Я знал по существу, что это так, но сейчас это наиболее ярко и отчетливо продумал. Я постарался проанализировать все, что являлось основой. И это являлось основой!!

Вторым элементом, что сплачивало нашу организацию, являлось враждебное отношение к партийному руководству, в особенности к тов. СТАЛИНУ, это я считаю вторым элементом, цементировавшим нашу организацию.

Я уже говорил, что это враждебное отношение поддерживалось и подогревалось и источником этого были наши лидеры, вожди нашей организации — ЗИНОВЬЕВ и КАМЕНЕВ.

Я подтверждаю то, что наша критика сопровождалась почти всегда выпадами, что если бы мы были у руководства, если бы ЗИНОВЬЕВ и КАМЕНЕВ были у руководства, — тогда все было бы гораздо лучше, чем это делается сейчас.

Я здесь хотел только остановиться еще на одном вопросе. Это — о позиции КАМЕНЕВА. В обвинительном заключении есть ссылка, где говорится о том, что (по его заявлению) он до 30 года состоял в этой организации и был лидером, а после 30 года по существу отстал от этого. Меня немного удивляет такая постановка вопроса Льва Борисовича.

Во первых, мне совершенно точно известно, что ни в 30 году, а до 32 года на квартире КАМЕНЕВА происходили совещания членов центра, происходили встречи членов центра с КАМЕНЕВЫМ — и довольно часто.

Бывал у него ШАРОВ, я, ХАРИТОНОВ и другие члены нашего центра московского и члены организации. До 32 года.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ — А в 33-34 г. ?

ГОРШЕНИН — В конце 32 года у меня на квартире было собрание, созванное по предложению Льва Борисовича, на котором присутствовало человек 12, в том числе ХАРИТОНОВ, кажется БАКАЕВ, КОСТИНА, ГЕРТИК и где было очень много разговоров на счет застоя на идейном и культурном фронте и т.д.

Это как раз совпадает с моментом оживления организации деятельности всей контр-революционной группы, — это было осенью 1932 г., на сколько я припоминаю.

В течение 1933 г. и в 1934 г., КАМЕНЕВ из осторожности ни с кем не встречался, поскольку мне известно, но с ЗИНОВЬЕВЫМ был в постоянной тесной связи не только на даче, но и в городе и мне хорошо известно из разговоров с ЗИНОВЬЕВЫМ, что не было ни одного политически важного вопроса, который не показывался бы нашей организации, по которому не совещался бы ЗИНОВЬЕВ с КАМЕНЕВЫМ.

Я говорю, что КАМЕНЕВ из за осторожности ни с кем не встречался.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ — Вы говорите с 1934 г.?

ГОРШЕНИН — В августе 1934 года на даче у ЗИНОВЬЕВА и КАМЕНЕВА, в кабинете КАМЕНЕВА было совещание, на котором участвовал КАМЕНЕВ, ЗИНОВЬЕВ, ЕВДОКИМОВ, по вопросу о вводе его из Редколлегии "Большевика".

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ — Не было такого положения в 1934 г., что ЗИНОВЬЕВ и КАМЕНЕВ беседовали с приезжающими с мест, из провинции?

ГОРШЕНИН — Фактически это было так. Я с ЗИНОВЬЕВЫМ встречался раз пять и все рассказывал ему.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ — Вы всецело подтверждаете показания от 14-го декабря?

ГОРШЕНИН — Подтверждаю.

—0000000—

ДОПРОС

ГЕССЕНА Сергея Михайловича.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ — Подсудимый ГЕССЕН, скажите пожалуйста в чем конкретно выражалась Ваша деятельность, как члена к.-р. организации ?.

ГЕССЕН — Моя деятельность за последние годы — 1931-32 г.г. заключалась в том, что приезжая в Москву я виделся с членами московской организации, с целым рядом активных работников, вел с ними беседы на политические темы и обсуждал те политические задачи, кото-

рые выдвигались нашей группой на политические обстановки в данный момент.

На протяжении этих лет, как моя деятельность, так и деятельность других членов организации, носила различные формы.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ — Связжите точнее, какие различные ?

НЕССЕН

— В течение 1930-31 г.г. основная задача, которую ставила перед собой зиновьевская группа состояла в том, чтобы сохраниться, добиться своего организационного сохранения, поскольку в ближайшее время на возможность политического активного выступления надежды не было. В 1932 г., в особенности во второй половине 1932 г. создались такие условия, которые дали возможность надеяться на то, что создастся обстановка, при которой выступление станем возможным. Эта активизация находит свое выражение в том, что встречи между членами организации могли состояться значительно чаще.

Моя личная работа заключалась в том, что приезжая в Москву, я имел встречи с членами московского центра, обсуждал политические вопросы. Во-вторых — в течение этого времени я был в Ленинграде в 1931г. в ноябре м-це. Видался там с рядом представителей нашей организации — ЛЕВИНЫМ, НАТАНСОМ. В — третьих — в нынешнем году я также был в Ленинграде, но в этот раз я никакой работы не вел, я виделся с руководящим представителем с Владимиром ЛЕВИНЫМ, но не имел политического разговора с ним. Я ездил только в Ленинград по делу. В Ленинград я ездил, согласо-

вав свою поездку с "МОСКОВСКИМ ЦЕНТРОМ". В 1934 г. я уехал не видясь ни с кем.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ - Кроме Ленинграда, в другие города Вы не ездили? На какой работе Вы находились в Смоленске?

ГЕССЕН - Я работал в Смоленске с января 1930 года. Сначала работал в Комвузе, потом в Обл.Плане, после этого в Тяжпроме.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ - Вы наблюдали какойнибудь перелом за последнее время в Ваших взглядах?

ГЕССЕН - Я не могу сказать, что за последнее время я ушел из организации полностью и осознал правильность генеральной линии партии. Я приезжал в Москву, продолжал видаться с членами московского центра. В 1934 году вел разговоры в антипартийном духе. Перелом, который происходил в этом отношении состоял в том, что я считал, что невозможно повести какоенибудь политическое выступление зиновьевской группы, что нет никаких шансов на самостоятельную политическую роль, что нет никаких политических условий. Последнее время моей целью, которую я перед собой поставил, была - войти в хозяйственную работу с головой.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ - Один из подсудимых рассказал об одном памфлете, который Вы написали.

ГЕССЕН - Показания АНИЩЕВА чрезвычайно неточны. Никакого памфлета я не писал. По всей вероятности это было летом 1927 года, когда я написал стихотворение "Покаянные", довольно большое и распространенное.

ТОГДА троцкистско-зиновьевским блоком. В этом стихотворении приблизительно 100 - 120 строчек, а посвящен КИРОВУ две строчки.

Я могу эти строчки процитировать.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ — Нет, не нужно. Вам известно о свидании ЗИНОВЬЕВА с ШЛЯПНИКОВЫМ ?

ГЕССЕН — Мне известно, что ЗИНОВЬЕВ с ШЛЯПНИКОВЫМ беседовали, но содержание беседы я не слышал. Со слов ЗИНОВЬЕВА ШЛЯПНИКОВ сообщил ему чисто обывательские слухи.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ — Какая была установка при поездке в Ленинград?

ГЕССЕН — Я виделся с Владимиром ЛЕВИНЫМ и Михаилом ЛЕВИНЫМ, но обстановка не позволила вести политические разговоры.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ — А предыдущие Ваши поездки в Ленинград?

ГЕССЕН — Я вел разговоры на политические темы в 1929 и 1931 г.г.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ — Вы давали установку ленинградцам, или получали информацию.

ГЕССЕН — То и другое.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ — О результате Вашей поездки в Ленинград с кем Вы делились?

ГЕССЕН — В 1929 году о результатах поездки я сообщил ЗИНОВЬЕВУ. В 1931 г. я сообщил ЗИНОВЬЕВУ, КАМЕНЕВУ и, кроме того, другим членам московского центра.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ — Из активных работников по Ленинграду Вы знакомы с ЛЕВИНЫМ, РУМЯНЦЕВЫМ, НАТАНСОМ ?

ГЕССЕН — Я был знаком с большим количеством работников Ленинграда, но встречался я таким образом: в 1931 году я встречался с Владимиром ЛЕВИНЫМ. В 1929 году виделся с значительным кругом людей. Весь этот круг людей перечислен в моих показаниях.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ — Кого Вы встречали из руководителей ленинградской

организации ?

ГЕССЕН

- Встречался в 1929 г. осенью с РУМЯНЦЕВЫМ. После этого видетсья мне не пришлось. С ЛЕВИНЫМ я виделся летом 1931 г., когда был уполномоченным ленинградского Обкома, то приезжая к нам по заготовке картофеля. Затем виделся в Сочи, где мы были в одном санатории в декабре 1932 года и, наконец, здесь - в Ленинграде феврале 1934 года.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ

- Желаете что нибудь добавить ?

ГЕССЕН

- В смысле фактического материала пока ничего не хочу добавить, а в отношении политической оценки оставлю до последнего слова.

Д О П Р О С

ГЕРЦБЕРГА, Александра Владимировича.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ - Подсудимый ГЕРЦБЕРГ, скажите сколько лет Вы считаете себя единомышленником зиновьевцев ?

ГЕРЦБЕРГ

- Я примкнул к б. ленинградской оппозиции во время 14-го с"езда.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ - И с тех пор связь не порывали до последнего времени?

ГЕРЦБЕРГ

- Я до самого последнего времени, до 1933 г. не порывал связь с отдельными зиновьевцами, поэтому считаю, что этим самым я являлся членом московской подпольной контр-революционной зиновьевской организации, и поэтому я несу полную политическую ответственность за все действия этой организации, и за все те цели, которые она себе ставила, независимо от того, знал я все установки организации или не знал.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ — Сколько времени Вы были заграницей ?

ГЕРЦБЕРГ — 4-е года.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ — С кем Вы были связаны из зиновьевцев, находящихся здесь — в Советском Союзе?

ГЕРЦБЕРГ — Письменную связь не поддерживал ни с кем. Как это имеется в показании, когда я приезжал в командировку в 1929 году, заходил к ЗИНОВЬЕВУ и информировал его о настроении Рут Фишер, а также о настроении веддингцев. Когда я приехал, в конце 1927 года в Берлин, там был проездом САФАРОВ. Он меня познакомил с представителем веддингской оппозиции — Ризе Макс и Бадинг. Я с этими лицами, на почве борьбы против партии, на почве троцкистско-зиновьевской платформы, поддерживал связь до 15 съезда.

После 15-го съезда я с ними порвал, но на 29 году как то однажды мне позвонил МАСЛОВ и говорит, что хочет со мной повидаться. Я согласился. Он мне тогда сказал (это было в присутствии Рут-Фишера) что он слышал, что я отошел от оппозиции. Он хотел сказать, что у него настроение такое, что он прекращает борьбу, что он хочет приехать в СССР, с тем чтобы работать здесь в качестве техника, и думали об этом написать в ЦК, или, как он сказал — тов. — СТАЛИНУ. Спрашивает — как я на это смотрю.

Когда я приехал сюда в 1932 году, я приезжал к ЗИНОВЬЕВУ и сказал ему о настроениях ФИШЕРА и тут же выразил свое впечатление о нем, что мне кажется, что они никогда не пойдут ни к социал-демократам, ни к ТРОЦКОМУ, что по моему они приближаются к пар-

тии и хотят работать.

У меня сложилось впечатление, что ЗИНОВЬЕВ был рад этому, и он сказал что "Это хорошо, что они возвращаются на этот путь".

Примерно таков~~о~~ было содержание беседы.

Затем в 29 году у меня были еще встречи. Одна, совершенно случайная, с РИЗОМ, где никаких политических разговоров не было, я его видел в такой обстановке, когда он от имени германской партии выступал с речью, на похоронах одного полпредского товарища. Затем было свидание с БАДИНГОМ. Мы уже не вели политических разговоров, потому, что я знал, что БАДИНГ вернулся в партию, работает, а у меня были разговоры с ним на почве служебной, по случаю одного его задания в Коминтерне.

Теперь САФАРОВ напомнил об одном случае (это действительно было), что когда я приехал сюда — это было, кажется, в марте или апреле 32 года — этот самый Макс БАДИНГ — я не помню точно приехал он тогда из Германии или из другой страны, — но он ко мне зашел в учреждение и завел разговор о том, что ему нужны данные, которые касаются работы... Точнее говоря, то что ему нужны данные, которые касаются станков... Я ему сказал, что пусть он идет, поскольку он работает по заданиям Коминтерна, пусть действует через Коминтерн и пусть связывается не через меня.

САФАРОВ говорил, что когда он был у меня летом 32 года, что будто бы я тогда сказал, о том, что БАДИНГ меня информировал о положении в германской

партии. На очной ставке я заявил, что он перепутал, что никакой информации он не мог мне давать, и вообще — это было в марте-апреле, а я приехал в декабре 32 года. Вообще, взаимоотношения у меня с ним не были такими, чтобы он мог мне давать информацию. Когда САФАРОВ был у меня, я его спросил: не видел ли он БАДИНГА, который приехал из Германии, который работает по линии Коминтерна. Вот какой простой вопрос я задал САФАРОВУ, а у САФАРОВА может быть получилось в таком духе будто я говорил о том, что будто БАДИНГ меня в то время информировал о положении в германской партии.

Вот это фактическое положение дела.

Моя фактическая работа в зиновьевской подпольной организации заключалась именно в том, что (но это не умаляет моей вины) что я поддерживал связь с отдельными зиновьевцами. Я ездил к ЗИНОВЬЕВУ летом 32 года и затем я встречался несколько раз случайно с ЕВДОКИМОВЫМ, но с которым не было у меня политических разговоров; это были совершенно случайные встречи. Затем видел КУКЛИНА во время 17-го съезда.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ — Кстати — о чем была беседа с КУКЛИНЫМ?

ГЕРЦБЕРГ — Вот об этом и я хочу рассказать. Хотя эта встреча была и на улице, но мы вели политический разговор, который сводился к следующему: я ему задал вопрос — как нравится съезд. Он ответил таким образом: "Ну, чтож, пусть болтают. Сталинцы хвалят СТАЛИНА". И то, что я прослушал такой разговор, это, по моему, есть, как правильно сказал ЕВДОКИМОВ, одна из форм

проявления не искренности моей и доказательство того, что я не порвал и зиновьевцами, не порвал с их настроениями, будучи способным совершенно спокойно выслушать этот разговор.

Я считаю, что этот факт, один только этот факт есть самое лучшее доказательство того, что я не порвал нити с зиновьевцами, с политической системой, с зиновьевщиной, ^{уже одним} и этим самым фактом я должен считаться членом этой московской организации.

ПРЕДСЕД.— Ваше показание об этом эпизоде еще крепче выражено ^{раньше} ~~здесь~~. Вы так написали: "Во время 17 с"езда с"ездом встречался с КУКЛИНЫМ. На мой вопрос, как ему нравится с"езд, он со злобой ответил: "сплошная болтовня" и допустил ряд других враждебных выпадов против с"езда. Это был разговор предателя, ненавидящего партию, Советский Союз, его руководителей".

ГЕРЦБЕРГ— Да, я считаю, что это совершенно правильно.

ПРЕДСЕД.— Второй вопрос: когда Вы беседовали с ЗИНОВЬЕВЫМ летом 32 года В Ваших показаниях об этой беседе, было показано следующее, что ЗИНОВЬЕВ Вам говорил — "Коминтерн своей политикой способствует приходу ГИТЛЕРА к власти..."

Вы подтверждаете эти показания ?

ГЕРЦБЕРГ — Да, подтверждаю. Затем разрешите одно еще добавить о том, что САФАРОВ еще напомнил, я забыл об этом. Я сказал в своих показаниях, что ЗИНОВЬЕВ давал оценку деятельности Коминтерна. Я сказал, что ЗИНОВЬЕВ тогда жаловался, что ЦК оттесняет старых работников от руководства, был разговор об отстранении КРЖИЖАНОВСКОГО и САФАРОВА правильно напомнил, что ЗИНОВЬЕВ мне напомнил о том, что: "Знаете, у меня был САФАРОВ" но больше ничего об этом не было сказано, но, сказал, что САФАРОВ приехал для того, чтобы выработать какую то платформу. И, когда, ко мне пришел САФАРОВ летом 1932 г., а он, в тоже время, что когда он пришел ко мне, он сказал, то, что мне об этом только что сообщили,

и отсюда видно, что какая быстрая связь. Этого нельзя сказать потому, что если я задал САФАРОВУ такой вопрос, это вполне возможно. Кроме того, я должен определенно заявить, что САФАРОВ, когда он был у меня, мне ничего не говорил о том, что он ездил к ЗИНОВЬЕВУ, для того, чтобы выработать какую то платформу, и что в этом деле фигурировал МРАЧКОВСКИЙ и т.д. Но этот разговор у меня был не с глазу на глаз с САФАРОВЫМ, а в присутствии моей жены, ПОЗДЕЕВОЙ и ее можно спросить об этом, но знаю, что она тоже ничего не знает и об этом я узнал только сегодня на суде.

После того, как ГЕРТИК вернулся из ссылки, он зашел ко мне на квартиру. Разговор был такой: — я его спросил "За что ты был сослан", а он сказал, что тут было какое то недоразумение. "ЗИНОВЬЕВА выслали и меня считают его агентом, они меня совершенно зря взяли, зря выслали" и впечатление было такое, что они — это одно, а он вообще невиновен, а у меня в это время были не такие настроения, чтобы порвать с ГЕРТИКОМ, и, когда я себе спрашиваю, "хорошо, кому я больше верю — ему или тому обстоятельству, что его выслали? — я должен честно сказать, что произошла какая то ошибка, да, должен сказать, что я политически слеп был, не понимал, считал, что заявление ЗИНОВЬЕВА и КАМЕНЕВА на с"езде искренно. Я не понимал. Вот сегодня, я бы сказал, так: "Я этого не понимал, что половина правда", я считал, что это искренно. Я меня было впечатление, я знал, люди встре-

чаются, ходят друг к другу, у меня до сих пор было впечатление, что озлобление и против руководства я не об"яснял, это то, что озлобление вызвано тем, что люди не у дел, не работают. Это, конечно, меня, абсолютно, не оправдывает и в свою пользу говорить не буду, а наоборот. Я ходил тогда лечиться в кремлевскую больницу и встречал там некоторых членов организации, но ни о чем я с ними не говорил. Если бы, может быть, были бы чаще встречи, я бы больше понимал в чем дело.

Должен еще следующее сказать. Я ни разу ни от кого из зиновьевцев не слышал разговор: "вот мы наделали много глупостей и т.д., теперь надо их исправить", а ведь я никому со своей стороны не заявлял, что у меня не оставалось больше старых настроений, а наоборот, принимал участие в разговорах. Поэтому я говорю, что я целиком отвечаю за цели, которые преследовала зиновьевская организация и за все действия организации, а действия этой самой организации привели к тому, что эта организация, как и я в том числе, должны нести полнейшую ответственность за убийство тов. КИРОВА.

Я должен сказать, я думаю, действительно надо всем признать одну простую вещь сейчас. Очень плохо, что слишком поздно, но я должен сказать, что я с исчерпывающей полнотой принимаю следующее; что вся система зиновьевщины, это непрерывная цепь обманов и измен против партии и рабочего класса. Эта цепь спустилась на самое дно контр-революции, свя-

завшись с фашизмом. Зиновьевцы попали в пропасть и, что сейчас между этой пропастью и находится кровь одного из вождей Советской власти. Эта та действительность, от которой никуда не уйдешь. И вполне ясно, что полнейшую ответственность за убийство несет вся организация в целом и каждый член организации в отдельности, виделся ли он за три года раз, или чаще, все равно связь была.

Д О П Р О С

Б Р А В О, Бориса Львовича.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ — Подсудимый **БРАВО**, сколько лет Вы считаете себя единомышленником зиновьевской организации?

БРАВО — С 1926 года.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ — Был у Вас какой нибудь перелом и по какому поводу?

БРАВО — В 1928 — 29 г.г. я отошел от оппозиционной борьбы после заявления на 15 съезде зиновьевской оппозиции. Я считал это заявление не искренним и себе заявил, что буду продолжать борьбу в партии. Во время ссылки я решил, что оппозиционные взгляды изжил полностью.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ — Вы заявление об отходе подали в 1929 г.?

БРАВО — Да, но я следствию заявил, что подал заявление только тогда, когда считал, что совершенно изжил оппозиционные настроения. Я следствию не врал, но я ошибался, что, идя на судебное следствие, я дол-

жен все признать. Я не сбросил всю оппозиционную жилку и в 1930 году, после возвращения из ссылки, я вновь примкнул к зиновьевской организации. Я не знал до сегодняшнего дня техники, метода борьбы и целей борьбы с партией.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ — Вы подали заявление об отходе от оппозиции в 1929 г.?

БРАВО — Да, и был восстановлен в декабре 1929 года и снова примкнул к оппозиции в 1930 г. В 1929 году я встречался с бывшими своими единомышленниками.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ — С кем Вы встречались из подсудимых по данному делу?

БРАВО — Встречи начались с наиболее близким мне НАУМОМ, после я поселился на квартире у ГЕРТИКА и тут начались встречи с единомышленниками, с которыми я, поехав в ссылку, все порвал и решил не возвращаться, считая, что они виноваты, что я так мучительно и болезненно все переносил.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ — Какие были Ваши обязанности? Какие были Ваши функции, как члена этой организации?

БРАВО — Мои функции и роль заключаются в том, что я подхватывал и распространял все те грязные слухи, и сплетни, какие только удавалось слышать. Обменивался мнениями с моими единомышленниками, будучи в Ленинграде. Точно также передавал сведения своим товарищам, которых я здесь встречал, и, во-вторых, я являлся одним из рассадников той бешеной злобы, которую я считаю, питали в одинаковой мере все участники контр-революционной зиновьевской организации.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ — По служебному положению Вы имели документы, которые передавали руководителям контр-революционной организации ?

БРАВО

— По занимаемой должности я имел в своем распоряжении информации, поступающие с мест о ходе заготовок, о подготовке к этим кампаниям. Часть этих сведений была связана с ходом посевной кампании и т.п.

Однажды, поступили ко мне сведения о состоянии дел на Украине, от инспектора, которые я, по просьбе ЗИНОВЬЕВА, передал ему.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ — Записку, которую Вы передали ЗИНОВЬЕВУ, кто Вам ее дал?

БРАВО

— Мне передал инспектор ЗАБЕЛОВ, так как я просил его дать мне отчет о его поездке на Украину для того, чтобы печатать в журнале, потому что я всегда за материалами обращался к работникам. Этот материал был такого содержания, который, конечно, нельзя было печатать.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ — Понравилось это ЗИНОВЬЕВУ?

БРАВО

— После того, как передал этот документ, то ЗИНОВЬЕВА больше не видел, но об этом документе я ему рассказал осенью, будучи в 1932 году у него на даче с ЕВДОКИМОВЫМ.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ — В одном из Ваших показаний записано, что признаете себя виновным, что состоя в партии вели двурушническую политику и в 1930 г., вступив в зиновьевскую организацию вели контр-революционную работу по подрыву авторитета партии.

Подтверждаете Вы это?

БРАВО - Да.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ - Вы совершили преступления, используя служебное положение, давая секретные документы своей организации.

Подтверждаете это?

БРАВО - Да, подтверждаю.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ - Вы сеяли злобу и ненависть к руководству партии среди тех оппозиционеров, с которыми Вы встречались.

Подтверждаете Вы это?

БРАВО - Да, подтверждаю.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ - Что Вы желаете добавить?

БРАВО - Я, примерно, находился в одинаковых условиях с моим единомышленником ГЕРЦБЕРГОМ и те функции, которые я выполнял - это сбор информации. Здесь мой единомышленник ГЕРЦБЕРГ заявил, что несмотря на то, что он многого может быть и не знал, но несет политическую и моральную ответственность за то, что делала и собиралась делать зиновьевская организация.

Я должен отнести то, что он заявил и к себе.

Но я очень многого не знал и не представлял до сегодняшнего дня. Дело не так просто, как говорил САФАРОВ, цепочка была, по цепочке шли всякие слухи, клевета, но это не все. Не все шло по этой цепочке, так как я, будучи в близких отношениях с ЕВДОКИМОВЫМ многих фактов не знал. Я не знал таких вещей, что САФАРОВ вступил на путь контр-революционной борьбы, несмотря на то, что он с ЕВДОКИМОВЫМ вел разговор. Несмотря на близость мою с ЕВДОКИМОВЫМ, я не знал, что готовится какой то блок, ведутся

переговоры. Я, несмотря на близость с ЕВДОКИМОВЫМ, никогда не слышал от него такой развернутой контр-революционной программы, которую ставила перед собой организация, о которой он здесь говорил перед судом. У нас был разговор по отдельным вопросам. Он говорил о своих разговорах, но многого мне не говорил и поэтому мне представлялось иначе. Если мы говорили о колхозном движении, то мне это представлялось в таком разрезе, что говорилось об огромных накладных расходах, но я не знал, что это значило, что не нужно продолжать коллективизацию, а представлял себе так, что если бы были наши вожди быв. оппозиции у власти, то все это могло пройти с меньшими издержками.

Когда он говорил о тяжелом продовольственном положении рабочего класса, то я себе представлял таким образом, что дело не в том, что слишком зарывались с индустриализацией — это хорошо, что индустриализация, — а дело в том, что очень плохо проводят это и поэтому голодают рабочие. Многое, оказывается, я не знал, многого цепочка мне не передавала, несмотря на то, что я был близок к ЕВДОКИМОВУ.

Тем не менее, несмотря на это, я обязан разделить не только политическую и моральную ответственность за все то, что делала оппозиция, но должен разделить эту ответственность и по советским законам.

И еще, второй вопрос. Это — вопрос ответственности за пролившуюся кровь тов.КИРОВА.

Основное, что я делал, я собирал информацию, но главное и основное чем я занимался — это разбрасывание тех семян злобы и ненависти к руководству, которые процветали в контр-революционной организации. Я на следствии говорил о некоторых-примерах.

Как мы действовали? Я приезжал, скажем, в Ленинград, встречался там с ЛЕВИНЫМ, БАШКИРОВЫМ; основные разговоры вертелись вокруг бывших руководителей оппозиции. Был у нас Григорий ЗИНОВЬЕВ, Григорий ЕВДОКИМОВ, Григорий ФЕДОРОВ — три вождя, которые "бесконечно страдали". Мы их делали мучениками, обводили их мученическим ореолом: их не используют, их притесняют, вписывают все возможности для того, чтобы их отшить не только от руководства, но и от партии. Каждый, кто меня встречал, обязательно спрашивал: "Ну, как чувствует ЕВДОКИМОВ"? — и я отвечал, что "бедный ЕВДОКИМОВ" чувствует себя так то и так то.

Мне вспоминается, что когда я был на даче у ЗИНОВЬЕВА, (это было во второй раз: в первый раз я был в 30 году), то в ответ на информацию, что ЯРОСЛАВСКИЙ удален из редколлегии "Правда" — ЗИНОВЬЕВ ответил примерно такое, что, конечно, это понятно, что СТАЛИН не станет работать ни с кем из тех, кто знал ЛЕНИНА, работал с ним. И, конечно, в разных вариациях это замечание я передавал, когда был в Ленинграде. Кому и при каких обстоятельствах

- не могу сказать.

Всякий повод использовался для того, чтобы натравить на СТАЛИНА. Если речь шла о смерти Динн ГЕРТИК..., да мало ли было случаев, примеров, что все это использовалось для того, чтобы натравить на руководителей, на СТАЛИНА.

И, если одна часть к.р.- организации понимала эти настроения, как то, что надо бороться и продвинуть своих руководителей, то другая часть воспринимала иначе, по своему, воспринимала так, как "бей его!" и поэтому я должен прямо заявить, что должен нести ответственность не только политическую и моральную, но ответственность по Советским законам за пролитую кровь вождя.

ДОПРОС

ШАРОВА, Якова Васильевича

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ - Подсудимый ШАРОВ, у Вас, во время нахождения под стражей, было три периода. Первый период, когда Вы ничего не признавали, следующий период, примерно, с 5-го января, когда Вы признали, что входили в зинovieвскую антипартийную группу. 8-го числа Вы это признание развили. Вы подтверждаете то, что говорил ЕВДОКИМОВ ?

ШАРОВ

- Прежде всего надо сказать, что как ни тяжела та оценка, которая дана - я ее целиком и полностью разделяю.

Я вступил на путь борьбы с партией с 14-го с"езда. С 14-го по 15-й с"езд я вел сознательную, открытую борьбу с партией. Я входил в центр троцкистско-зиновьевской организации, и был ее активным членом. Тезисы к 15-му с"езду, решения 15-го с"езда меня на миг окрылили, окрылили мои надежды, что я должен стать на позицию партии, но старые связи не были порваны, не совсем было порвано с оппозиционными настроениями, и поэтому в одной двери я остановился на генеральную линию партии, а в другой двери шел на квартиру ЗИНОВЬЕВА, где было сейчас же после 15-го с"езда собрание, которое по существу явилось продолжением старой платформы, только при новых условиях.

Совещание на квартире у ЗИНОВЬЕВА формально созывалось с тем, чтобы ликвидировать организацию, которая была в период 14 - 15-го с"ездов. По существу же это была не ликвидация, а организация новой формы, вернее, было дано новое направление, новые методы борьбы с партией.-

На этом первом большом совещании, которое было на квартире ЗИНОВЬЕВА, участвовали почти все те, которые подписали платформу "23-х". По существу это было именно собрание тех, кто подписал эту платформу, и я по этому прошу меня освободить от перечисления участников собрания потому, что оно было именно продолжением того, что делалось до 15-го с"езда.

Основные установки на этом собрании, доклада КАМЕНЕВА о хозяйственном положении страны, где были некоторые изменения, которые были до 15-го съезда. Была только может быть более мягче формулировка по отношению к руководству. Это основа доклада ЗИНОВЬЕВА. Он ставил вопрос, что форма борьбы, которую вели не годится. Поэтому нам надо строить новую форму организации, форму, которая дала бы возможность сохранить наши основные кадры. Этой формой были личные информации о положении. Вы знаете и помните, что решением 15 съезда мы должны были раз'ехаться по разным сторонам нашего союза. По полученным нами установкам все мы должны были собирать сведения и информировать ЗИНОВЬЕВА и КАМЕНЕВА и наоборот, ЗИНОВЬЕВ и КАМЕНЕВ собирали сведения в центре и информировали нас. Значит, установилась новая связь, новые формы борьбы. Можно действительно выразиться, что не так как мы дрались накануне 14-го съезда, собирали и сообщали в ленинградскую комиссию, а наоборот, мы здесь принимали тактику такого змеиного шипения, имея ввиду при первой возможности выпустить яд и отравить этим ядом, и с другой стороны, собирать все то, что имеется о Советской власти и информировать центр, а о всей лжи и клевете сообщать всей группе и отдельным лицам. Таково это первое собрание, которое было сейчас же после 15-го съезда.

Я уехал после этого собрания в Ульяновск, пробыл там шесть месяцев и никаких интересных моментов не могу сказать, потому что я там ничего не делал. Только могу сказать, что во время пребывания в Ульяновске, в один из выходных дней я ездил в Калугу, где был ЗИНОВЬЕВ и КАМЕНЕВ. Я помню, что ЗИНОВЬЕВ,

117 120

будучи у себя в кабинете, разбирал массу книг, он сказал, что пишет книгу по поручению Политбюро, был в довольно приличном настроении.

После Ульяновска, в августе месяце, приехал снова в Москву.

Я застал уже здесь ЗИНОВЬЕВА и КАМЕНЕВА и, пожалуй, больше никого не было из старых наших оппозиционеров. Таким образом, я часто посещал и ЗИНОВЬЕВА и КАМЕНЕВА. Больше на этих встречах я информировал их, чем они меня. Я в это время работал в Московском Совете Народного Хозяйства, был членом Областного Исполнительного Комитета, входил в актив, и, если представлялась возможность, информировал о том, что происходит в Московском Комитете и на активе. Я был в курсе всей работы и информировал их.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ — Очень подробно получается, сократите.

ШАРОВ — В 1928-29 г.г. уже больше собирались в Москву.

Оживлялась работа, связи, разговоры, встречи и они продолжались все время на разных этапах и при разной оценке. Я поэтому хочу на последней моей встрече с ЗИНОВЬЕВЫМ остановиться, чтобы дать правильную оценку в отношении моего поведения и поведения контр-революционной организации.

В 1932 году, приблизительно в конце апреля, в начале марта, будучи в Ильинской у ЗИНОВЬЕВА на даче, он вел со мной разговор, разбирая все положение, которое на это время было в области колхозного движения. О положении рабочего класса, приблизительно, выразил ее в следующем, что "Сейчас все камни, или как он выразился, скорее все камни —

заговорят, ми, мол, товарищ ШАРОВ, все молчим".

Это была его общая оценка, которую он дал к этому времени.

Это была та оценка, которую давали КАМЕНЕВ и ЗИНОВЬЕВ.

Если до 15-го съезда, когда приходилось ставить вопрос о борьбе и руководстве, говорили:

"Я буду голосовать за СТАЛИНА против РЫКОВА", то в 1932 г. нужно было формулировать так: "я буду со всеми вместе против СТАЛИНА". Такова, мне кажется, была *которую дал Зинovieв. Такая образом я могу сказать,* бы правильная оценка, что именно до 1932 г. наша

оценка, наша зинovieвская контр-революционная организация в области хоз-ва ни чем не изменилась, кроме змеинного шипения и клеветы по отдельным эпизодам борьбы партии за построение нашего социалистического общества. Тут все сильнее ставился вопрос о борьбе против руководства. Так приблизительно можно оценить все те мои встречи и связи, которые я имел с ЗИНОВЬЕВЫМ и КАМЕНЕВЫМ до половины лета 1932 года, но после этого не встречался. Я более тесно был связан и встречался с ЕВДОКИМОВЫМ. Я уже заявил и сегодня, в особенности, меня поражает то, что мы с ЕВДОКИМОВЫМ довольно старые друзья, мы с ним, как говорится, закадычные друзья, тем не менее, меня очень удивило то, что сегодня рассказал САФАРОВ о встрече ЕВДОКИМОВА с троцкистами, о завязывании блока и т.д.. О той оценке, которую он давал последнее время, разговаривая с ЗИНОВЬЕВЫМ о Коминтерне.

Я должен сказать, что никогда ЕВДОКИМОВ со мной по этим вопросам не беседовал. В то же время, у меня неоднократно возникали разные вопросы и я ставил их перед ЕВДОКИМОВЫМ. Например, когда появилась статья СОСНОВСКОГО в "Известиях", я, идя из столовой с ЕВДОКИМОВЫМ, говорю ему: как видно СОСНОВСКОГО приняли в партию и повидимому будет жить в Москве, видно, что человек пришел обратно.

Он мне ничего не ответил на это, а сделал приблизительно такую формулировку: "Ох, говорит, при одном удобном из случаев так с нами расправится хозяин, что нам не поздоровится". Это нужно было понимать, что нас скапливается много в Москве, а поэтому с нами хозяин, имею в виду СТАЛИНА, расправится. Вот так он мне дал ответ на поставленный мною вопрос.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: При чем тут СОСНОВСКИЙ?

ШАРОВ: Я сказал, что наверное СОСНОВСКИЙ вернулся в Москву, он не ответил по существу, а говорит, что нам скоро не поздоровится. Я не мог понять — какое это имеет отношение к моему вопросу о том, что СОСНОВСКИЙ вернулся в партию. Но сегодня для меня это более или менее ясно.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Что Вам кажется ясным?

ШАРОВ: Когда я слышал, что он вел в 1932 г. переговоры с троцкистами, продолжал давать такую оценку международному движению, то все это говорит о том, что ЕВДОКИМОВ продолжал теснейшую работу и налаживал связь для борьбы с партией.

Второй момент, — когда однажды в 1934 году на одном из докладов у наркома я услышал: "Опять ваш ЗИНОВЬЕВ заснул, есть постановление ЦК о снятии

его с работы в "Большевике". Я при первой же встрече спросил у ЕВДОКИМОВА — что произошло. Он сказал — не стоит об этом много говорить. И опять уклончиво ответил на мой вопрос.

Вот каково было отношение в последнее время ЕВДОКИМОВА ко мне.

Я не могу не сказать суду об одном моем разговоре с ЕВДОКИМОВЫМ.

Однажды мы дали такую оценку "ивановского дела", что можно сравнить с кронштадским. СТАЛИН, конечно, из этой истории с ивановским бунтом, кроме расправы с отдельными лицами, для показа, никакого вывода не сделает. Вот приблизительно наша оценка, которую мы дали по ивановским событиям.

Вот то что можно сказать о моих разговорах и встречах с ЕВДОКИМОВЫМ. Я имел еще ряд встреч с другими участниками нашей к./р. зиновьевской организации; я имел встречи, или, вернее, ко мне приходили, начиная с первой половины 33 года, до последнего времени. Приходил РЭМ, который жил в Ленинграде, работал на Октябрьском заводе председателем ОРС"а, и по своим служебным делам он часто приезжал и ко мне часто приходил. Но я должен сказать, что из этих встреч нет таких интересных или ценных, чтобы можно было сообщить их суду, как материал, характеризующий то или иное наше настроение.

С РЭМОМ никаких разговоров не было. Я рассказал ему о том как меня выгнал зам. уполномоченного; рассказал о том как хорошо отнесся ко мне т. ЕЖОВ. Это для суда не совсем ценно...

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Вы сами заявляете, что считаете это не существен-

ным, — так зачем же вы рассказываете? 124

124

ШАРОВ: Так как на следствии касались этого, то я и рассказываю.

...И еще одна встреча — с ТАРТАКОВСКОЙ в ноябре месяце, тоже не имеющая ничего интересного.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Расскажите пожалуйста, до последнего времени Вы входили в московский центр вместе с ГОРШЕНИНЫМ и ГЕРТИКОМ? Да?

ШАРОВ: Да, я исторический член.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: С самого 14-го съезда?

ШАРОВ: С самого 14-го съезда.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Кто же входил в центр? По Вашим показаниям — ЗИНОВЬЕВ, КАМЕНЕВ, ЕВДОКИМОВ, БАКАЕВ, КУКЛИН, ГОРШЕНИН, ГЕРТИК, ШАРОВ, ХАРИТОНОВ...

ШАРОВ: Да.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Часто вы ездили в Москву по делам организации?

ШАРОВ: Должен честно сказать суду, что моя действительная поездка по делам к.-р. организации была последней или накануне 15-го съезда, или в самый момент 15-го съезда. Это было, когда я проводил разговор на квартире ЛЕВИНА. Это, кажется, было в самый момент 15-го съезда.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: В показаниях МЯСНИКОВА это было летом 29 года.

ШАРОВ: Мне думается, что это был момент перед 15-м съездом, до моей поездки в Ульяновск.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Об этом совещании Вы подробно дали показания — не стоит повторять. Вы их подтверждаете?

ШАРОВ: Да.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: А в последний год вы ездили?

ШАРОВ: А в последний год я ездил потому что у меня там семья.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Когда ездили в Ленинград, встречались с Вашими соратниками?

ШАРОВ: Я должен сказать, что я в Ленинграде, при всех приездах, никогда не встречался с ленинградскими товарищами. Поездки носили такой характер: поедешь в предвыходной день и в тот же выходной день выезжаешь обратно. Эти поездки исключительно носили характер встречи с моими ребятами.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: На очной ставке с ЕВДОКИМОВЫМ, на вопрос — "Назовите известных Вам участников ленинградской зиновьевской организации" — Вы ответили — "В Ленинграде в зиновьевскую организацию входили ЛЕВИН Владимир, ? РУМЯНЦЕВ, МАНДЕЛЬШТАМ, КОТОЛЬНОВ, АЛЕКСАНДРОВ, КОСТРИЦКИЙ, КОРШУНОВ, РЭМ.

ШАРОВ: Да, я их называл, но я их не встречал. Я считал, что центр в Ленинграде существует, как и в Москве, но я их никого не встречал, за исключением ЛЕВИНА; с ним у меня была случайная встреча в 33 году.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Вы же показали, что "В Ленинграде я знал о существовании зиновьевской организации, руководимой "ленинградским центром", в который входили: ЛЕВИН, Владимир, РУМЯНЦЕВ и МАНДЕЛЬШТАМ. Это Ваши показания от 8-го января.

ШАРОВ: Да позвольте мне пару слов: ленинградцы от 14-го до 15-го с"езда все время считали себя связанными в Москве, в центре только с ЗИНОВЬЕВЫМ, в крайнем случае, — с ЕВДОКИМОВЫМ. После 15-го с"езда они, кажется, даже с ЕВДОКИМОВЫМ не говорили. Они считали своей революционной заслугой только говорить с вождями.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: А с Вами гнушались разговаривать?

ШАРОВ:

Они леваки все, и со мной они не пытались вести встречу. Ведь я их с 15-го съезда (за исключением одной встречи с ЛЕВИНЫМ) не встречал. Поэтому, когда САФАРОВ говорит, что я ездил в Ленинград, так я его просил, чтобы он назвал хоть один случай, что я приезжал и говорил с кемнибудь из той партии, с которой разошелся на 15-м съезде. Он этого не может назвать, потому что этого не было.

Я могу сформулировать общее положение в нашей организации и всех связей следующим образом: штабом нашей организации была прежде всего квартира ЗИНОВЬЕВА и КАМЕНЕВА; позднее, по моему — БЕДОКИМОВА. И именно здесь, в особенности на квартире ЗИНОВЬЕВА оформились все эти связи с приезжающими со всех краев, где находились наши единомышленники и с первоисточника, была связь с Ленинградом.

Поэтому я, как это ни странно, работая три десятка лет в Ленинграде, никакой связи с Ленинградом не имел.

Во время 14-го съезда я был активным участником, был в Москве и работал для Ленинграда, а потом, никакой связи, никакой организационной работы я не вел.

Но связи организации привели к тому, что воспитали такие участники организации, которые стали на путь террора, как НИКОЛАЕВ убийца КИРОВА. И если мы воспитали таких людей и направили их на путь террора, — вся зинovieвская организация — несет за это ответственность.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Кто особенно в вашей организации разжигал злобу

и ненависть.

124

127

Ш А Р О В:

Таким основным руководителем и вдохновителем все
таки являлся ЗИНОВЬЕВ.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: (Объявляю перерыв на 15 минут)

Д О П Р О СЗИНОВЬЕВА Григория Евсеевича

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ — Подсудимый ЗИНОВЬЕВ, что Вы можете сказать по поводу пред"явленного Вам обвинения ?

ЗИНОВЬЕВ — Я вполне сознаю и признаю, что являюсь главным виновником этого дела.

Я сознаю и признаю многие черты в этом деле, связанные преимущественно с моими личными политическими ошибками, недостатками и преступлениями, с моими, лично, довольно большими громадными личными недостатками. Есть, конечно, и общие вопросы.

На скамье подсудимых сидит нас много, больше пятнадцати человек, с различными биографиями, среди них много таких, которые в рабочем движении участвуют не малое количество лет, многие они делали по доверию ко мне и, за это, конечно, должен себя казнить — многое и есть независимо от этого, и, стало быть, тут есть не только относящееся лично ко мне или другим из руководителей данной организации, сначала фракционной, потом, переросшей в к.-р., но, есть и нечто более общее.

Свою задачу в этой стадии я вижу в том, что до конца и, чистосердечно и искренне перед судом рабочего класса рассказавшись в том, что я понял как ошибку преступления и рассказать это так, чтобы оно не только кончилось раз на-всегда с данной группой и в связи с этим делом принесло бы некоторую пользу, как например, на личной поучительности для других.

Есть еще в стране фракции, переросшие или переростающие, и ждет их такая же судьба. Есть за границей, в братских компартиях, в других странах другие обстановки, зародыши, таких же явлений, которые могут быть примером того, что происходит, к чему подводится итог. Я тоже хочу окончательно все под"итожить.

Самый ход следствия и дознания по этому делу тоже носит в себе черты, все черты той работы, которая была за много лет.

Не хватило духу и сил, не хватило решимости с самого начала поставить вопрос ясно, откровенно до конца.

Сколько раз в нашей среде говорилось в самых резких формах о том, что "до чего дошли", что органы внутренней власти, органы ОГПУ должны вмешиваться в это дело. И, что, разве это дело не оказалось острием этого, поставленного перед нами вопроса.

И вот, в данном случае, только при помощи органов государственной власти вытаскиваются окончательно эти глубоко засевшие занозы.

Конечно, не так обстоит дело, что все мы только просто злодеи, конечно, не так. В этом смысле я хотел сказать в ответ на показания ЕВДОКИМОВА в отношении разницы между суб"ективными и об"ективными вещами.

Верно то, что партия судит нас по об"ективным чертам.

Чем и мучительно наше дело, несмотря на то, что громадное большинство из сидящих на скамье подсудимых я не знаю. Суб"ективно они были преданы рабочему классу, а об"ективно не хотели к.-р. вредительства Советской власти, а получалось обратное. Вот в каком смысле я говорил в своем заявлении об суб"ективном моменте. Конечно, нельзя себе представить так, что либо сплошь был честным, либо абсолютно безчестным и, что все мы думали как бы только обмануть. Это не так. Были колебания, были сомнения, многие изживались, многие наматывались вновь в худшем виде. Я говорю про себя, и думаю, что это относится и к другим. В результате этого получилась та картина, которая перед нами разворачивается. Если отвлечься от моих собственных бедствий, недовольств, преступлений, оказавшись на суде, можно сказать, что во всех группах, которые об"единялись — что то было в них общее. Это общее — фракционность на неверной политической платформе, которая потом переросла в контрреволюционность и не могла не перерости. Вот в чем дело.

На 17 с"езде партии, мне случилось заявить такую фразу. Я помню, мне в одном разговоре, вождь тов. СТАЛИН сказал: "что ошибка Вам как и всякому другому прощительна, но нельзя простить и не прощают лицемерия, двоящиеся с партией". С"езд отмечал правильно. Я сказал тогда в ответ, конечно это правильно, но откуда вытекало лицемерие, не только из личности, а из фракционности, лицемерия. В общей форме

это было верно, но только в общей форме. Я тянул из себя щипцами, клешами это двоедушие и лицемерие, правильно характеризуемое, правда, очень жестким словом — двурушничество. Тянул я из себя, конечно, под арестом, при свете события убийства тов. КИРОВА и не вытянул до конца. Только вот государственная власть, и правильно, вмешивается в это дело и вытянет это двоедушие до конца. Я не буду приводить элементарных вещей о том, что фракционность в партии при диктатуре пролетариата недопустима, что она неизбежно приводит к контр-революционности.

Теперь надо сказать гораздо более конкретно. Если тебе случилось попасть сначала только в оппозицию рабочего класса, если ты не понял, не принял этой идеи, ты должен или подчиниться или удалиться, причем подчинение должно включить в себе прежде всего выдачу организационных связей ^{органам} государственной власти. То что касалось и меня, и моих товарищей, самое несносное, самое непримиримое, оно раз"ясняется и как самое элементарное и самое необходимое. Дело не в том, чтобы говорить о законах, а в том, чтобы понять до конца. Не только декларация и заявление, а это есть элементарное требование твою организационную связь выдать партии, причем слово "выдай" не пахнет в плохом смысле, к которому привыкли в дореволюционные времена. Это есть — кончаешь с фракционностью и партия сама сумеет рассортировать людей, которых ты выдал и

сделать то, что нужно в интересах рабочего класса.

Если ты не мог подчиниться, если тебе кажется, что этого нельзя сделать, тогда уходи в сторону, уходи в какуюнибудь работу, чисто деловую и не пытайся готовить какиенибудь двоедушные. Этот яд, который погубит и тебя и твоих друзей и принесет не мало вреда тому делу, которому ты хочешь или хотел служить.

Ни следствие, ни суд, не требовали от меня ответа более дальнего чем со времени 15 с"езда. В начале я должен сказать, когда я увидел сегодня площадь Урицкого, после долгих лет, невольно вспомнил 7-ое ноября 1927 года и подумал — вот если бы тогда нас арестовали, было бы больше пользы для республики, для партии и немножко для нас. Вот если бы тогда был поставлен вопрос ребром, я говорю не в том смысле, что я теперь виноват и перекладываю вину на других, но теперь выясняется, что чем жестче ставили бы вопрос, тем было бы правильнее.

Я не был на 15 с"езде партии, т.к. был исключен, но когда говорили, что раздавались голоса, чуть-ли не так, что нужно арестовать оппозицию, конечно, я лез на стену и в тот момент не было таких ругательств, которые я не употреблял бы по этому поводу и, конечно, против СТАЛИНА. Разве не ясно, что это было правильно, это было правильно потому, что никакой другой вины объективно не остается.

Можно на нашем примере конкретизировать те общие законы в отношении преступности фракционной

борьбы с большевистской партией в эпоху диктатуры пролетариата, на неправильной политической платформе, перерастающей в контр-революцию. Теперь можно конкретизировать новые формы. Они не новые; они новые для меня, может быть, так ясно оформляются для меня впервые, но совершенно конкретно надо сказать, что есть только такой выход: есть выход — переход в прямое подполье, образование новой партии, как это сделал, скажем, Троцкий. Этот путь мы не приняли — я не стану теперь подробно объяснять почему. И есть другой путь — если ты чувствуешь что не можешь подчиниться — уходи, найди себе какой нибудь клочек работы для рабочего класса вне партии, под контролем, конечно, ее.

Но был третий путь, который оказался самым плохим самым ужасным; ну, раз партия требует, я заявляю, что подчиняюсь, но в уме я оставляю себе известные оговорки и потом буду в каждом повороте событий, выискивать, искать себе оправдания.

Вот этот третий путь, который мы выбрали, самый ужасный путь, который честных людей (я говорю не о себе: были честные люди в этом движении, несомненно) привел на тот путь, который нельзя не назвать контр-революционным и, который в конце концов привел к тому суду, на котором мы сидим.

Этот путь лучше всего характеризуется словом двурушничество. Опять же, очень трудно было принимать это слово, пережив, наклеить к самому себе...

Но правильно... от него никуда не денешься, ничего

другого не придумаешь.

И не потому, что люди персонально какие нибудь злодеи, а потому, что этот путь к этому неизбежно ведет. И отсюда — все.

В пролетарской партии, конечно, возможно тоже расхождение и возможна обостренная борьба, возможно открытое требование смен руководства, но путь на который мы стали, двурушнический путь, который потом привел к тому, что скрывается от партии и от части от самого себя... двурушничество с самим собой, потому, что эту ночь убеждаешься, думаешь так, а на завтра — новые события — в Иваново-Вознесенске, или колхозные, продовольственные и все это поднимает новое, все это в собственной голове выколачивается вверх дном, ты опять себе начинаешь вытаскивать эти доводы и получается двурушничество с самим собой. И тянешь, тянешь эту занозу, не можешь вытянуть.

Для меня лично еще играл, и громадную роль (не могу этого скрывать и не должен скрывать) тот момент, что я привык чувствовать себя руководителем. 20 лет я был членом центрального комитета; считал само собой разумеющимся, что я должен все знать, что если я удален от руководства, то это или несправедливость или недоразумение, или на несколько месяцев. И мне страшно трудно было сойти с этого положения.

Я понимаю, что это не есть оправдание. Я понимаю, что это не есть облегчение. Но меня облегчает, что я высказываю все то, что действительно думаю.

и так, как это действительно было. Я вынимаю из себя последнюю занозу тех преступлений того позорного контр-революционного пути, который здесь разворачивается.

Это имело громадную роль, ибо я не сумел понять, что раз ты выступил впервые после смерти Ленина с претензией указать какую-то другую дорогу; раз доказано было что дорога неправильна, мягко выражаясь; раз ты ~~создал~~ ^{связался} потом с Троцким, с которым воевал столько лет; раз ты создал после смерти Ленина платформу против линии партии; раз события доказали это, - ты должен найти в себе мужество отойти на задний план, начать с начала, стать рядовым работником, не претендовать и т.д. Но я не мыслил иначе: как же это я без кружка своих, без того, что бы знать все, без того чтобы быть в гуще политики и т.д. Связей оставалось масса - и по линии Коминтерна и по линии других работ, больше всего - в Ленинграде.

И вот, для меня лично это сыграло роль, особенно большую роковую роль в той дороге, которая привела сюда. И именно из этого вытекает, что не специально злые развращенные люди занимались зубоскальством, сплетнями, подхватыванием всяких слухов... это был совершенно неизбежный химический результат того, что оказавшись банкротом политическим, мы пошли по дороге двурушничества, по дороге утаивания, и я лично в частности не сумел отказаться от претензии на руководящую роль.

Партия поступила с нами еще очень бережно. Растянулось это на очень большое количество лет, и чем больше выходил тот неверный, но все-таки принципиальный характер, который был в начале, тем больше перевес получали эти элементы сплетен, элементы личной борьбы, элементы болезненного

отношения к тому что происходит в ЦК, пускание слухов и т.п.

Вот общий характер. Если я не ошибаюсь, я буду еще иметь возможность в последнем слове, если не договорил кое-что в этой части дополнить.

Теперь я должен говорить о самой фактической стороне.

~~Все что я сказал вытекает из всего поведения здесь в ЦК, вытекает потому что когда с центральными органами партии приходилось говорить в отношении центр революционных группировок и по вопросу о московском центре.~~

Был ли это центр. - Конечно, он был. Он был до 1929 г. как всякая организация со всеми полагающимися ей атрибутами.

Я ее не выбирал, но на плечах 14-го партийного съезда эта группа осталась, ожидая всякого появления новых событий, в ожидании появления на сцене правых.

Если посмотреть обстановку, - всякий видит, как например, в вопросе с правыми.

Я и другие считают, что мы против правых. Претендовали, что мы и раньше, когда правые действительно выдвинулись из яйца, когда они выступали открыто, когда СТАЛИН выступал с действительным ураганным огнем, а вышло так, что именно в этот момент свидания - БУХАРИНА, мой, КАМЕНЕВА, как мы ставим себе, создали такую философию, мы должны информировать, должны все знать на деле, сочувствуем другой линии. Сочувствовали действительно. Все это нужно было переплести двурушничеством, иметь двойную бухгалтерию с партией, и, это привело к тому, что действительно стал вопрос о разгроме, когда проводился вопрос о разгроме кулачества и когда партия на них обрушилась, я лично с ТОМСКИМ, и помню, отчасти с ФЕДОРОВЫМ, говорили черт знает что против руководства, против генеральной линии партии.

Реальный разгром, когда партия подготовилась, стала мощной.

Центральный Комитет, во главе с СТАЛИНЫМ так бил по всей линии. В этом был органический порок всего нашего существования.

До 1929 г. у нас, конечно, существует центр по всем правилам искусства, договаривается с другими центрами и так далее.

В 1929 г., конечно, можно многое говорить о чести как страхе, чужой гангрене.

Партия ставила вопрос все более и более решительным. Конечно, тут руководили соображения, что накроют и искали новых форм, оставаясь в общих пределах того же двурушничества.

Но не только это, — жизнь все-таки молотом разбила самые остатки остатков этой политической идеологии, идеологии, которая была.

Нет того затишья, между 1932-33 г.г., между тем, теми же причинами противовеса боязни, затем, конечно, и громадными событиями, происходящими, разбивающими по частям все более и более окончательно разбивающими вдребезги старую идеологию.

В 1933 г. происходит, так называемое, оживление нашего центра, в том числе, и всех других антипартийных бюро.

Я, более или менее подробно описал этот год, по части собственной инициативы, отчасти под давлением очных ставок следствия.

Думаю, что теперь в сумме этих показаний, я, 1932 г. действительно осветил как это действительно имело место. Я не буду подробно говорить теперь об этом.

Было, — когда крупнейшая операция, задуманная партией, т.е. ликвидация кулачества как класса подходила к концу, и когда счастливое окончание дела требовало еще некоторого времени, когда болезнь все таки ощущалась в целом ряде мест и, когда сопротивление враждебных элементов явилось все более и более накаленным, начинались эти трудности, — тут начало оживляться все то дурное, что не понимало исторической важности, все по сути вещей не большевистские, и все по сути дела двурешническое, в частности, меня.

Гигантская операция, которая проводилась и которая уже счастливо подходила к концу, все то чему я не верил, стала пролетарским, вызвало прилив успешности, прилив надежды, прилив злобы против руководства.

Как раз здесь все группировки начинают искать себе вождей, меня или КАМЕНЕВА кандидатура тут выдвигается, так сказать со всех сторон, это бесспорно.

Это — для меня, конечно, в историческом освещении только бесчестность. Это так было.

Правые элементы, скажем, та же кулацкая рютинская платформа, она гремит и гремит, она критикует КАМЕНЕВА и меня не за то, что критиковать необходимо, за то, что люди недостаточно крепки.

Скажем, что эти люди выдохлись. Аппарат партии не выдвигает настоящих борцов. Они делают ставку тем, на молодых на готовых дать амнистию КАМЕНЕВУ и мне.

ТОМСКИЙ, БУХАРИН, РЯЖОВ — как они находятся, с ними вообще и платформа заключается в так называемом — Ленинском Политбюро, который Вам достаточно известен.

ЗИНОВЬЕВ /продолжает/. ДОМИНАДЗЕ, ШАЦКИЙ, эти группы отходящие от позиции ЦК, по существу ищут нас. ШЛЯПНИКОВ, который имеет свою претензию, что он был прав против ЛЕНИНА, который тоже к нам относится наполовину и ищет нас. САФАРОВ тоже самое. Одним словом, все или почти все. Меня на следствии спрашивали про ЭЙСМОНТА и ТОЛМАЧЕВА, но я их не знал. В общем все антипартийные группы в это время пытаются поднять на щит меня, КАМЕНЕВА и ту группу, которая здесь находится. Случайно это, конечно не случайно. Многие из них не доверяли нам за то, что недостаточно решительно шли против большевистского ЦК. Мы не создавали с ними практической организации, почему. По ряду причин. Конечно одной из важнейших причин является то, что поймали СТОНА, выслали меня и КАМЕНЕВА. Главным образом причина политическая, что ЦК бил и против правых и против левых, так сказать уклонов тогдашнего времени, говоря, что непременно сомкнутся где нибудь они и само событие быстро перешло к очевидным делам. Еще причина была та, что не вышло прямой действительности, — это заключалось в нашей трусости, что мы все-таки были на позиции двурушников. Мы выглядывали, высматривали, но отсутствовали готовые действия. В это время и мои настроения были самые антипартийные, что в это время и мои замечания, словечки, и т.д. против партийного руководства, в частности против тов. СТАЛИНА были самые отравленные. Это вытекает из обстановки и я не могу отрицать. Это действительно было и 1932 год в этом смысле является для меня одним из самых бесславных. Дальше идет высылка. Было бы неверно представить себе так, что я смотрел на это как на один из эпизодов, что приеду снова и начну работать. Как смотрел на высылку человек до

революции 1917 года. Вот сошлют, я думал так, вернувшись и начну старое. Это было мучительно и меня заставляло сильно призадуматься, что дело идет действительно об очень серьезных делах, что еще один шаг и тогда связь будет порвана навсегда. События происходившие имели громадное значение. Весной в 1933 году был известный перелом. Для меня гигантскую роль имел в ссылке доклад тов. СТАЛИНА об итогах I-й пятилетки. Я не хочу сказать, что он произвел на меня вразумительное действие, что я переродился, что яко-бы мне не хватало доклада СТАЛИНА, что с меня как рукой сняло, но я должен сказать, что на меня этот доклад произвел громадное впечатление. Меня заставило пересмотреть, передумать очень многое в обстановке, которая сильно располагала к этому. Вторым решающим событием для меня было событие в Германии. Я не раз бросал фразу, что коминтерн виноват в том, что прозевал, что я бы лучше сделал. Это все верно, такие заявления я делал. Но кроме того было и то, что ГИТЛЕР пришел к власти и это создает новое положение и для мирового рабочего класса. Создает новые гигантские опасности и, конечно, кроме двурушничества, кроме дрянных сплетен, кроме постоянных мыслей, что я был руководителем и должен быть теперь. Были и другие мысли за 10 лет, но тут надвинулась опасность, которая заставила меня пересмотреть свои мысли в другую сторону. Эти два факта, конец первой пятилетки и весна 1933 года, плюс события в Германии на меня произвели, по моему, политическое оздоровляющее действие, не то что я выздоровел, но известное оздоровляющее влияние произвело. Кроме этого другой дороги не было.

Я написал письмо, которое открыло мне дорогу в партию.

Я его писал так и оно вышло как популярная брошюра, которую каждый рабочий понял, конечно, в нем было много двойственности и двурушничества. Есть часть в которую я писал из за нужды, я подчинился, но веру в это не подчинил. Много было верно и многое такое, что заставило меня передумать и создало для меня ощущение, что я вытаскил наполовину эту занозу. Я вернулся в Москву с тем намерением, действительно прекратить всякую фракционную, двурушническую работу, всякую кружковщину, всякие нападки и т.д., но этого хватило не - надолго.

КАМЕНЕВ вернулся с таким же настроением, под влиянием тех же фактов, что мы друг с другом говорили, что мы не разделяем такого шага, это было совершенно искренне. Тут начинается и область суб"ективная, психологическая. Я говорю перед военной сессией Верховного Суда и я вызван сказать в пояснение, но не в оправдание, что психология людей, которых вы хотите понять, психология в этом и заключалась, что теперь конец. А как же быть с линией своей связи. Вот то, что я теперь договариваю, совершенно перемучавшись и поняв, что это неизбежно, что если ты хочешь кончать фракционную работу в пролетарской стране, то нужно понять, что выступишь ты товарищем, представителем рабочего класса.

Теперь я, так сказать не по доброй воле, но под влиянием всех ударов, понял все. Понять было труднее всего, самое трудное, самое мучительное. Надо было сделать две вещи, надо было сделать заявление, которое бы доказало всем — и ЛОМИНАДЗЕ и САФАРОВЫМ, всем анти-партийным элементам в стране, всем анти-партийным элементам за границей, что это уже человек не ваш. Надо были такие заявления сделать.

Я их сделал недостаточно искренно, но сделал. И потому что это было недостаточно искренно, это сразу все и почувствовали. Главная беда в том, что 2-й шаг, который я должен был сделать — свою линию связей сдать органам рабочего класса, — на это меня не хватило. Я не буду разматывать нить психологии — почему это и проч. Вам не трудно догадаться и цена этому — ломанный грош. Но это было.

Я ходил вокруг да около и считал себя счастливым, что я видел и таких-то и таких-то, а они этого не требуют. Я к самому ЯГОДЕ шел. Я пошел с разговором интеллигентного типа с какой-то достоевщиной, что вот вы же знаете, что я такой, сякой, что ко мне будут ходить, — что вы мне посоветуете делать?... Одним словом ходил вокруг да около.

Он человек дела, кроме того у него есть еще дела и он сказал вежливо, что "да, если будут...".

Я воображал, что сообщая об этом я что-то облегчаю. Я не пошел и не сказал, что у нас в Москве по существу есть такая группа, которая собирается, и общается с тобой... и т.д. и т.д. Вместо того, чтобы это сказать, или написать, вместо этого у меня получился такой разговор, ничего не обеспечивший.

140 143

Я помню (мне кажется, что это было так), что между мною и КАМЕНЕВЫМ было решено, что и он обратится по тому же поводу к т. АГРАНОВУ. Это был максимум, вершина партийности, на которую мы поднялись: прийти и сказать людям, что вот как бы вынуть шкуру, не замочивши шкурн.

И вот, если хотите иметь независимо от всего поучительную историю... Ведь тут надо сказать другим людям, которые еще воображают, что они политики, а не обвиняемые, заключенные, что если вы хотите спасти себя, остаться в лагере рабочего класса, а если вы хотите, чтобы партия не должна была вас раздавить, — сделайте этот элементарный шаг. Не говорите, что ГПУ не должно вмешиваться в партийные дела: оно такой же партийный орган.

Сделайте этот элементарный шаг, — он в тысячу раз важнее других.

...Я помню очень хорошо фразу — после Гитлера — "дай бог в одной стране построить социализм". Мне казалось, что настолько громадная перемена в балансе народных сил, иначе невозможно выразить. И КАМЕНЕВ мне сделал выговор в дружеской форме за эту фразу. И когда он смотрел на меня такими глазами, что "ты это в серьез думаешь?", то ответа у меня настоящего не было. Настоящий ответ был бы тот: "т. ЕВДОКИМОВ, давай пойдем вместе к ЯГОДЕ, скажем ему всю правду". Но это благое намерение стало быстро испаряться в московской обстановке. Опять жажда все знать: как же я не буду знать все то, что делается в Коминтерне, как же мне не знать все то, что делается в вопросах мировой политики и проч.

Я не понимал, что обанкротился с 28г., что я должен замаливать свои грехи...

И вот, постепенно это началось, только в другой форме, но в общем то же самое. С пластинкой субъективной, где больше личных моментов...

Тут конечно, играло роль моя личная психология. Мне самому казалось, что я говорю совершенно искренно, когда я говорил на ХУП партс"езде. "У нас теперь принято (я так считал) слишком хвалить Сталина. Ну, и я тоже буду", дескать в смысле стиля приспособляться, не понимая того, что это не стиль, не понимая того, что это необходимо, необходимо как хлеб насущный, что это не какой то культ, что теперь как раз такое положение, когда необходимо об"яснять массам в чем его величие. Но я считал, что это есть уступка времени. Но по сути, я считал то, что я говорю, соответствует требованиям партии в основном, я искренне это делаю то, что нужно делать, это полезно для партии. Конечно, не было того, что я кончил речь и на утро говорю, что нет.

Это теперь не та партия, а большевистская партия диктатуры пролетариата. Потому что действительно за этим окончательным и бесповоротным пониманием внутреннего признания величия СТАЛИНА, какое есть теперь у всего народа и у всей страны, если затем опять ругать, то как это получится? Вот психология моя, какой она есть.

Тогда вы спрашивали вначале о центре, я сначала думал, какой центр, какое я в нем мог принимать участие. Спрашивая какой центр, не мог представить, он же мне не подходит не по годам, не по истории, какой же это центр. Если бы мы разбирали это до декабря 1934 г., если бы портрет тов. КИРОВА был не обтянут трауром, можно было бы тогда себе представлять, что это как ни-

будь рассосалось бы и так далее. Ясно, что такой случай надо поставить себе в вину. Ни одна фракция никогда не рассасывается так, у нас же перед глазом истории ни одна фракция, ни одна группировка так или иначе до конца не рассосалась и поэтому известно можно попасть в контр-революционный лагерь.

Вначале я думал, что какой же это центр. Это есть не тот центр, который был в 1925-27 г.г., ибо не та обстановка. Если центр был, платформы не было. Была мысль о том, что надо сохранить связи, кадры и так далее. Одно время говорили: "Вы потеряете кадры", а мы говорим "Нет, вы потеряете кадры". Целесообразность как сохранить те или иные контр-революционные группы. Было желание сохранить так называемые кадры. Конечно, подхватывали всякую, так называемую новость, на простом человеческом языке - контр-революционные слухи, сплетни и т.д., пускали это дальше. Как это называется на большевистском языке, на политическом языке? - это называется контр-революцией.

Этот центр был, был до самой последней минуты. Было постановление расходиться в 1929 г. Он редел в смысле людей и многие переживали тот же самый процесс в смысле психологии, а выходило оно на деле иначе и, несомненно, что при новой такой эпохе трудностей, однако все партийные и антипартийные группировки искали бы связи с контр-революционными группами, в частности, со мной, чтобы повторить то, что было в 1932 г. в большом масштабе.

Теперь в отношении состава. До 1929 г. он был яркий: - КАМЕНЕВ, ЕВДОКИМОВ, НАРОВ, ХАРИТОНОВ, ЛАПЕВИЧ, ФЕДОРОВ, затем он несколько редеет. Они ^{не} рассматривают-

143 146

ся как члены центра, как центра организаторской силы, как центр, который рассматривал себя с политической точки зрения, но он по существу дела выполнял функции центра.

Из новых более или менее новых, ближе подошли другие. — ГЕССЕН тоже был нам близок, считался молодой силой, был близок не тем, что он был вождем, но был одним из тех, которые были более приемлемы.

Вот этот состав, основное его ядро. Из них вы знаете всех. Многие перед вами сидят как облувленные. Ими самими будет подтверждаться изложенное и многие войдут в историю. Оно не может быть иначе, как центр, который сыграл бесславную роль. Эта группа, которая выполняла в течение определенного времени контрреволюционный урок.

Вот то, что я хотел сказать. Второй, наиболее важный вопрос, это о Ленинградской организации. Я считаю важным подчеркнуть историю с леваками "молодыми" "безрожденцами". Они имели некоторое значение, хотя широко в партии известны не были. Это очень важно отметить и немножко обрисовать. Группа, главным образом комсомольцев, игравших вообще крупнейшую роль во всем выступлении на 14-м партс"езде, хотя я больше всех носил вину именно своими колебаниями во время 14-го с"езда, но меня больше выталкивали, чем я сам. Накануне открытия 14-го партс"езда, в момент, когда по инициативе покойного тов. ДЗЕРЖИНСКОГО собралось расширенное Политбюро и вызвали меня с КАМЕНЕВЫМ, где сказали, "что завтра открывается с"езд. У нас громадное большинство, вас побьют, мы предлагаем не выступать с содокладом, не

144 147

поднимать борьбы на с"езде, не трести партию, а подчиниться". Нам сказали: "вы откажитесь от содоклада, переимените состав редакции и выдайте САФАРОВА, т.е. отрекитесь политически". Это я рассказываю не для того, чтобы себя защищать, но это ведет к вопросу о безвозвращенцах. САРКИС был одним из крупнейших работников, САФАРОВ был агитатором и редактором, а также главной опорой. Эту оценку давали не только молодежь, но и безвозвращенцы. В чем заключалась психология тогдашней группы? Нам молодежь казалась тогда ценной, там была неповская накипь тогдашней молодежи, которая подхватывала каждое слово против партии и ее руководства. Уже к самому моменту 14-го с"езда мы достигли с ними компромисса, с тем, чтобы отвергнуть компромисс политический и я отверг, и КАМЕНЕВ и все товарищи отвергли предложение накануне 14-го с"езда, сделанное ДЗЕРЖИНСКИМ и встретившее сочувствие всех членов бюро, чтобы удержать компромисс безвозвращенцев. Так было дело, на этом мы удержали так называемое единство, вместо проведения антипартийной борьбы на 14-м с"езде.

С другой стороны мы брали на себя, в частности и я, гигантскую ответственность. Я первый показал людям антипартийную борьбу и этой самой молодежи. Многие из вас помнят эту картину на 14-м с"езде, когда маленькая группа стояла против всей партии. Это и был мой практический урок, вылившийся потом в контрреволюцию. Эта группа, связанная со мной, которую я называл неповской накипью, играла потом очень большую роль. Не стану рассказывать всей истории между 14 и 15 с"ездами, т.к. этот вопрос Вы мне не ставили и вам достаточно известно

но перед самым 15 съездом происходит прямой раскол между так называемыми зиновьевцами в полном смысле слова и этими безвозжденцами, которые открыто поднимают бунт, происходит дискуссия внутри. Происходит с ними настоящий раскол. В общем эта группа ничтожная. Потом этот раскол зажил, мы сошлись, но рубец остался. Вы знаете историю предидущих фракций, что если происходит разрыв, то целиком не заживает и тут не зажил по настоящему. Вожаками этих безвозжденцев, после ссылки Сафарова, был РИМЯНЦЕВ. Крупную роль играл КОТОЛНОВ, насколько я понял из обвинительного акта по убийству тов. КИРОВА. Мы искали с ними сближения и многие из них фыркали на ЕВДОКИМОВА и хотели иметь дело только со мной. Они переносили на нашу группу все наши обвинения в бюрократизме, обвиняя в этом ЕВДОКИМОВА, БАКАЕВА. Мы за ними ухаживали и добились соглашения, что будет дискуссия и т.д. Вот это нужно для истории. Эта группа впоследствии здесь сыграла очень крупную роль.

Все, что я говорил о желании сохранить кадры, чтобы пускать слухи, чтобы добиваться перемены руководства, все это относилось к Ленинграду и даже в первую очередь. В 1932 году, когда происходило общее оживление и попытка договора, который я обрисовал в письменных показаниях более подробно, мы естественно начинали поглядывать, а что там? Я виделся с ЛЕВИНЫМ в 32 г. но организационных разговоров не было. Меня понимали с полголоса, я для него был авторитетом, а он для меня был авторитетом. Я знал, что этот человек из группы "безвозжденцев" будет делать так, как мы укажем и т.д. Был ли он уполномоченным Московского центра? Прямо

назначен не был. Никто такого постановления не выносил, но по сути он был. По сути мы все смотрели на него как на самого верного человека. Знал его особенно близко БАКАЕВ и я его отлично знал. Он был одним из крупных организаторов анти-партийной борьбы в Ленинграде; казался зрелым человеком и по сути мы так смотрели на него, что он может держать связи и проч.

Я ему не давал никаких поручений. Я не давал ему поручений составить центр, познакомиться и т.д., но это происходило из того, что я говорил. Я говорил ему о той оценке, которая у меня была, о том положении в деревне, которую я разделял со всеми контр-революционно настроенными людьми. Повторял ему совершенно неверные цифры о том сколько на Украине умерло голодных и т.д. Это я ему говорил безусловно. Я не помню теперь — когда он у меня был. Я не могу сказать этого потому что не хочется сказать чегонибудь такого, чего не помню совершенно ясно. Я не помню был ли он у меня до платформы Рютинской, или после. Вспоминаю, что это было как будто до, потому что я его видел летом, а платформу я получил после дачного раз'езда, когда уже были дожди.

Я это потому говорю, что если бы я его видел после этой платформы, то несомненно рассказал бы потому что это не считал большим секретом.

Вообще весь тон своих политических настроений, тон паники, тон неверия в громадную операцию, затеянную партией, все то озлобление, желание пошутиться со всеми анти-партийными группировками, — это я ему передавал. Может быть осторожно, в дипломатической форме, но я ему передавал. И конечно, я понимал, что он комунибудь из тех, которым доверял, все это рассказывает. В этом

Известно также, что до своего отъезда в ссылку через ЛЕВИНА от меня в Ленинград пошла эта сумма настроений. Но я был уверен, что нет у них никакого центра. Правда, это я считал и в отношении нас самих. Конечно, я знал, что там сгруппировалось порядочно народу, что возвращались многие из разъездов на несколько лет, возвращались в Ленинград и знал, что ЛЕВИН многих людей знает.

В 1933 и 34 г. я ни одного человека из Ленинграда действительно не видел, я сейчас не могу вспомнить такого случая... И в силу того клубка настроения, который я излагал, в силу двойного настроения, что я должен во что бы то ни стало вырвать занозу и проч... ну, я знал в 33-34 г., я, конечно, хорошо знал, что эти элементы есть, что их никто не распуска^{тия}~~ет~~, т.е. не формально, но что даже ни разу они от меня не слышали, что надо кончать, что мы были не правы, что был прав Центральный Комитет и Сталин и т.д.

Конечно, вдумавшись, я должен был это понять, но я отнесся к этой вещи легкомысленно, мало думал, и все это дошло только до попытки спросить совета у ЯГОДИ.

Конечно, я не мог не понимать, что эти элементы есть, но я был убежден, что никакой организации там нет и югда я пишу, что о какой то формальной организации, о наличии центра в Ленинграде я не знал, — я говорил правду. Мне нет смысла путать игру. Я знаю, что могу только запутать свое дело. Я понимаю, что нахожусь в довольно невыгодном положении, что каждый понимает, да, факт, что было. Факт что было! но я этого

факта не знал, о наличии оформленной организации и о ее составе.

Выходит противоречиво, выходит — мозаика, как сказал тов. АГРАНОВ после одного из допросов. Верно — мозаика, но жизненная мозаика. Она меня нисколько не облегчает, она может только ухудшить мое положение в том смысле, что "ты все таки и в последнюю минуту не хочешь сказать правды. Но я говорю все, что есть".

Я не мог не понимать, при маленькой доле борьбы против легкомыслия должен был понять, что я упустил, что там есть активные люди и т.д. и т.д. Я говорил с ЛЕВИНЫМ в 1932 г., но не знал, что там есть центр и о его составе. Ни о какой организации не было речи.

В отношении "безвозвращенцев". Если я и думал о них, то считал, что именно они и втянулись в партийную работу больше всего. Их принимали в партию охотней: они были молодыми, более энергичными, рядовыми, из рабочих и т.д. Так что если я о них думал, то так, что вероятно они именно вернулись.

Что же касается 1933-34 года, то я не был нигде, ничего не знал. Знал о поезде ЕВДОКИМОВА, о том, что он был на одном из заводов; пришел он и рассказал, но ни о каких сведениях больше о том, как он был в Смольном, как его встречали, как покойный КИРОВ спросил — можно ли верить ЗИНОВЬЕВУ ^{и т. т.} ~~и т. д.~~ и т.д. В 1933-34 г. я оттуда ничего не слышал и ко мне никто не являлся.

Вот как было дело.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Тем не менее ваши ленинградские единомышленники считали, что вы являлись их руководителем?

ЗИНОВЬЕВ: Я считаю, дело суда разобрать, что я говорю правду

или неправду, что соответствует действительности, что не соответствует. Я не могу взять всю ответственность за Ленинград. Конечно, я не мог не знать, что их нет как отдельных лиц, что там и как называется я не знаю. Но в то время как мое общее настроение, за 1933-34 г. было наиболее пассивным в этом смысле у них было прямо обратное. В этом случае получились ножицы, получились противоречия, о которых я говорил, но получилось то противоречие, которое действительно было в жизни. Многие получились потому, что почва была двурушническая. Если бы была полная честность в партии тогда не могло быть неясности.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Расскажите о "ленинградском центре".

ЗИНОВЬЕВ: Перехожу к самой главной и основной теме. О событии которое имеет не только для нашей страны мировое значение, политическое и моральное значение. Я понимаю и душевное настроение всякого человека, всякого товарища, который со всеми традициями, настроениями подавлен, что товарищ КИРОВ убит, это есть сознание, которое составляет трагический факт. Мы двурушники, это верно. Скажу несколько слов о другом. Верно то, что вначале была сильная борьба. Скажу в отношении тов. КИРОВА лично по отношению к себе. Было много злобы против него? конечно было. Затем была история, пущенная на счет биографии. Пущена не мной. Тогда ЗАЛУЦКИЙ по этой линии пошел, я побежал к ОРДЖОНИКИДЗЕ и вымаливал амнистии и т. д. Не я пустил эти слухи. Был хотя равный КИРОВУ, конечно нет, вот это есть первая стадия. Потом разговор, в первые годы такой: — КАМЕНЕВ работает, ездит в Москву, был разговор, был. Все таки КАМЕНЕВ завоевал в последние годы такое признание поло-

жение, то и люди, которые продолжали сочувствовать нашей к.-р. платформе, говорили, что нет, он человек настоящий, и злоба в последние годы к нему в нашей среде не была, в этой группе, которую мы должны назвать "московским центром".

Дело заключалось в том, что человек завоевал себе положение, понимали, что он не худший из наших противников. Кто не слышал речь на 16-м съезде. КИРОВ тогда сказал: "ЗИНОВЬЕВ кажется начинает понимать как надо разговаривать в партии".

Все что мы слышали о Ленинграде конечно относится к этой группе лиц. Но я имею полное и моральное право сказать, что в Московском центре за последние пять лет никакой специальной группы против КИРОВА не было и быть не могло, скорее было в этом отношении такое, что это человек справедливый, объективный.

О том, что Сергей Миронович КИРОВ убит этой шайкой я узнал 16-го, при чем когда узнал, меня очень беспокоило на какой почве и т.д. Догадки были такие, что это бывшие контр-революционеры и так далее.

Когда меня арестовал МОЛЧАНОВ и спросил, что знаю ли я что было вчера, я ответил, что конечно нет, я на активе не был, не знаю и версии этой не знал. Мне сказали: "Вы теперь принимаете моральную ответственность на себя за это убийство", но я ответил с полным возмущением "Как я могу это принять, я могу это осуждать, принять с проклятием, ненавистью и т.д.". Я должен сравнивать только по прочтении обвинительного акта, чтобы понять.

Только прочтя обвинительный акт я узнал, что это 6 человек, а имена их: ЛЕВИН, КОТОЛНОВ, РУМЯНЦЕВ, МАНДЕЛЬ

151 154

ШТАМ, МЯСНИКОВ и ТОЛМАЗОВ, которого (ТОЛМАЗОВА) я считал особенным тихоней и имеет хорошие качества, как мне это казалось.

Вот этих шестерых я знал лично.

Последнее, что я должен подтвердить, — это шесть человек, которых я знаю лично.

Эти шесть человек, это те, которым мы первые показали дорогу к антипартийной борьбе, начиная с 14-го съезда и продолжая до 7 ноября и т.д. Третье, что я узнал, на что эти люди ссылались, что они это делали во имя платформы и даже некоторые говорили, что они делали во имя личного сведения счетов. Когда я усвоил, передумал эти факты, то я должен выступить ясно, что морально-политическую ответственность за этот фашистский, позорный и проклятый ужас несет та группа, которая с ними сталкивалась. Это большая часть из группы "безвозвращенцев", но на какую булавку мы натыкали, что они вывели из строя вождя и оказались фашистами. Я их этому не учил. Я всю жизнь был далек от террористического акта. Сколько я ни путался, сколько ни делал преступлений против партии, как я не торчал в трясине контрреволюции, но до этого не дошел. Но нашлись люди, которые этот шаг сделали и в этом смысле я несу ответственность. Мне трудно давалось это признать. Кто попытается вдуматься в эту трагедию, то суть трагедии заключается в убийстве тов. КИРОВА. Мне очень тяжело это далось и я должен повторить перед судом, что я должен эту ответственность взять на себя, а также и каждый из нас.

Обвинительный акт далее формулирует так, что я знал о московском центре и в том числе о террористи-

ческих настроениях. Я говорил, что признаю себя виновным полностью и хотел сделать оговорку, имея ввиду это самое место. Это место, мне кажется, до сих пор, если можно так сказать, несправедливым, будто я знал о террористических настроениях и прощрял террористические настроения. Я знал об антипартийных настроениях. Я вижу теперь, что эти антипартийные слова слишком мелкие, слишком дипломатичны и по сути дела я знал, что распускают слухи против руководства партии, знал о клеветничестве, но я это не толковал как террористические настроения, а если и разжигал, то не в этом смысле, что это может привести к террору. Это не приходило мне в голову. Сейчас прошло, после убийства тов. КИРОВА целый месяц времени и всякий живет воплощением этого события. Мы жили в обстановке, когда не было покушений, за исключением на тов. ЛЕНИНА. Не было такой формы борьбы и даже стали о такой борьбе забывать. Правда был выстрел в Воровского, но от этого отошли вообще. Конечно, при маленькой попытке приложить анализ маркса к происходящему было бы очень хорошо, а какая психология была до этого, когда я разжигал и что я мог себе представить под этим словом. Страна идет вверх, на завтра после отмены хлебных карточек раздался этот выстрел в тов. КИРОВА. Конечно, это очень хорошо об"яснить и давно об"яснили именно тогда, когда враг в основном разбит, когда рабочий класс справляется с железной силой, когда идет с громадным натиском вперед и тут раздаются эти клеветнические слова.

Я говорю перед судом, что я знал об антипартийных настроениях, я вижу куда они вели, факт что они привели,

но мне до этого времени не снилось, что это называется террористическим. Я знал, что это является антипартийным, но не знал, что разжигаю террористические настроения. Этого не было. Я должен сказать, что на деле вышло так. Смешно было бы ставить отвлеченно вопрос, например — а что если бы не было московского центра, если бы мы лет пять тому назад сложили свое оружие, то могла ли создаться какая-нибудь группа в Питере. Это отвлеченный вопрос, но суд интересуется не отвлеченный случай, а действительный случай. В действительности был такой, но эти люди оказались из тех, которых мы впервые повели на антипартийную борьбу. Из тех, с которыми мы не сумели порвать; из тех, которых мы укрывали от партии; из тех, которых мы многих знали и шестерых я сам лично знал, правда давно не видел, но факт тот, что знал и факт, что в этом смысле был с ними связан и в этом смысле я приношу свою голову...

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Вы еще должны сказать о тех, у которых вы разжигали недовольство и злобу к партийному руководству.

ЗИНОВЬЕВ: Да, совершенно правильно, но я не отдавал себе отчета куда это приведет. Я хотел затронуть еще маленький вопрос.

Когда меня арестовали, то я был поражен, тут же написал записку к Сталину (не знаю донесла она или нет) в которой писал, что за последние годы я считаю, что ни делом, ни помыслом не был виноват ни в чем.

Когда я узнал всю обстановку убийства КИРОВА (я ведь писал тогда когда не знал), так меня все время коробило, что это я написал, что это было с моей стороны? Это был с одной стороны порыв, так как я дей-

154 157

ствительно считал себя в то время не виновным. Никого давно не видел, не говорил, на с"езде, в связи с тем, что считал свое выступление искренним, мечтал о том, чтобы так или иначе кончилась полоса отсечения, — в связи со всем этим я считал себя действительно не виновным и написал письмо ^вискреннем порыве.

Об"ективно конечно это было не так. Конечно у меня и за эти годы и в помислах и в словах было много анти-партийного. Я не считал это контрреволюционным, тем более террористическим и т.д. И вот только теперь, под тяжестью самого факта убийства, под тяжестью всего того, что я слышал здесь... например для меня было новостью то, что я слышал о НАТАНСОНЕ, я знал его, что думал, что это троцкист; никогда не знал, что могу в какой бы то ни было степени отвечать за него, или за ЛУКИНА, которого я считал самым настоящим троцкистом. Однако на деле получился клубок взаимоотношений.

Конечно это детали, не меняющие основного.

Вот все что я хотел сказать пролетарскому суду. Если надо чемнибудь дополнить — пожалуйста.

Мое желание заключается в том, чтобы я все до конца рассказал... я полон настоящим раскаянием. Я вижу куда это дело привело. Если я говорю о своих искренних намерениях и преданности и пр. то не для того, чтобы прослезиться, потому что единственное, что мне остается, если суд, если партия даст мне хотя бы маленькую возможность, или вообще какую либо возможность загладить, на коленях загладить перед рабочим классом, перед партией громадную, тяжелую вину, которую я перед ними несу, то я буду за это очень благодарен.

КАМЕНЕВА Льва Борисовича

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Подсудимый КАМЕНЕВ, что вы можете сказать по пред"явленному вам обвинению?

КАМЕНЕВ: Я не хотел бы занимать суд длинными декларациями, для которых теперь не время и не место. Я поэтому начну прежде всего с заявления, что я целиком и полностью до последней формулировки присоединяюсь к тому анализу деятельности контр-революционной группы, к которой я принадлежу, — которая была здесь сделана подсудимым ЕВДОКИМОВЫМ.

Мне кажется особенно важно и особенно удачно отмечен в его речи два момента:

ПЕРВЫЙ — это неправильность и вредность разделения деятельности той организации, за участие и за руководство которой я очутился на скамье подсудимых, — на стадии. Я сам на допросе пытался стать на этот путь. Почему это ясно и говорить незачем. Юридически можно было бы пытаться доказать, что на одной стадии я принимал обширное участие, на другой стадии — менее обширное участие, последние 2 года — очень слабое участие.

Но здесь не юридический процесс, а процесс политический. Я имею последний раз возможность обратиться к суду пролетариату, к партии — через этот суд к пролетарскому, ко всей стране, и не хочу занимать ни суд, ни тех которые будут интересоваться моей судьбой, моими личными впечатлениями, стараться ослабить свою вину.

Мне действительно очень многое из того, что говорил здесь САФАРОВ, из того, что говорил здесь ГОРШЕНИН было неизвестно, но это для меня сейчас не может иметь никакого значения и я вполне понимаю, что ни следствие, ни суд на этом не будут фиксировать своего внимания.

Да, я не знал о том, что был московский центр. Но что же из этого? Ведь он был, — это доказано. Завтра вся страна будет уверена, что этот центр был, а я, видите ли не знал. Это свидетельствует только в том, что я был слеп, только в том, что дожив до 50 и больше лет, пережив 3 революции, 8-й раз сидя в заключении, я умудрился ослепнуть до того, что не видел этого политического центра, которому я сам активно содействовал и действием, и бездействием, и словом, и молчанием.

Я могу сказать: я не знал о связи между Москвой и Ленинградом. Но я должен был знать!

Если я делал какиенибудь политические выводы из политического опыта 3-х революций, то должен был я интересоваться, что делают те люди, которых я на протяжении 8 лет воспитывал, а на 9-й год ушел от них. Не должен ли я был принять меры, чтобы те вредные семена, которые я сеял, чтобы их прирости и затоптать в землю? Я этого не сделал. Поэтому, какое же значение, кроме юридического, недостойного этой обстановки, в которой мы находимся, имело бы мое заявление. Я помню обстановку в стране, все попытки ослабить мое участие в этом деле. Если бы можно было бы комунибудь разделять исторически нашу пройденную организацию и отделять 1930-32-33 г.г., то вот выстрел 1-го декабря слил все эти этапы в одно и окрасил его одним цветом от

начала до конца. И для меня, после того, что я узнал, после своего ареста по этому делу по материалам, с которыми я ознакомился из следствия и услышал сейчас, это единственный путь, который ведет в ту яму, в которой мы сейчас оказались. Также следуя за ТВДОКИМОВЫМ от суб"ективных до об"ективных разговоров, которые поддерживались ЗИНОВЬЕВЫМ. Хотели суб"ективно служить рабочему классу, а служили контр-революции. Мы не должны быть, не заслуживаем быть простыми членами партии, больше этого ничего не свидетельствует. Какие тут можно найти выводы. Нас считали дипломатами, которые служили целый ряд лет проводниками рабочего класса, но дураками нас как будто еще никто не считал на протяжении целого ряда лет, а выходит что мы больше восьми лет или десяти лет служили контр-революции. Это значит заменить одиночку только сумасшедшим домом от слабоумия.

Было бы странно отрицать, что величайшие процессы, которые произошли в нашей стране за десять лет, и что я лично считаю проведение индустриализации возможным, прошли под руководством СТАЛИНА в высшем

сочетании этих двух грандиозных задач, не говоря уже о том, что проведение индустриализации само по себе представляет вещь не слыханную и что партия в деле индустриализации имела идею ЛЕНИНА (Дело было начато при нем о коллективизации), и в каждой стране и особенно такой стране как наша и эта задача ведь не была поставлена, она не была теоретически обдумана, к ней не было еще приступлено. Так вот, в то время, когда осуществлялись эти две задачи, и когда маневр заключался в том, чтобы проводить эти две величайшие задачи в таком соответствии, чтобы не расстрять страну, в то время нельзя было думать что не произойдет консолидации и укрепление всех контр-революционных тенденций, и, все, что говорится о наших кандидатурах и борьба за нас, это свидетельствует только за то, что контр-революция избрала именно нас, как это позорно для нас не было, орудием своей борьбы с пролетарской революцией.

Вот те блоки, которые пытались налаживать и которые сопутствуют всему ходу нашей истории, они конечно, не случайны потому что эти элементы контр-революционных классов и эти реставраторские тенденции, которые хотели бороться с диктатурой пролетариата, но под тем или иным знаменем и что выражалось в том, что к каждой группе мы подходили не с той точки зрения и платформа, как учил нас ЛЕНИН: "Если ты говоришь с политической группой, спроси прежде всего ее программу", но мы ни у кого ее не спрашивали, ни у рютинской, ни у кого не спрашивали.

САФАРОВ, который здесь изобразил этот важнейший исторический процесс, который имеет значение не только

для нас, но и для дальнейшего развития мировой революции, у этого процесса люди должны учиться, чтобы в дальнейшем избежать этого. САФАРОВ представил здесь какой то роман, в котором он играл какую то заводилку, вроде что кто вошел первый, кто второй (в вагон). Я хочу сказать не оправдание свое. Раньше я не помнил, а теперь вспомнил, что когда то мне ЗИНОВЬЕВ сказал, что у него был САФАРОВ и предлагает какой то блок. Я сказал, что я ни на какой блок идти не хочу и не буду принимать участие вместе с САФАРОВЫМ, т.к. я никогда не верил этому человеку. Это ЗИНОВЬЕВ может подтвердить. Я не был против разговоров, я разговаривал с ТОЛМАЗОВЫМ, ДОМИНАНЗЕ и ШАТСКИМ, но разговора такого типа, который предлагал САФАРОВ — я не хотел, независимо от того хотел я говорить или нет, а сути дела сходились — мы или нет. Ликвидировались мы или нет, но нет мы не видели другого пути какой бы намечен в этих к./р. антипартийных группах. Чтобы этот союз получил опору, мы начинали с затруднений, играли на трудностях пролетарской диктатуры. Иначе нельзя себе решительно и представить всего этого хода дела. Нужно прямо сказать — была ставка на затруднения. Собирали факты, которые можно представить себе, с которыми ЦК стал бы договариваться, что было тайной нашей мечтой или же хотели заставить ЦК договориться с нами. Я лично писал о своих настроениях, что всегда старался прийти к такому моменту, когда ЦК сам захочет с нами договориться. Я не могу сказать, что я стоял, как здесь кто-то говорил, и действительно потрясен, что я действительно многого не знал. Здесь говорил АНИЩЕВ, которого я впервые вижу и впервые слышу его фамилию. Он сказал, что делалась ставка

товарищами. Когда я виделся, то не подразумевал, какова была политическая идея. Когда я видел, что политической идеи нет, что люди не знают чего хотят, когда наши собрания превратились в отрицание политической программы, то я стал отходить. Я был искренним в этом отходе, но мое преступление заключается в том, что хотел обойти, но не ликвидировал свои личные счета, не ликвидировал политические счета, а это я должен был ликвидировать. Но этого, как говорит ЗИНОВЬЕВ, также как я присоединялся к характеристике ЕВДОКИМОВА, но я не могу присоединиться к тому, что говорит ЗИНОВЬЕВ. И не потому что я считал какие то исторические воспоминания, связанные с личными психологическими об"яснениями. Куций вывод о том, что надо выдавать и надо раскрывать тайну, ведь это было бы хорошо, если за этим последовало бы действительное раскрытие дела, но ведь этого не было. Это было бы оправдано еще вчера или позавчера, но исторически было бы оправдано. Сегодня мы находимся на скамье подсудимых, что вот завтра узнает об этом весь мировой пролетариат, что если кому придется из пролетариата встать на путь оппозиции, тот должен выдавать свои тайны. Это куций вывод и выходить с ним неправильно, неверно и этот вывод должен сопровождаться применением к самому себе.

Я в показаниях своих шел не самым кратким путем. Я не хочу затруднять суд, он поймет, как и почему это делалось. Я не мог просто взять на себя это величайшее преступление, я не знал, что мог быть арестован по этому делу, а узнал об этом только будучи арестован. Сидя до того, как прочел обвинительный акт, и когда

меня товарищи спрашивали на допросе, то я не мог себе представить, но это я говорю не в оправдание себе, а этим объясняется длительный путь моих показаний. Я сказал правду, если чтонибудь забыл, я готов дополнить. Я плохо помню организационные дела, так как никогда не был организатором и не имел интереса к этому делу. Последние годы я этим не интересовался, но здесь один пункт в этих показаниях, о котором я умолчал, считая, что его должен сказать ЗИНОВЬЕВ и я с трепетом слушал речь ЗИНОВЬЕВА. Я ждал, вынудит он меня своим поведением или нет, но он меня все таки вынудил. Я должен это сказать потому что считаю, что та тактика, которую он сам рекомендует, о которой он сам так много говорил, что нужно до конца сказать, что это требуется не сегодня, не завтра, мы с этим уже опаздываем. Поэтому я сижу на этой скамье, что опоздал сделать то, что я сам чувствовал в душе.

Так вот, надо делать сегодня, а не откладывать на завтра, потому что мы не сделали сегодня, а на завтра раздался выстрел НИКОЛАЕВА.

Зачем же вы, ЗИНОВЬЕВ, раз вы действительно все подводите до конца, зачем вы не сказали, чем вы упивались, какой литературой упивались в самые последние дни наших свиданий? Почему вы не сказали, как вы воспринимали и как вы оценивали, какой вывод политический делали из того, что вас вывели из "Большевика"? Ведь это имело значение для характеристики ваших настроений уже в самые последние моменты.

Я не могу припомнить отдельных разговоров 29-30-31-32 г.г., но то, что было в августе, сентябре-октябре-

ноябре 1934 г. — это я помню. Разве не так, что этот вывод из "Большевика" был оценен Вами не как результат своей собственной ошибки, а как новое доказательство старой нашей контрреволюционной установки, о личной диктатуре Сталина, о личном произволе, который позволяет расширивать ему и вообще командовать не только в практической, но и политической области.

Не говорили ли вы тогда мне, что этот пересмотр вопросов об идейном наследии Маркса и Энгельса, производится Сталиным самовольно, неправильно, не по Ленински что он не только по форме противоречит Ленинским установкам в этом вопросе, но что вы могли бы с цитатами из Ленина, Маркса, Энгельса доказать, что Сталин не прав, и если не доказываете, то только потому, что для теоретической работы места нет.

Я не знаю на когда была отложено это признание. Я считаю, что вы должны были сделать это сегодня, чтобы хоть одним делом подтвердить ту общую декларацию, которую вы делали.

Но не привел ли вывод из "Большевика" к тому, что получив доступ к троцкистской литературе, вы рассказывали мне про планы Троцкого таким образом, который никак нельзя признать иначе, как совершенно резко антипартийное, прямо противоположное тому что вы высказывали в речи на ХУП с"езде и в отдельных высказываниях раньше.

И если я говорю это, то только потому, что считаю, должен же быть конец, когда все должно быть честно раскрыто. Или этого конца никогда не будет? Чего еще осталось ждать?

Я ничего ждать не хочу... На ХУП с"езде я употре-

бил фразу, что я не хочу больше тащить на себе ослиную шкуру. Тогда это вызвало в зале движение и не вполне было понято. Винават в этом конечно я, потому что и здесь не сказал до конца.

Но вы это ЗИНОВЬЕВ должны были знать, что когда я говорил ХУП с"езду о том, что хочу сбросить ослиную шкуру, то это были вы - ленинградцы, соглашение с которыми было действительно самым проклятым днем в моей жизни и которое я потом тянул по малодушию и по энергии, потому что не было другой среды, и от которой я последнее время отходил.

ЗИНОВЬЕВ должен сказать, что когда мы шли на ХУП с"езд я говорил, что начну свою речь такими словами: "Я говорю сам за себя; ни за мной, ни со мной, никого нет".

Но за то, что я ^{не} решился... из за этого полного сознания, что ленинградская группа во главе с ЗИНОВЬЕВЫМ стала на контр-революционный путь и продолжает его несмотря на всю демонстрацию ложности этого пути, продолжает без какой нибудь идеи, без определенной цели, без решимости бороться даже (потому что даже за неправое дело тоже можно уметь бороться), сводя политическую борьбу к самым мизерным формам, почти семейным - верчение червячков, - когда это почувствовал, то пытался уйти. Я не ушел потому, что я не имел сил уйти от этой контр-революционной группы.

Знал ли я ленинградскую организацию или не знал, но я считаю, вот, перед портретами этих великих строителей социализма, - я преступник, если у меня не хватило сил самому уйти и увести кого можно было. Мне ка-

жется, что если бы я собрал в себе силы, чтобы в группе поставить радикально вопрос, хотя бы с одной десятой долей той энергии, которая была при борьбе против партии, — то таких как ШАРОВ, БАКАЕВ можно было увести за собой.

Поэтому на мне лежит проклятье не только труппы тов. КИРОВА, но и того, что эти товарищи здесь сидят.

Д О П Р О С

ГЕРТИКА Артема Моисеевича

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Подсудимый ГЕРТИК скажите была ли ваша квартира фактической штаб-квартирой данной организации или не была, какова была ваша работа. Входили ли вы в "московский центр".

Г Е Р Т И К: В 1926-27 г.г. до 15-16 с"езда моя квартира была единственным штабом в Москве и через мои руки шла вся зиновьевская организация, которая была в Москве и приезжала из провинции, из Ленинграда, или жила в Москве.

Тогда бы организован, сейчас же после 14-го с"езда, зиновьевский центр. Сколько человек туда вошли я не помню, но он был организован исключительно из членов ЦК и ЦКК, хотя на заседаниях приходилось бывать и другим. Был организован центр от зиновьевцев-троцкистов. СМИЛГА тоже был. Я в этот центр не входил, но когда не хватало членов центра я входил в него.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Как запасный член центра? За кого вы считали нужным голосовать?

ГЕРТИК: За ЗИНОВЬЕВА, конечно. Тогда была дисциплина, тогда была организация, которая говорила, придумывала целую теорию.

После 15-го съезда организация была распущена по периферии и т. д.

Я был отослан в Ташкент, числа 15-го января, где пробыл два года. Вернулся оттуда в Москву только в ноябре 1929 г. Так что вот ЗИНОВЬЕВ говорит о центре, который был в 1928-29 г.г., что меня не было, но я был близок и исполнял роль организатора. Наверное меня не было в Москве, я был в Ташкенте, приезжал один раз в Москву в июле 1927 г., был один день и уехал в отпуск.

После возвращения из отпуска я был в Калуге у ЗИНОВЬЕВА, а затем в Ленинграде, но все таки, в это время никакой организационной работы я не вел. Квартира моя продолжала быть центром, жила там жена моя, так же член зиновьевской группы. В этом отношении крепко было завинчено, все жены были с нами в этом отношении. Через мою квартиру проходило по старой традиции много народу, собирались там те, кто вел организационную работу, а это было именно время, когда конденсировалась та основная группа, которая и была зиновьевской группой. Точно не могу вспомнить кто был в Москве кроме ЗИНОВЬЕВА, кажется ГОРШЕНИН, ХАРИТОНОВ и ФЕДОРОВ.

Когда я вернулся в 1929 г. в Москву я сейчас же

завязал связь с ЗИНОВЬЕВЫМ и теми зинovieвцами, которые были в Москве. Квартира продолжала быть центром, но тогда организационной работы не было, но была повседневная работа. Новых людей не было, поэтому наша задача заключалась в том, чтобы сохранить наш кадр, сохранить с ним связь, чтобы были они у нас на учете.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Кто у вас ведал кадрами?

ГЕРТИК: Я не знаю что было в 1928-29 г.г., но когда я приехал у нас не было такого сформированного центра, кто этим ведал. Тогда я ведал и ХАРИТОНОВ, а тут, кто к тебе придет, расскажешь полученные новости и все.

Вопрос о сохранении кадров заключался не в том, чтобы просто сохранить связь с человеком, а сохранить человека с определенными взглядами, определенными качествами, сохранить в нем сознание, что правительство не справится с задачами управления страной и поэтому к руководству придет ЗИНОВЬЕВ и КАМЕНЕВ.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Какие были лозунги ваших вождей?

ГЕРТИК: Мы сохраняли кадры для двух целей. С одной стороны, если ЗИНОВЬЕВ и КАМЕНЕВ будут привлечены к руководству без какой бы то ни было борьбы, то надо, чтобы вокруг них было окружение, чтобы они вошли не только вдвоем, а чтобы были преданные люди, одного политического содержания, которые могли бы их поддержать. Во вторых, мы распространяли слухи о разногласиях в Политбюро, и ЦК. Я эти слухи не создавал, я их распространял и другие распространяли. Получали мы их из разнообразных источников. Если члены центра дают установки если у нас есть вполне подготовленные кадры и мы выполняем свои задания, более или менее,

вооруженными выступаем, — вот для чего мы сохраняли кадры. Но специальной функции у меня не было, что я должен вести кадрами. До 1930 года это было и технически удобно. Квартира была с отдельным ходом. После 1930 г. я переехал на новую квартиру, хозяин которой был коммунист, пришлось сократиться. Пришлось устроить конспирацию.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: К кому перешли ваши функции после вашего отъезда?

ГЕРТИК: Часть функций осталась у меня. В 1930 г. у меня очень много народу бывало. Значительно меньше было в 1931 г. и значительно, еще совсем мало, в 1932 году. Я лично считаю, что начиная с 1932 года мою квартиру никак нельзя рассматривать как центр. ЗИНОВЬЕВА я редко видел, но мою квартиру посещали москвичи, собираться у меня помногу нельзя, а собирались по 5 человек, обсуждали вопросы контрреволюционного характера.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Сколько раз вы ездили в Ленинград?

ГЕРТИК: В 1930 г. летом я ездил в Ленинград, но никого не видел, очевидно, тогда никого не было. В 1931 г. я ездил два раза. Первый раз я видел ЦВИБАКА, а второй раз — БАНКИРОВА и ЛЕВИНА. Помню тогда они пришли на квартиру к моей сестре, где я остановился. В 1932 г. с января по июнь месяц я был 5 раз. С июня месяца в Ленинграде больше не был. Был в Ленинграде по делам ОГПУ, так как было постановление Совнаркома. Я не могу сказать, что я использовывал эту командировку для наших целей, так как, если бы мне ЗИНОВЬЕВ или ЕВДОКИМОВ сказали, что нужно поехать, то я бы устроил фальшивую командировку и поехал, так что на этот раз я ездил по делам

учреждения и одновременно использовал ее для связи с Ленинградом.

В эти посещения я два раза виделся с ЛЕВИНЫМ. Из 5-ти раз я два раза никого не видел, так как технически было невозможно, да к тому был конец июля, все были в раз"езде. В эти 3 раза видел ЛЕВИНА, два раза был у него на квартире, заходили к БАШКИРОВУ, а потом отправлялись к нему, так как у него всегда была новая квартира. Один раз встретились я, БАШКИРОВ, ЛЕВИН и МЯСНИКОВ, при чем МЯСНИКОВ был специально приглашен, до этого я его не видел несколько лет. Второй раз я был у БАШКИРОВА, так был МИРОНОВ, который попал к нему совершенно случайно, так как я и сейчас не знаю его политических убеждений. Он до 15-го с"езда был ленинградцем, потом я потерял его из виду. По крайней мере, когда я пришел у них был деловой разговор. Он заведывал хлебопечением, а другой заведывал транспортом, так что у них были свои деловые разговоры. Но очевидно, МИРОНОВ оставался на зиновьевской позиции, потому что ЛЕВИН меня не предупредил держаться с ним осторожнее. С ПЕРИМОВЫМ мы случайно с"ехались в Москве, но мы тогда много выпили и разговор не состоялся.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Члены ленинградского центра бывали в Москве и получали установку?

ГЕРТИК: Да они бывали в Москве. Тот же ЛЕВИН, КОРЕШУНОВ из ленинградского центра поддерживали связь с Москвой до 1932 г. Этого отрицать нельзя.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: До самого последнего времени?

ГЕРТИК: Я после 1932 г. никого из Ленинградцев не видел ни в Москве, ни в Ленинграде, я был раз у ЦИБАКА, но ника-

ких разговоров с ним не вел, так как были посторонние люди и больше я никого не встречал. После 1932 года я абсолютно ничего не знал.

Я хочу сказать, что если я не встречался, так другие члены нашей организации встречались. После 1932 г. мы свою работу сократили и изменили, но поскольку организация существовала, то есть основание полагать, что связь между Москвой и Ленинградом была, но я лично этой связи больше не поддерживал.

В. МАТУЛЕВИЧ: Вы знали, что ЛЕВИН являлся руководителем ленинградского центра?

ГЕРТИК: Я не знал, что он был руководителем центра.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: У вас денежные средства были? Кто оплачивал расходы?

ГЕРТИК: Я лично ездил только по делам.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: За счет советской власти?

ГЕРТИК: Если бы нужно было, то поехал бы за счет Советской Власти.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Вы совмещали Ваши служебные командировки с делами вашей организации?

ГЕРТИК: Я не скажу, чтобы я не ездил, но никаких директив по поводу Ленинграда от ЗИНОВЬЕВА не получал, так как считал, что они мне не нужны. Общая установка для меня была ясна — держать связь с кадрами и передавать информацию.

В. МАТУЛЕВИЧ: Вы считали своей обязанностью получать в Ленинграде информацию и доводить до сведения ЗИНОВЬЕВА?

ГЕРТИК: Да, я один раз доводил до сведения в январе месяце, а потом видел в августе ЕВДОКИМОВА и сообщил ему. Таким образом, все сведения доводились до сведения ЗИНОВЬЕВА.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Вы были членом московского центра до самого конца?

ГЕРТИК: Да я считаю что был. Был, очевидно. Я вот несколько слов хотел сказать о наших взаимоотношениях внутри центра....

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Пожалуйста.

ГЕРТИК: Вот здесь сегодня выступил целый ряд товарищей. Не важно, был ли я членом центра или нет. Конечно был! Во всяком случае, я был очень активным работником. Но я должен сказать, что целый ряд фактов я впервые узнал либо только на предварительном следствии, либо сегодня здесь.

Я полностью присоединяюсь к заявлению, которое сделал ЕВДОКИМОВ и считаю, что оно совершенно правильно. Но есть один пункт, который я только сегодня услышал: он и САФАРОВЫМ подтвердился и самим ЗИНОВЬЕВЫМ, — это то, что основой нашей оставалась программа троцкистского блока. Никогда ни мне, ни другим товарищам, к сожалению, этого не говорил. Напротив, мы считали, что эта программа компромиссная, на которую мы согласились в силу необходимости. Мы считали, что это время отжито, и БРАВО и другие могут подтвердить это. Начиная с 30 года эта программа сама себя пережила. Об этой программе больше говорить нечего, собственной программы у нас нет, особых возражений против той программы, которую проводит партия — нет, но как проводит — мы с методами проведения не были согласны. "Вот если бы мы проводили коллективизацию, если бы мы проводили индустриализацию (и т.д.) то было бы другое дело"!

Я со всей ответственностью заявляю, что если бы нам это сказали тогда откровенно, то (не буду касать-

ся себя), большинство из товарищей ушло бы.

Второе: это разговор о блоках с правыми, с левыми, с троцкистами и т.д. Я узнал об этом только здесь. Я не говорю о том, что это умаляет мою вину, но я хочу сказать о методах, к которым прибегали. Тут было не одно двурушничество, а двойное двурушничество: обманывали не только партию, но и своих товарищей по оппозиции.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: То есть кое что скрывали?

Г. Е Р Т И К: Не кое что, а основное. Правда, меня это не очень удивило и вот почему: я ведь тогда тоже активную работу вел, целый ряд товарищей вел не менее меня активную работу и т.д., — но знаете как провели блок с троцкистами? Без нас, на заседаниях центра! А нас только уведомили!

Мы всегда кричим, что ЦК не верно поступает, не обсуждает вопросов с партией, никакого демократизма нет. А что у нас? Тоже самое.

ЗИНОВЬЕВ тоскует, что его не арестовали 7-го числа, а я проклиная себя за другое: я тогда был против блока, я собил тогда целый ряд товарищей, хороших крепких товарищей, на то, что мы не пойдем на блок, и я проклиная себя за то, что дело до конца тогда не довел. Я пошел с ЗИНОВЬЕВЫМ на компромисс. Надо сказать, что силы были не равные: ЗИНОВЬЕВ привел тогда факт, данные и т.д., ну, словом, убедил меня, что цель, которая поставлена значительно выше... вот за что я себя проклиная.

Из показаний свидетеля и из показаний подсудимых видно — я активную роль играл. Ничего не скажу. Все

меня считают членом центра. Я себя считал тоже активным, но не считал, что у нас есть центр. А ведь ни о каких переговорах, кроме 28-го года, когда были знаменитые переговоры БУХАРИНА с КАМЕНЕВЫМ, — ничего не знаю. Только этот записанный разговор КАМЕНЕВА и БУХАРИНЫМ — больше ничего нам не сказали. Все от нас скрывали. Переговоры скрывали от нас и прежде всего от нас.

РУТКОВСКИЙ мне еще говорил, что были переговоры с УГЛАНОВЫМ. Может быть я тогда был в Ташкенте. Но ШАРОВ самое активное участие принимал, я самое активное участие принимал и другие, но абсолютно ни звука, ни я, ни ШАРОВ, ни ГОРШЕНИН не слышали. Ни звука нам не сказали.

Я и про себя скажу, что я бы тогда не пошел в такую организацию, которая ведет переговоры направо, налево и т.д. У нас есть все таки определенная цель, конечно ошибочная, конечно узкая, но что велась такая грязная, безпринципная работа... Нет! я о себе говорить не буду, но я твердо говорю, что такие как БРАВО, ГЕССЕН обязательно бы ушли, не остались бы, если бы это узнали. Я думаю, что это и было той единственной причиной, почему от нас скрывали. Другого ничего не было.

Вот каковы были методы работы, вот каковы были взаимоотношения у нас. Я говорю, что я этим несколько не убавляю свою вину. Я это рассказываю не для того, чтобы сказать, что я меньше виноват: я достаточно виноват и признаю полностью свою вину. Я признаю, что несомненно результатом нашей работы явилось это трагическое убийство гнусными людьми. Но я говорю это для того, чтобы перед судом была раскрыта вся правда.

Все правда, все, что было у нас. Разрешите еще!

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Вы кончили? Чтонибудь еще желаете сказать?

ГЕРТИК: Я хочу раз"яснить еще один вопрос. Чем об"яснить, почему мы, когда шла такая великая стройка, когда партия напрягает все свои силы, строит гиганты, когда весь мир признал успехи, а мы оставались контр-революционными. В чем дело? Многие люди пошли в подполье. Действительно шла борьба за партию, борьба за советскую власть. Я много думал и тут, конечно, одним ответом не ответить. Основное конечно то, что сказал про нас СТАЛИН, что мы были с первого дня нашего существования рупором. Второе — была наша слепая привязанность к идеям ЗИНОВЬЕВА. Мы знали старого ЗИНОВЬЕВА и, так, он до последнего времени и остался старым ЗИНОВЬЕВИМ. А третьей причиной, может быть основное, было еще одно, — мы себе все придумали, создали своеобразную теорию о том, что мы ничего плохого не делаем, ни чем партии не вредим, что мы не двурушники, что мы не обманываем партию. Говорим между собой по душам. Мы никогда не выносили за пределы нашего кружка, мы в своей работе по линии хозяйственной и т.д. вполне выполняли полностью и не плохо свою работу, были ударниками, премированные рабочие, было не мало и прочего и, в этом то усилении, которое в нас вкоренилось, годами это продолжалось, восемь лет. Из года в год, из месяца в месяц восемь лет, мы вели эту работу и восемь лет мы себя усыпляли. Когда в первый раз арестовали, оказалось недостаточно. Арестовала своя советская власть. Я рассказал все факты с кем встречался, когда бывал в Ленинграде. Рассказал сплетни, а остальное скрыл. Но скрыл не умышленно.

Скрыл только один факт в отношении БАКАЕВА, а остальное ничего не скрыл. Я всем рассказал самым подробным образом, в чем именно меня обвиняли, когда допрашивали и всем до одного человека, с кем я встречался сказал правильно. Вот, сидит ЕВДОКИМОВ, не откажется. Кроме этих разговоров ничего не было. То же самое сказал всем, что все это правильно. И только тогда, когда разразилось это трагическое действие, когда оно ударило нас своим тяжелым молотом по голове, тогда только мы поняли и то не сразу, как безнадежно заползли в меньшевистскую к.-р. трясину, и какое страшное у нас преступление перед партией и только первый раз за 8-9 лет перед этим судом я говорю: "У меня нет за эти 9 лет ни одного факта, ни одного слова, которые я бы не мог сказать сегодня суду, всей партии, всему рабочему классу, могу чтонибудь забыть, но ничего я скрыть не хочу, не хочу умалять свою вину, целиком ее признаю. Было такое настроение, была такая больная психология."

ТАРАСОВА Ивана Ивановича

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Расскажите вкратце о всех Ваших преступлениях перед партией? ~~=====~~

ТАРАСОВ: Я тут услышал целый ряд новостей и неожиданностей. Узнал, что во всякой борьбе и работе понятны всякого рода колебания, сомнения. Я хочу себе ответить покороче на один вопрос.

Партию, рабочий класс не интересует в данном случае суд. Случайно или нет то, что в КИРОВА стрелял НИКОЛАЕВ, что убийство непосредственно организовали КОТОЛЬНОВ, РУМИНЦЕВ, ТОЛМАЗОВ, ХАНИК и др., т.е. та часть молодежи, которая в 1925 году свернула с большевистского пути и пошла за теми, кто оказался политическими авантюристами и предателями — КАМЕНЕВЫМ, ЗИНОВЬЕВЫМ, ТРОЦКИМ и за их ближайшими соратниками.

В связи с этим хочу сказать о своей роли.

Только теперь, во время предварительного следствия я продумал. Я себе совершенно точно ответил, что не случайно, что КИРОВА убили те, которых удалось ЗИНОВЬЕВУ увлечь в 1925 г. на пути антипартийной борьбы, переросшей впоследствии в контр-революцию.

Почему это так? Вот тут говорили о всяких идеях, о формах, программах, о принципиальных устоях. Все это протекает в процессе десятилетнего моего следования по пути ЗИНОВЬЕВА, речь идет о смене партийного руководства, речь идет о противопоставлении Ленинско-Сталинскому руководству Центрального Комитета другого

отряда, который должен заменить это руководство во главе с ЗИНОВЬЕВЫМ, КАМЕНЕВЫМ и теми кто руководили этой группой.

И как это все получилось, я сейчас конкретно покажу на примере, что именно так и было.

Первый период борьбы от 14 до 15 с"езда. Я был на 14 с"езде партии и помню, что вслед за политическим содокладом ЗИНОВЬЕВА выступил КАМЕНЕВ. Он заявил, что мы считали в то время, что СТАЛИН не в состоянии об"единить вокруг себя ленинский штаб. Прямо делали сигнал развернутого знамени борьбы со СТАЛИНЫМ и всем руководством ЦК. Этот сигнал за два года реализовался таким образом, что трудно более чудовищного, более гнусного придумать по адресу больших вождей, что мы только выдумывали, муссировали и даже шли в среду беспартийных.

Мне после выстрела в Смольном, вспомнилось два случая из истории антипартийной борьбы против руководства ЦК. Я был в Самаре после 7-го комсомольского с"езда, в разговоре со мной один из оппозиционных работников ^{чих} ~~работ~~ - типограф. некто ЛИБИН заявил, что нам нужно действовать с оружием в руках. Это было до 15-го с"езда. Вскоре после этого, в присутствии КОТОЛЬНОВА, некоторые комсомольцы, СТРЕМЯКОВ - московский оппозиционер, серьезным человеком считать нельзя, не отрицал ту атмосферу ненависти против руководства, которую мы тогда культивировали. СТРЕМЯКОВ заявил: "пора взяться и применить динамит". Я себя спрашивал тогда и хочу ответить. Я считал, что это не случайная идея, заскочившая, а это уже фашистская идея.

Дальше возвращение в партию. Под каким соусом это проводилось, под каким лозунгом. Мне кажется, что тут было сделано все очень натянуто. Зиновьевцы хотели отвести с себя вину за счет безвозвращенцев, что вот видите, отбились они от меня и натворили больше, чем если бы были ближе ко мне. Дело не в этом, а в том, что мы — безвозвращенцы, к числу которых я относился, установку имели одну, чтобы возвратиться, потому что, когда ЗИНОВЬЕВ говорил, что если что и можно сделать, то только внутри партии, поймите это. И мы это поняли. Так и я понимал.

Когда я писал заявление вместе с КОТОЛЬНОВЫМ и РУМЯНЦЕВЫМ я ходил к Емельяну ЯРОСЛАВСКОМУ, ходил к КАМЕНЕВУ советоваться, как написать заявление, чтобы поменьше дать и побольше проташить. Поменьше дать в том смысле, что нельзя ли даже войти в партию, не сняв подписи под платформой. Мы откровенно говорили с Ем. ЯРОСЛАВСКИМ. А к КАМЕНЕВУ мы пошли ^{по} приглашению РУМЯНЦЕВА, чтобы средактировать, чтобы тот, кто будет читать знал, что все таки они не сдались. Дальше, мы два-три года усиленно пропагандировали, что смотрите СТАЛИН и ЦК проводят нашу платформу, а что за этим крылось, за нашей платформой, сделать руководством, которые писали эту платформу. Так понималось, и я разделял эту позицию от 14 до 15 съезда, примерно, до 1932 года в этой политике выжидания возможности использования отдельных трудностей и т.д.

1932 год является наиболее характерным с точки зрения использования трудностей в борьбе против партии. Я припоминаю целый ряд разговоров. В 1932 г. я, при возвращении с производственной практики из Днеп-

ропетровска, проезжая через Ленинград, зашел к КОТОЛ-
 НОВУ, с которым я был тесно связан потому, что мы были
 приятелями с 1923 г. Нас так и звали — одного Иван
 Иванович "международный", а меня — Иван Иванович "все-
 собзний", который работает в пределах Советского Союза.
 Я припоминаю целый ряд разговоров с РУМЯНЦЕВЫМ. В то
 время страна переживала трудности и я прямо скажу, что
 я принадлежу к числу тех, которые считали, что эти труд-
 ности — результат перегибов ЦК в вопросе индустриали-
 зации. Он думали, что вот заложили большие средства в
 капитальное строительство, а рабочим есть нечего. Ког-
 да шел разговор в отношении трудностей, то РУМЯНЦЕВ вы-
 сказал, примерно, следующую мысль: он связал эти труд-
 ности с тем, что СТАЛИН ворочает середняком, как се-
 редняк не привык при ЛЕНИНЕ, что, говорит, поэтому и
 трудности, что крестьянин упирается, что сейчас имеют-
 ся. крестьянские восстания, что в политике коллективиза-
 ции имеется непоследовательность, что ленинской поли-
 тики нет. Закончил он, примерно, следующим — знаете ребя-
 та, я думаю, что трудности в стране настолько велики,
 что СТАЛИН для того, чтобы не погиб от внутренних
 трудностей, ведет страну к войне с международной бур-
 жуазией и тогда ему легко будет ответить рабочему
 классу и международному рабочему движению — почему
 он погиб. Погиб красиво в борьбе с мировой интервен-
 цией. Если немного проанализировать, что это означает, —
 это означает, что СТАЛИН и все руководители партии ве-
 дут пролетарскую революцию к гибели. А раз так, ^{значит,} надо
 спасти пролетарскую революцию от СТАЛИНА, от Централь-
 ного Комитета "Спасать Россию от большевиков".

Разве это новый лозунг? Из какого это арсенала? Несмотря на то, что в тот раз я не разговаривал с РУМЯНЦЕВЫМ, а с ЦЕЙТЛИНЫМ, который буквально эту мысль повторил, — все это означает то, что мы пускали в арсенал борьбы с руководством партии то что выпустила международная реакция на белогвардейских листках вроде "Возрождения".

Но я участвовал в этих разговорах и зная об этих вещах не пошел в партию. Понадобилось такое трагическое обстоятельство, чтобы это стало известным партии. Тогда я этого не сделал, и в этом моя большая вина, чрезвычайно тяжелая вина.

Если даже один этот факт представить себе, что молодежь из числа тех, что шла за ЗИНОВЬЕВЫМ — молодежь активная, то сам по себе вывод напрашивается, что надо же убирать таких руководителей. То есть, я хочу сказать, что и в 32 году центральной идеей, ведущей осью оставалось одно и то же: смена руководителей, замена их во главе с ЗИНОВЬЕВЫМ. Это стало азбукой, т.е. само собой подразумевающимся, бесспорным: вопрос только в сроках, формах, возмозможностях, моменте и т.д.

И разве случайно, что эту самую мысль о том, что руководство ведет страну к тому, чтобы навязать войну, для того, чтобы погибнуть красиво и красиво отчитаться перед рабочим классом, что эту мысль высказал РУМЯНЦЕВ, а вслед за ним повторил ЦЕЙТЛИН, — разве это случайность? Вопрос в том, что это тоже кем то инспирировано. Не может быть, чтобы это выдумал РУМЯНЦЕВ. Я не знаю кем эта клевета была выдумана и была выпущена в самый напряженный момент в стране — это было бесспорно. Это могло идти оттуда, откуда показывает

181 184

БАКАИВ: из квартиры ЗИНОВЬЕВА, его единомышленников.

Вообще у нас существовал такой порядок. Я в силу того, что был близко связан с КОТОЛНОВЫМ, в силу того, что в партию возвращались КОТОЛНОВ, РУМИНЦЕВ и еще молодежь, — я хотя жил в Москве, но новости всегда получал из Ленинграда.

Так вот, в 32 году КОТОЛНОВ меня повел к НАТАНСОН, там возник вопрос о том, что ленинградскому рабочему еще хуже, чем московскому, потому что совсем жрать нечего. И НАТАНСОН такую вещь сказала: "Черт знает, что наши руководители делают: строят себе памятник при жизни — придумали ВИЭМ (Всесоюзный Институт Экспериментальной Медицины). Этот факт тоже говорит о том, что это есть одно из гнусного использования трудностей, но тогда когда победоносное шествие 1-й пятилетки, когда сама жизнь в дим развеяла все эти платформы, — осталась одна обнаженная контр-революционная клевета на партию, и это вылилось как раз в форме двурушничества. И тут это самое двурушничество нашло свое выражение в кружковщине, которое позволяло сочетать пребыванию в партии, пребывание ее членом с самыми гнусными приемами клеветы, чудовищных выдумок, лжи против партии и против руководства.

Если теперь ответить на вопрос, который я выдвинул в начале своего слова, то выросли фашистские молодчики, убившие КИРОВА — не случайно. Идет одна непрерывная цепь от развертывания знамени борьбы против Ленинско-Сталинского руководства, которую об"явила ленинградская оппозиция на 14-м с"езде, она проходит через 2-х летнюю борьбу — до 15-го с"езда, она продолжается двурушническим возвращением в партию,

и путем использования партии, которое имеется и продолжается до 34 года путем кружковщины.

И выстрел НИКОЛАЕВА не случаен, ибо НИКОЛАЕВ вырос, как и вся террористическая группа, из зиновьевской кружковщины. И это есть основной вывод.

ЗИНОВЬЕВ и его соратники воспитывали молодежь на протяжении десяти лет на непримиримой борьбе с руководством, необходимости сменн руководства и противопоставлении ему другого; как сегодня ЗИНОВЬЕВ сам признался, он не мог представить себе, что он не вождь.

Дело в том как понимать. И те, кто убил КИРОВА правильно поняли ЗИНОВЬЕВА и всех тех, кто делал грязные дела. Поняли правильно, что надо сменить руководителей, и решили по своему, потому что в этой обстановке ничего другого не выдумаешь. Как иначе сменить вождей? Никакой и дейной почвы нет, с чем пойти в партию, и в рабочий класс. Надежд на "дворцовый переворот" нет! И наиболее активная молодежь, которая "любит дело, а не слово" это дело сделала. И совершенно ясно, что стреляя в КИРОВА, они думали увидеть руководство своей группы и лице ЗИНОВЬЕВА, КАМЕНЕВА и других своих сторонников. ЗИНОВЬЕВ и КАМЕНЕВ стали знаменами, инициативой террористов и это есть тяжелая правда, страшная правда, но такая, от которой не уйти. Десятки лет ^{тянул} я с ЗИНОВЬЕВЫМ. Как это сказано в обвинительном заключении, что ЗИНОВЬЕВ "с поникшей головой признал свои ошибки". Дело в том, что с поднятой головой нужно посмотреть этой правде прямо в глаза и надо сказать о изуитической борьбе с партией, руководством до последних дней. На этот вопрос я ответил себе твердо, без всякого колебания. Я тоже был ошарашен, когда

меня арестовали. Почти целый год ни с кем не встречался. В 1933 г. я тоже имел встречи, опять таки в связи с приездом КОТОЛЬНОВА в командировку в Москву. Собирались на квартире с ФАЙВИЛОВИЧЕМ и несмотря на то, что там уже раздавались определенные резкие голоса по поводу так называемых вождей, на место того, кого хотели убрать из Политбюро ЗИНОВЬЕВА и КАМЕНЕВА. Про ЗИНОВЬЕВА определенно я несколько раз слышал, что ЗИНОВЬЕВ никогда не набрался бы той храбрости, наложил бы 10 раз в штани прежде чем решиться на осуществление такого факта, как ликвидация кулачества как класс. Против партии мы и в конце 1933 г. все таки разговоры вели, вокруг той же ведущей оси насчет руководства. Как начался разговор, жена ФАЙВИЛОВИЧА, ТЕРЕМЯКИНА рассказала о том, как работает КАГАНОВИЧ, как он работает на всех участках работы, как решает и крупные и мелкие вопросы. Все таки в этом разговоре мы распространялись насчет того, что КАГАНОВИЧ хорошо работает, но годится ли он к тому, чтобы заменить СТАЛИНА. Кто поставил этот вопрос я никак не припомню. Что Сталин живет и здравствует, руководит партией, а вопрос муссируется о том, кто может заменить партию. Случайно это? Нет не случайно. Все та же шить и ~~и~~ тут же помню, что ФАЙВИЛОВИЧ прямо говорил: "нет знаете ЗИНОВЬЕВ и КАМЕНЕВ люди такие, которые должны были быть привлечены к руководству", что просто им не создается обстановка, что СТАЛИН не подпускает близко. Несмотря на то, что ругали своих вождей, но говорили хотя плохие, но лучших не найдешь. Сначала платформу, программу, потом под видом того, что СТАЛИН отвергает нашу платформу, вот эта основная идея бывшей к.-р. организации

184
была и осталась до последних дней. И вот я себя спросил какая моя роль в этом деле. После того, как ЗИНОВЬЕВ и КАМЕНЕВ братались с Рютиным, я скорее после этого поставил вопрос, что они не могут руководить партией и партии от этого легче не станет. Я продолжал встречи совершенно случайно, слушал по адресу СТАЛИНА ругательства, но это не меняет положения. Кто не позволил мне пойти в партию и сказать все это. Если бы это было, тогда может быть не было бы выстрела в Смольном.

В 1933 г. у меня уже были проблески от неприятных разговоров с РУМИНЦЕВЫМ, решил, что толку от этих разговоров не будет и с КОТОЛЫНОВЫМ решили, что не нужно никуда идти и разговаривать. Для партии я не сделал того, что от меня обязана требовать партия. В последние годы считал, что я на партийной позиции. Я не перешагнул через кружковщину и поэтому я, несмотря на то, что я последний период своей жизни как мне казалось уже отошел и не отошел. И с первого числа не могу снять с себя ответственности за то дело, которое случилось в Ленинграде и должен за это нести тяжелое наказание.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Окончили?

ТАРАСОВ: Я вспомнил еще одно обстоятельство, которое не зафиксировано в протоколе допроса.

Я время от времени посещал САФАРОВА, тем более, что он был вождем "безвозвращенцев". Так случилось, что к нему я попадал, когда приезжал КОТОЛЫНОВ потому что с ним одним разговаривать очень трудно. На вопрос

состоит ли он членом русской делегации в Коминтерне,

он сказал, что нет и при этом дал такую характеристику, что собственно русской делегации в Коминтерне нет. Это пустое место, что по серьезному никто Коминтерном не руководит и высмеивал злобно члена русской делегации ПЯТНИЦКОГО. Я встречался еще с целым рядом людей, с которыми вел переговоры, но эти встречи наиболее центральные, которые характеризуют полностью мою вину в этом деле, характеризуют мое участие в подпольной к.-р. организации Зиновьева.

Если я чтонибудь упустил, то задайте мне вопросы.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Объявляю перерыв до 10 час: утра 16 января (1 ч. 30м. 16 января).

1-6

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Заседание продолжается /10 час. 40 мин.

16 января/. Подсудимый АНИЩЕВ, Вы желаете что-то сказать.

Подс. АНИЩЕВ. Я имею суду сообщить два новых факта, считаю, что это нужно в процессе следствия.

Первый факт упомянул ТАРАСОВ о том клеветническом выпаде, который мы делали по отношению партии и т. СТАЛИНА в связи со строительством ВИСМ - Института Экспериментальной Медицины. Я являюсь первоисточником этого выпада. Я от одного из крупнейших наших специалистов слышал гнусную сплетню, связанную с этим решением о строительстве. Эту сплетню с соответствующей окраской подхватил и пустил в ход как в Ленинграде, так и позже на квартире у БАКАЕВА.

В связи с этим три вывода: первое: это я был не только передатчиком сплетен и разжиганием ненависти, но сам проявлял творческую инициативу; второе: о механизме тех связей, которые были. Я не помню, видел ли я ТАРАСОВА гденибудь, но сейчас выяснилось, что ТАРАСОВ как раз эту вещь знает. Я должен сообщить то отношение, в котором говорил ТАРАСОВ, к этой сплетне. То же я встретил и на квартире у самого БАКАЕВА. Не помню был ли там ктонибудь еще или нет.

Второй факт. Я в начале следовательно говорил о своих разговорах с РУМЯНЦЕВЫМ о положении на ленинградских заводах. Когда САФАРОВ передавал разговоры ЗИНОВЬЕВА о перерождении пролетариата, то я припомнил в связи с этим гораздо подробнее, что РУМЯНЦЕВ говорил о положении ленинградских заводов. Мне нет надобности повторять это, потому что то, что говорил РУМЯНЦЕВ о положении ленинградских заводов, это то же самое, что ЗИНОВЬЕВ говорил о перерождении пролетариата, кроме этого обобщения о

перерождении пролетариата. Я не знаю имеется ли здесь организационная связь, но считаю нужным этот факт суду сообщить.

Д О П Р О С

ПЕРИМОВА, АЛЕКСЕЯ ВИКТОРОВИЧА.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Подсудимый ПЕРИМОВ, расскажите о той к/р работе, которую Вы проделали.

Подс. ПЕРИМОВ. Основные этапы моей деятельности я изложил в материале предварительного следствия. В первое время после 15 с"езда я был в Ташкенте — до 30 года. После 15-го с"езда хотя мы подали заявление об отходе от оппозиции и о полном подчинении, у нас установилась связь и продолжалась информация в к/р духе. Это мною изложено на предварительном следствии. Я считаю, что то, что я пытался сделать на предварительном следствии — разделить свою деятельность на стадии, — это было неправильно. Все стадии моей деятельности во время участия в к/р организации были активны. Моя деятельность то выросла то уменьшалась, но от этого общий характер к/р деятельности не уменьшался.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Последнее показание Ваше от 30-го декабря подтверждаете.

Подс. ПЕРИМОВ. — Да.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. — От 10 января тоже подтверждаете.

Подс. ПЕРИМОВ. — Да. ЗАФАРОВ говорил об информации в Казакстане — что ЗИНОВЬЕВ получил ее от САХОВА. Здесь ошибка. Я помню, что информацию в Казакстане я лично давал ЗИНОВЬЕВУ. Так что это ошибка.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. — В какой период это было.

ПЕРИМОВ: Это было, примерно, в 1931-32 г., я не могу точно назвать даты; я говорю те слова, которые привел САФАРОВ насчет арестованных. В периодах это совпадает.

Мне хочется сказать, что в моих показаниях ряд формулировок безусловно, являются мягкими, не передающими полностью значения нашей контр-революционной деятельности. Об"ясняется это тем, что я не сразу представил себе и усвоил всю ту колоссальную контр-революционную опасность и весь тот вред, которые представляла наша группировка для пролетариата и партии. Я совершенно согласен с оценкой нашей деятельности, которую дал здесь ЕВДОКИМОВ и ссылки на об"ективные моменты ни в какой мере не могут уменьшить или ослабить нашей вины.

Мне хочется остановиться на некоторых мелких деталях. На судебном следствии спрашивали насчет ИОНОВА, я забыл об этом и ничего не сказал, ЗИНОВЬЕВ говорил о том, что ИОНОВ после XV съезда партии был у него и рассказывался в том, что он подал резкое заявление против зиновьевской группы.

Затем, в показаниях и материалах следствия есть противоречия в характеристике ФАВВИЛОВИЧА. Я знал его как человека, отошедшего. Когда я употреблял слова отошедший, я имел ввиду, что он перестал вести с нами разговоры, перестал быть нашим собеседником по контр-революционным темам. Он порвал связь и перестал встречаться, делиться своими сведениями и информацией и только.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: ~~У вас есть~~ Вы кончили?

ПЕРИМОВ: Да.

ДОПРОСФЕДОРОВА, ГРИГОРИЯ ФЕДОРОВИЧА.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Подсудимый ФЕДОРОВ, Вы подтверждаете Ваши показания.

ФЕДОРОВ: Полностью подтверждаю.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Что желаете добавить.

ФЕДОРОВ: Я хотел бы сделать в самом начале маленькое заявление о том, что я целиком и полностью разделяю те указания, все то, что говорил здесь т. ЕВДОКИМОВ о методах политической борьбы контр-революционного зиновьевского центра, что целый ряд фактов политического свойства не только изыскивались с их теневой стороны, не только не оправдывались те или другие трудности, но и искались эти факты для того, чтобы опорочить деятельность ЦК, опорочить деятельность руководства партии.

Я хочу сказать, что вопросы о трудностях, которые здесь неоднократно поднимались, эти вопросы не договариваются до конца, и это особенно бросается мне в глаза после вчерашнего выступления Льва Борисовича КАМЕНЕВА. По его мнению получается такая картина, что если в стране будут нарастать какие то трудности, то на определенном этапе этих трудностей Центральный Комитет партии сочтет благоразумным и нужным пригласить для участия в разрешении этих трудностей зиновьевскую контр-революционную организацию. Я считаю, что подобного рода толкования вопроса о трудностях ни в коей мере не соответствуют ни логическому пониманию этого вопроса, ни той тактике, которая применялась зиновьевской контр-революционной организацией.

Дело в том, что под трудностью нельзя понимать какой то

процесса, который идет до какого то определенного предела, на котором останавливается и происходит сговор с отдельными организациями, эти организации вносят какие то магические предложения и эта трудность сама начинает переживаться, мне кажется, что это не так.

Под трудностями для того, чтобы договорить до конца, надо понимать следующее. Зиновьевская контр-революционная организация рассматривала дело так, что в нашей стране могут создаваться такие условия, при которых вопросы голода, вопросы войны, вопросы восстаний и т.д. могут стать фактами и, на этих вопросах или на этих результатах трудностей можно будет строить, как предполагала организация /как она строила свои предположения/ включение себя в руководящие органы партии.

Я себе мыслю, что нельзя теоретизировать вопросы трудностей, не переводя их на конкретную почву. На 15 съезде партии, или во время 15 съезда партии, я хорошо помню как КАМЕНЕВ, давая анализ положения дела в нашем сельском хозяйстве, указывал на то, что партия взяла бешеные темпы по коллективизации сельского хозяйства, что в результате этих бешеных темпов должно произойти разорение крестьянского хозяйства, а разорение крестьянского хозяйства должно привести к сокращению посевных площадей и к сокращению результатов посевов. "Таким образом, - говорил он, - страна идет к голоду". Вот, мне кажется, совершенно ясно, что между словом - "трудности" и между голодом надо поставить знак равенства. Не на отвлеченные трудности ставила ставку оппозиция, не на отвлеченные, неизвестно где останавливающиеся трудности, а на определенную задачу: страна идет к голоду и на этом голоде мы должны будем сыграть. На этом голоде ЗИНОВЬЕВ и КАМЕНЕВ должны придти к руководству пар-

тией, — вот как ставился вопрос, и это позвольте нам прямо сказать.

Вопросы другого порядка, вопросы войны, — я думаю, что если у нас вспыхнула бы война и если бы наша победоносная Красная армия успешно вела бы эту войну, то надо полагать, что особых трудностей и особой необходимости приглашать ЗИНОВЬЕВА и КАМЕНЕВА к руководству у партии не было бы. Значит для зиновьевской контр-революционной организации недостаточно было бы, чтобы вспыхнула война, а еще нужно было бы, чтобы эта война принесла поражение, и только в результате этих трудностей опять можно было бы ставить вопрос о том, что вот, мол, Центральный Комитет партии и советская власть, объединяя все силы для отражения врага, приглашает ЗИНОВЬЕВА и КАМЕНЕВА к руководящей роли.

Я думаю, что здесь можно по пролетарски и чтобы каждый рабочий понял надо прямо сказать, что между трудностями теоретического порядка, как здесь до сих пор это развивали, и трудностями голода, трудностями войны с поражениями — есть знак равенства.

Я рассказывал на предварительном следствии довольно подробно о том, как наша зиновьевская к/р организация вела переговоры о заключении блока с правыми. Я указывал в этих показаниях, что никто — ни КАМЕНЕВ, ни ЗИНОВЬЕВ и никто из нас в серьез вопроса о принципиальной стороне этого блока не ставил. И когда мне пришлось в конце 29 года присутствовать в Сочи при переговорах между ЗИНОВЬЕВЫМ и ТОМСКИМ по вопросу о блоке то и там я видел, что единственное, что занимало ту и другую сторону — это исключительно — у кого сколько сил и как эти силы можно рассчитывать и можно ли в результате определенных

усилий правых и зиновьевской к/р организации победить СТАЛИНА. Вот единственный вопрос и он был решающим в вопросе о том, надо или не надо заключать блок. Следовательно на этом примере можно сказать, что зиновьевская к/р организация ни в какой степени не дорожила принципиальными вопросами, у нее не было этих принципиальных вопросов. И я в подтверждение этого узнаю здесь на процессе, что ЗИНОВЬЕВ, КАМЕНЕВ и КВДОКИМОВ вели переговоры о новых блоках. И с кем, — с троцкистами, с ЛОМИНАДЗЕ и ШАНКИМ и ШЛЯПНИКОВЫМ. Что это такое. Это попытка организовать на центральный Комитет какое то нашествие 12-ти языков. Словом видно, что у нас в нашей организации никаких принципов, ничего святого не существовало. Существовало одно желание — во что бы то ни стало, как бы то ни было всеми средствами помешать руководству партии, повлиять на руководство партии. Добиться введения ЗИНОВЬЕВА и КАМЕНЕВА в руководящие органы. И разумеется тут надо понимать не только то, что речь идет о том, что надо будет в Центральном Комитете или в Политбюро Центрального Комитета получить посты. Не в этом только дело, а все мы понимали, что с приходом ЗИНОВЬЕВА и КАМЕНЕВА к руководству политбюро это должно было привести к ослаблению руководящей роли т. СТАЛИНА и к облегчению и проведению тех контр-революционных установок, которые были в зиновьевской к/р организации. Я считаю, что речь ЗИНОВЬЕВА, которую он произнес вчера здесь, она по моему характеризует всю линию поведения зиновьевской к/р организации на протяжении всех этих 10 лет.

Неустойчивость, неопределенность, беспринципность, словом все пороки и ни одного положительного качества.

Вы посмотрите, что он вчера говорил. Если бы мы приняли

предложение ДЗЕРЖИНСКОГО перед XIV съездом, то у нас не было-бы этой борьбы, не было-бы того обстоятельства, что мы здесь сидим на скамье подсудимых. А почему этого не сделали. - Потому, что, видите-ли, покарлили САФАРОВА, САРКИСА. Разве это постановка вопроса. - Разве могут так ставить вопрос пролетарские революционеры. - Нет.

Дальше ЗИНОВЬЕВ старается размазать всю деятельность организации за эти годы. ЗИНОВЬЕВ изобразил дело таким образом, что эта деятельность делится на какие-то отдельные периоды. Под этими периодами я мог бы понимать то обстоятельство, что если-бы мы, скажем, до XV съезда вели борьбу, а затем после XV съезда прекратили эту борьбу и через такой-то промежуток времени выступили в той или другой форме. К сожалению этого, товарищи, нет.

К сожалению зиновьевская контр-революционная организация, начиная с 1925 года по конец 1934 г. систематически, изо дня в день, из года в год вела определенную борьбу, подрывающую авторитет партии и Советской власти.

То обстоятельство, что в отдельные моменты эта работа несколько затихала или, наоборот, поднималась на определенную высоту - это не положительное качество зиновьевской организации, это не ее заслуга. Это происходило потому, что в это время партийная обстановка складывалась таким образом, что организация не могла проявить себя. Посмотрите, как только появляется малейшая возможность разногласий с ЦК, деятельность контр-революционной зиновьевской партии оживает, кривая поднимается вверх. А дальше. - Дальше в 1932 году здесь рассказывали, снова ставится вопрос о поднятии этой деятельности на известную высоту. Значит, нет здесь периодов, а здесь есть

определенная цель, определенный этап этой работы, этап упорной работы от 14 с"езда до 1935 г. Надо прямо сказать, что никаких этапов и периодов нет, а есть определенная линия поведения, которая продолжается на протяжении нескольких лет и за это мы должны отвечать.

В своих показаниях я признал существование московского центра и я называл его политическим центром, ибо это на самом деле так и есть, потому что московский центр занимался не только тем, что делает отдел кадров или орготдел, где переставлялись работники с одного места на другое. Этим занимался НАУМОВ, но эта вторая часть вопроса. Основное то, что московский центр был политическим центром, который давал политические установки по всем вопросам. Об этом я уже рассказывал. ЕВДОКИМОВ, об этом я рассказывал в своих показаниях на предварительном следствии.

ЕВДОКИМОВ и ЗИНОВЬЕВ дают мне здесь амнистию в том смысле, что я в последнее время в центр не входил. Я считаю, что это неверно. По моему делу заключается в том, что я несколько раз бывал у ЗИНОВЬЕВА и КАМЕНЕВА, вопросы заключаются в том, что в этом "московском центре", в членах этого "центра" осуществлялась та директива, которая была дана сразу же после 15 с"езда о сохранении кадров. Смысл этой организации, этого "центра" заключался в том, что бы в него входили люди проверенные годами, опытом борьбы, и чтобы эти люди, если бы обстоятельства потребовали, в любой момент /не знаю были бы там все или только большинство/ могли бы стать снова центром новой борьбы. В этом смысл, так сказать, существования всей этой контр-революционной организации до самого последнего времени. Она была ячейкой или "центром", так сказать, для

всякой новой борьбы, которая могла возникнуть в результате тех или иных трудностей, о которых здесь говорили.

Я сейчас в заключение хотел бы только подтвердить то, что я уже дал в своих показаниях, — что члены зиновьевской контр-революционной организации являлись рассадниками самой гнусной клеветы, лжи, слухов о руководстве партией. На протяжении всей деятельности зиновьевской контр-революционной организации, в ее рядах культивировались злоба и ненависть к руководству партией. При этом организация не останавливалась перед тем, чтобы пустить в ход клевету, ложь, обман, извратить факты. То есть применялись все гнуснейшие средства, заимствованные из арсенала борьбы с партией. Я все это подтверждаю, и считаю, что эти методы работы, эти подлые методы работы, в конечном счете, воспитали и создали такого рода подлецов, как НИКОЛАЕВ. Эти методы работы привели к тому, что выстрел НИКОЛАЕВА был направлен к т. КИРОВУ. Я считаю, что все, и я в том числе, должны целиком и полностью ответить за эту подлую работу, которую мы вели до сих пор.

ДОПРОС

КУКЛИНА, АЛЕКСАНДРА СЕРГЕЕВИЧА.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Подсудимый КУКЛИН, в некоторых Ваших показаниях имеются неясности. Нужно, пожалуй, это уточнить. В этих показаниях ни в одном месте не указано, что Вы были членом "московского центра", в то время когда целый ряд ваших товарищей указывает, что на протяжении ряда лет вы были членом этого центра. Были ли вы членом московского центра, контр-революционной организации, возглавляемой ЗИНОВЬЕВЫМ.

КУКЛИН. Я бы сначала попросил разрешить мне сделать заявление, что я присоединяюсь к разработанной ЗВУДОКИМОВЫМ оценке

нашей работы и считаю, что в нашей деятельности мы обманывали партию, одновременно обманывали даже себя и членов центра. Вначале я упирался, говорил, что я не был членом этого центра. Я говорил, что мы обманывали себя. Я до вчерашнего дня не знал, что я действительно член центра. Я вчера только услышал от ЗИНОВЬЕВА, что я был членом центра. Меня никто не приглашал и вряд-ли бы я принял такое предложение и вряд-ли бы мне предложили. Потому что нами уже было решено, что после наших заявлений окончательно распустить организацию и все связи порвать.

Если бы мы хотели все это упразднить, конечно можно было бы всеми усилиями это сделать, в особенности если бы наши вожди не по обывательски бросили это, а то бросили все по обывательски, а там остался народ молодой. Если бы наши вожди говорили с Центральным Комитетом, то я вполне уверен, что разрешили бы всех наших работников разбросать на те места и на ту работу, где мы не вредили бы, а с другой стороны воспитывались бы. Тоже самое разрешили бы тех которые были упрямы, их было бы разрешено убедить, а если бы не удалось, то передать туда, куда следует. Этого ничего не было сделано. Я рассчитывал на это, когда приехал в Москву. Ходит к ЗИНОВЬЕВУ 7 - 9 человек. Говорят, говорят, а от разговоров никому не жарко ни холодно. Здесь видим совершенно другую картину - что оказывается все мы держали связь, здесь масса народа, везде и всюду. Ясно, что здесь нужен какой то центр. Я не хочу сказать, что я сговоров не знал. Я говорю было это. Даже хуже, ~~и~~ сговоры были с другими группами. И как адвокат САФАРОВ был маклером - сводит и разводит и пр. Но всем ли это известно. Нет, товарищи, не

всем известно. Я об этих сговорах не знал, хотя я часто приходил к ЗИНОВЬЕВУ. Все это делают для того, чтобы вести борьбу с Центральным Комитетом. С кем бы ни было беспринципно, лишь бы были эти люди против ЦК, лишь бы против ЦК.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. — Вы часто ездили из Москвы в Ленинград для связи с Вашими ленинградскими товарищами.

Подс. КУКЛИН. — Я был три раза в 31 г., в 32, у Вас там записано 33, а я был в 32 и был в 34 г. В 31 г. я был по делам, был дня два. В 1931 году я никого не видел. В 1932 году я поехал уже по своим делам в Сестрорецк на курорт. В это время я встретил ЛЕВИНА Я получил адрес квартиры и телефон. На другой день я поехал в Сестрорецк, где пробыл целый месяц. Оттуда я нигде не выезжал. Через месяц я выехал из Сестрорецка на квартиру к сестре.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Нас не интересует где Вы были, с кем пили чай, с сахаром или без сахара. Меня интересует другое.

КУКЛИН. Я встретился с ЛЕВИНЫМ. Мне пришлось ночевать в силу необходимости, потому-что была занята квартира, где я должен был ночевать /не слышно/. Помню пришли МЯСНИКОВ, был КОРШУНОВ, затем были какие-то родственники. В 1934 г. я встретился с РУМЯНЦЕВЫМ у сестры на квартире, говорил о том, чтобы устроить связь с заводом "ИЛЬИЧА". Мы с ним вели разговор.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Для меня важно о чем вы вели разговор с ним.

КУКЛИН. Ввиду того, что были посторонние, особых разговоров у нас не было.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Вы дали РУМЯНЦЕВУ указание ЗИНОВЬЕВА, КАМЕНЕВА о том, что необходимо продолжать борьбу.

КУКЛИН: Насчет этого я ничего не говорил.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: В показаниях у Вас говорится о том, что Вы вели этот разговор с РУМЯНЦЕВЫМ. Я зачитаю: ^{/читает показания/} "Установки ЗИНОВЬЕВА и КАМЕНЕВА по критике политики ЦК мы, члены центра в свою очередь передавали своим единомышленникам, я, например, при встрече с ГЕРЦБЕРГОМ и, насколько помню, в Ленинграде с РУМЯНЦЕВЫМ Владимиром и другими".

Вот что говорят Ваши показания от 14 января.

КУКЛИН. Я их подтверждаю.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: В каком году Вы справлялись у ЛЕВИНА об архиве.

КУКЛИН. В 1932 г. Он сказал, что у него архива нет, что он передал его ЕМЕЛЬЯНОВУ.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: К ЕМЕЛЬЯНОВУ вы не обращались.

КУКЛИН. Нет.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Почему Вы интересовались архивом. Было задание.

КУКЛИН. Задания не было, я интересовался сам этим делом.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Вы говорили об архиве с ЛЕВИНЫМ и ФЕДОРОВЫМ. Почему вы взяли его у ФЕДОРОВА, считали что ФЕДОРОВ не надежный человек.

КУКЛИН: Он просто оставил его у меня.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Почему.

КУКЛИН: Потому что у него нельзя было оставлять. Я взял его на время.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: В каком месяце вы взяли архив.

КУКЛИН: Месяца я не помню.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: В каком году.

КУКЛИН: - /ответа не дает/.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: У вас все спуталось.

КУКЛИН: По моему в 1933 году.

ФЕДОРОВ: В начале 1934 года или в конце 1933 г.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Куда вы его сплывили.

КУКЛИН: Он лежал на квартире

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Что там в архиве находилось.

КУКЛИН. Не знаю, я не смотрел.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Куда архив делся.

КУКЛИН. Я его уничтожил.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Когда вы уничтожили.

КУКЛИН. 10 числа.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Какого месяца. Почему Вы говорите так, как будто бы вы только что из деревни.

КУКЛИН. Перед арестом.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: 10 декабря. Почему вы уничтожили 10 декабря.

КУКЛИН. Не знаю... По старой традиции, что ли, просто не хотелось оставить.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Почему именно 10 декабря.

КУКЛИН. Потому что я узнал об аресте ЕВДОКИМОВА.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Когда был арестован ЕВДОКИМОВ.

КУКЛИН: 6 ... 7.

ГОЛОС С МЕСТА. С 8 на 9.

КУКЛИН: Я узнал 10 числа.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: От кого вы узнали.

КУКЛИН. От ... /не слышно/.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Вы от кого узнали.

С МЕСТА. ... мне на квартиру звонила по телефону жена ЕВДОКИМОВА об аресте ЕВДОКИМОВА и об аресте БАКАЕВА я узнал от его жены.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: И вы решили, что арест связан с работой вашей по организации.

КУКЛИН. Да.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: И решили уничтожить архив.

КУКЛИН. Да..., подумал.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: В этом архиве были документы, которые когда-то компрометировали.

КУКЛИН. Не знаю совсем.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Почему вы его уничтожили, раз ничего не видели, не знали о содержимом архива. Почему вы, не зная, что там лежит, решили авансом уничтожить его. Вероятно, вам было известно, что там лежит.

КУКЛИН. Сказали, что какие то документы.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Какие.

КУКЛИН. Всякие материалы зиновьевские.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Почему Вы решили уничтожить всякие материалы, которые ни для кого не представляют секрета и никакой опасности не представляют. Для чего вам это понадобилось.

КУКЛИН. /молчит/.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. У вас показания не совсем искренние. До последнего слова подумайте. Добавьте в последнем слове. Вы путаетесь, пытаетесь что то смазать. Садитесь.

ДОПРОС

ФАЙВИЛОВИЧА, ЛЕОНИДА ЯКОВЛЕВИЧА.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: ФАЙВИЛОВИЧ. Скажите пожалуйста, в чем выражалась ваша работа в организации. Расскажите об этом вкратце.

ФАЙВИЛОВИЧ: Моя роль, как активного участника контр-

революционной зиновьевской организации заключалась, во-первых в том, что я сохранил известные связи в части бывших оппозиционеров и, во-вторых, я принял участие в разговоре, по которому вчера говорил ТАРАСОВ и, в-третьих, я считал, что ЗИНОВЬЕВ может быть привлечен к руководству партии.

Это мне и дало возможность сделать заявление, что я состою членом организации и целиком отвечаю за ее деятельность.

Я бы хотел сделать дополнительно к тому, что я говорил на следствии, некоторые замечания.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Показания, которые вы давали на следствии, вы подтверждаете.

ФАЙВИЛОВИЧ: Полностью подтверждаю. Я бы хотел сделать три замечания. I/ - то что вчера говорил т. ТАРАСОВ по вопросу о разговорах насчет руководства нашей партии. Я, как на очной ставке, так и здесь должен засвидетельствовать суду, что речь шла не о замене т. СТАЛИНА, а о привлечении ЗИНОВЬЕВА к руководству. Я эту точку зрения защищал и говорил и ТАРАСОВУ. Вины я за это дело не снимаю, целиком отвечаю за тот разговор, который я имел. Но истина должна быть установлена и я должен подтвердить то, что я говорил на следствии, что я подтверждаю.

Второе мое замечание, которое я хотел сделать - насчет заявления ЗИНОВЬЕВА об ответственности. Выходит так - я на этом вопросе остановился потому, что ЗИНОВЬЕВ хотел как то увильнуть от ответственности и признания той тяжелой истины для каждого из нас, что мы несем ответственность за совершенное убийство. Это очень тяжелое сознание, но ничего не сделаешь. Такова наша участь. Надо прямо сказать, что мы несем моральную и политическую ответственность за это дело. Я один

из тех, кто начинал борьбу с партией вместе с ЗИНОВЬЕВЫМ и я анализируя как мы к этому делу подошли, должен сказать, что ЗИНОВЬЕВ и мы все до 14 с"езда на ту же группу в Ленинграде опирались и вели с ней активную борьбу с партией. После 14 до 15 с"ездов мы опять на нее опирались и вели к/р борьбу с этой группой против партии.

После 15 с"езда, - то что говорил ТАРАСОВ - это все известно. И Вы же давали, т. ЗИНОВЬЕВ, директивы - как отступать, как двуручничать по отношению этой группы. Как можно после этого какую нибудь тень наводить, что это те же, но не те же, зинovieвцы, но не те - иные.

Я считаю необходимым сказать об этом, что мы и я лично несем моральную и политическую ответственность за совершенное убийство т. КИРОВА.

Эти подонки, эта фашистская банда выросла из нас. И как нам не тяжело, не Вы один т. ЗИНОВЬЕВ так тяжело переживали, - я думаю мы все. Я должен сказать о себе - трудно мне досталось чтобы здесь на суде сказать, что я несу политическую и моральную ответственность за совершенное убийство. Но это так. Никуда не уйти от этого и по-этому надо до конца признать и сделать отсюда не только нам, но и всей партии выводы, чтобы на этом учились и те, которые прочитают отчеты процесса, чтобы это стало достоянием многих людей. Вот то, что я хотел сказать в дополнение к тому, что я говорил в показаниях на следствии.

Еще одно замечание. Я сказал, что я несу ответственность за группу целиком. Я, хотя и не имел связи с центром и о существовании не знал и кто входил в центр тоже не знал, у меня был такой период - я написал в Центральный Комитет, что я ис-

крепне считаю, что я отошел от оппозиции. Та работа, которую мне поручила партия и которую я проводил, она меня целиком и полностью увлекла. И восстановление связей фактически началось после приезда в Москву. Но хотя активно сам я связей не искал, но я встречался с людьми и полностью за это дело должен нести ответственность. Советский суд, наш пролетарский суд должен сказать, какую я ответственность заслуживаю. Вот это я хотел сказать.

Д О П Р О С

ЦАРЬКОВА, НИКОЛАЯ АЛЕКСЕВИЧА.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Подсудимый ЦАРЬКОВ, расскажите о Вашей работе в организации.

ЦАРЬКОВ: Моя работа заключалась в том, что я восстановил связь с бывшей зиновьевской оппозицией в Ленинграде. После большого перерыва, это политически еще раз определило мою принадлежность к зиновьевской оппозиции.

Моя работа в зиновьевской организации в Ленинграде заключалась в том, что я установил связь с зиновьевцами и это политически определило мое участие в этой организации.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Какие установки получила Ваша группа от Вашего руководителя РУМЯНЦЕВА.

ЦАРЬКОВ. После 1929 г. разговоров я с РУМЯНЦЕВЫМ не имел. Когда я приехал в 1933 г. в Ленинград, РУМЯНЦЕВ пригласил меня на квартиру, заявив, что у него есть новости из Москвы. На квартире я не был, с ним на эту тему не разговаривал.

Из того, что мне сказал РУМЯНЦЕВ, для меня стало ясно, что РУМЯНЦЕВ связь с Москвой держит. Мы знали, что в Москве живут вожди зиновьевской группы, а РУМЯНЦЕВ, насколько мне бы-

до известно, был авторитетен и очень близким человеком к ЗИНОВЬЕВУ. Так что я в 1933 г. с ним не встречался на квартире и на политическую тему с ним не разговаривал.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Вы встречались с РУМЯНЦЕВЫМ много раз в 1934 г.

ЦАРЬКОВ: Я встретился с ним в ноябре м-це 1934 г., когда я приехал после перерыва с Тихвинского Аллюминиевого Комбината. Я разговаривал с ним не о политических делах, а о другом.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Я Вам напомню: в ваших показаниях от 18 декабря вы подробно описываете какие установки Вы получили от Вашего руководства, повидимому от РУМЯНЦЕВА.

ЦАРЬКОВ: Я говорил на следствии о том, что установки заключались в борьбе против существующего руководства партии и в привлечении к руководству ЗИНОВЬЕВА и КАМЕНЕВА. В этом была основная установка.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Повидимому Вы забыли. Я прочту некоторые выдержки из Ваших показаний от 18-го декабря. "в сознание которых /беспартийных масс/ мы, в том числе и я, вбивали ту же ненависть к СТАЛИНУ. нас учили действовать в этом направлении методами настоящего подполья... С особой враждой мы относились и к КИРОВУ, ибо он, непосредственно, разбивал наших вождей в открытом бою перед широкими массами. Наше отношение к КИРОВУ было примерно такое же, как отношение меньшевиков к большевикам, когда последние в 1917 г. вырывали массы из под влияния меньшевиков". Вы подтверждаете эти показания.

ЦАРЬКОВ: Да, подтверждаю.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Дальше "Директивы, исходящие от центра, толковали, что возможность возвращения вождей зиновьевской организации - ЗИНОВЬЕВА, КАМЕНЕВА и др. к руководству партии обус-

давливаются только двумя моментами:

1/ Это нападение империалистических стран на СССР...

В этом случае наши установки совпадали с надеждами и чаяниями всех к.р. и фашистских сил внутри и вне страны.

2/ Устранение СТАЛИНА от руководства партии... На этой почве возникали и росли среди нас, молодых, самые крайне экстремистские настроения. Выстрел НИКОЛАЕВА в КИРОВА является, таким образом, прямым и непосредственным актом существующих в организации настроений. Вы говорили об этом.

ЦАРЬКОВ: Мне был задан вопрос: в период открытой борьбы какие были установки, насчет смены партийного руководства. Я говорил то, что Вы читали.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: О каком периоде идет речь.

ЦАРЬКОВ: После восстановления ЗИНОВЬЕВА в партии...

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: А кто давал такие установки, я вас спрашиваю, — РУМЯНЦЕВ или ктонибудь другой.

ЦАРЬКОВ. Да, они были переданы РУМЯНЦЕВЫМ.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: В чем могло выражаться и как вы понимали устранение СТАЛИНА от руководства партией, говоря об экстремистских настроениях, и о выстреле НИКОЛАЕВА. Как это расшифровать, чтобы это было всем понятно.

ЦАРЬКОВ. Резко враждебное... Ну, личные отношения, личная оценка вождей, ... каждого, резко.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: НИКОЛАЕВ и некоторые другие на суде прямо говорили, что они готовили убийство СТАЛИНА и для этого хотели ехать в Москву. Об этом они сказали две недели тому назад в этом зале. Так они понимали экстремистские настроения. А как вы понимали, когда так писали.

ЦАРЬКОВ: Я говорю — резко враждебные настроения.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Резко враждебное настроение может быть в разной степени. Можно просто критиковать, можно ругать, можно требовать смещения с поста, другие бы "только" стреляли, как НИКОЛАЕВ, который тоже начал с разговоров и критики.

ЦАРЬКОВ: Когда я говорил об этом, я не имел в виду террористических методов борьбы с руководством.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Я прочту вашу фразу: ... "поэтому в арсенале борьбы с партией из действительных аргументов осталось одно: устранить СТАЛИНА. На этой почве возникали и росли среди нас, молодых, самые крайне экстремистские настроения".

Следующая фраза: "Выстрел НИКОЛАЕВА в КИРОВА является таким образом прямым и непосредственным актом существующих в организации настроений".

Экстремистскими настроениями Вы называете террористические настроения.

ЦАРЬКОВ: Я заявляю суду, что я не имел в виду террористических методов борьбы.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Вы же в следующей фразе говорите об убийстве КИРОВА.

ЦАРЬКОВ: Я говорю, что эти настроения переросли в террористические настроения у молодежи, в результате чего был убит КИРОВ.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: В другом вашем показании, на вопрос — что вам известно о террористической деятельности вашей организации, вы ответили: "По этому поводу я уже давал показания /это то, что я уже прочитал/; я подтверждаю, что в организации в продолжении ряда лет культивировалась ненависть к вождям партии, ставился и обсуждался вопрос о методах отстранения СТАЛИНА от руководства. На этой почве и росли террористические на-

строения, приведшие к убийству одного из вождей партии - КИРОВА".

Значит вы обсуждали вопрос о методах устранения СТАЛИНА, одним из этих методов, повидимому, нужно считать террор. Как же иначе понять.

Подс. ЦАРЬКОВ: Нет, я суду заявляю совершенно искренно, что я не имел в виду и у меня никогда не было террористических настроений.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Никто не говорит, что у Вас были. Вы о других говорите.

Подс. ЦАРЬКОВ: Я говорю в результате того, что возди в течение ряда лет воспитывали, отравляли мозги у всех оппозиционеров, в особенности Молодежи, ее политическое руководство, - результат этого привел к выстрелу НИКОЛАЕВА в КИРОВА.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Вы не отрицаете факта, что среди Ваших единомышленников, бывших комсомольцев, впоследствии террористов, появились эти террористические настроения.

Подс. ЦАРЬКОВ: Выходит, что так.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Непосредственно Вашим руководителем был РУМИНЦЕВ до Вашего отъезда из Ленинграда.

Подс. ЦАРЬКОВ: Да.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Когда Вы вернулись в Ленинград, в конце 34г., Вы опять связались с РУМИНЦЕВЫМ.

Подс. ЦАРЬКОВ: Да.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: А РУМЯНЦЕВ был связан с московским центром.
Подс. ЦАРЬКОВ: Да.

Д О П Р О С

БАШКИРОВА, АЛЕКСАНДРА ФАБИАНОВИЧА.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Подсудимый БАШКИРОВ, Вы подали заявление о том, что Ваша фамилия не БАШКИРОВ.

Подс. БАШКИРОВ: Нет, фамилия БАШКИРОВ, потому что я менял официально.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Фамилия Вашего отца МАГИДКЕ, Вы писали в заявлении, что Ваш отец домовладелец в г. Вильно, но фамилию Вы изменили официально.

Подс. БАШКИРОВ: да.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Но в соответствующих анкетах, которые Вы заполняли, Вы этого не указывали.

Расскажите о Вашей к/р работе.

Подс. БАШКИРОВ: Начиная с 26 года, с 14 съезда партии, с конца 25 года, я был в так называемой ленинградской оппозиции. Сразу после 14 съезда партии я приехал в Москву. Этот период 26 - 27 г. эти два года пробыл в Москве. Эти два года я активно участвовал в работе оппозиции в Москве. Активное участие выразилось в том, что я входил в группу так называемых военных работников, постольку, поскольку я работал в армии. А впоследствии работал и не среди военных работников, принимая близкое участие в работе московского центра того времени.

После 15 съезда партии, вместе со всеми другими, как здесь это с достаточной полнотой выяснилось, я подал заявление в Центральную Контрольную Комиссию и уехал, был послан на работу в Казакстан. 28 и 29-й год я проработал в Казакста-

не и 30 г. я работал в Казахстане. В этот период я несколько отошел от оппозиции, но все же не рвал окончательных связей, потому что один или два раза я встречался с ГЕРТИКОМ в Москве.

Затем, в 1930 году я вернулся в Ленинград на учебу.

Приехав в Ленинград, я восстановил старые связи, я был связан с ЛЕВИНЫМ. Я не могу сказать, что я активно участвовал в работе в период после 1930 года, но в то же время был связан с ЛЕВИНЫМ, бывал у него, в начале часто, а последнее время реже. Принимал участие в разговорах к.-р. характера, присутствовал при его разговорах с другими. Подробно я указывал на предварительном следствии характер этих разговоров.

Я не могу сказать, что для меня представлялось ясным все положение к.-р. организации, но сейчас для меня все ясно. Я великолепно понимаю, что путь, по которому я шел эти годы — контр-революционный, что мое личное положение усугубляется тем еще обстоятельством, что я скрыл свое социальное происхождение, будучи мальчишкой и за все это я, конечно, готов нести любую ответственность.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Вы кончили.

БАШКИРОВ: Да.

МАТУЛЕВИЧ: Вы можете повторить установки ЛЕВИНА о том, как должны держать себя члены вашей организации на чистке партии.

БАШКИРОВ: Было два разговора. Первый раз это было, — не помню, ни-то дома у него, ни-то где-то на улице, это было тогда, когда вышло решение о чистке. ЛЕВИН высказал мне свое предположение, что чистка будет направлена против бывших участников оппозиции и что поэтому нам нужно подумать о том, как нам быть. Смысл нашего разговора был таков.

Второй разговор был летом 1933 года, когда он мне выска-

зал такую мысль, что чистка уже началась, или только начинается. Я ему высказал такую мысль, что нечего особенно опасаться, потому-что важно только принципиально поставить вопрос о чистке, об исторических корнях троцкизма /если можно так выразиться/, тогда персональная чистка не будет иметь такого значения.

МАТУЛЕВИЧ: Вы несколько иначе на следствии показывали. Вы считали, что нужно умело сманеврировать.

БАШКИРОВ: Правильно.

МАТУЛЕВИЧ: Как понять слово сманеврировать — это значит умело спрятать концы // той работы, которую вы вели.

БАШКИРОВ: Нет не так. На самой чистке нужно умело сманеврировать.

МАТУЛЕВИЧ: Что бы существующие контр-революционные настроения не были ясно выявлены.

БАШКИРОВ: Да.

МАТУЛЕВИЧ: Вы знали, что ЛЕВИН был связан с "московским центром".

БАШКИРОВ: Этого я не могу сказать.

МАТУЛЕВИЧ: Вы знали, что ЛЕВИН являлся руководителем ленинградской группы.

БАШКИРОВ: Что он является таковым я не знал, но, что он всегда был одним из крупных оппозиционеров в Ленинграде, — это я знал.

МАТУЛЕВИЧ: Вы бывали у ЛЕВИНА и на даче.

БАШКИРОВ: Был на даче.

МАТУЛЕВИЧ: Вы помните последний разговор в 34 году.

БАШКИРОВ: Заявление ЗИНОВЬЕВА.

МАТУЛЕВИЧ: Какое.

БАШКИРОВ: О возвращении в партию; результат этого заяв-

ления...

211

214

МАТУЛЕВИЧ: Кто присутствовал на этом совещании кроме вас и ЛЕВИНА.

БАШКИРОВ: ЗИЛЬБЕРМАН был.

МАТУЛЕВИЧ. Откуда он приехал.

БАШКИРОВ: Из Москвы.

МАТУЛЕВИЧ: В это время.

БАШКИРОВ: Да.

МАТУЛЕВИЧ: Он вас информировал.

БАШКИРОВ: Я не помню точно - кто информировал.

МАТУЛЕВИЧ: А кто еще был.

БАШКИРОВ: ДМИТРИЕВ /не слышно/.

МАТУЛЕВИЧ: В общем, было собрание. Правильно.

БАШКИРОВ: Можно рассматривать так.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Садитесь.

Д О П Р О С

САХОВА, БОРИСА НАУМОВИЧА.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Подсудимый САХОВ. Расскажите о вашей работе в контр-революционной организации.

САХОВ: Я попросил бы разрешения у суда остановиться на трех вопросах и начать с вопроса об отношении к тому, что я здесь говорил, ибо я не присоединяюсь к тому, что говорилось здесь, не присоединяюсь к тому, что говорилось здесь бывшими лидерами оппозиции. Я считаю, что мне с этого и надо начать.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Пожалуйста.

САХОВ: Я шел за ЗИНОВЬЕВЫМ с 1925 г. С 14 съезда. В 1927 г. принимал активное участие в оппозиции. У меня на квартире устраивались явки. Был у меня на квартире ЗИНОВЬЕВ, на моей квартире. В дни, предшествовавшие 7 ноября, была устроена

самая большая смичка в Ленинграде, в частности на моей квартире. Так, как будто бы.

После этого я принимал участие в событиях 7 ноября и не только принимал участие так, как другие, стоя на площади, но вместе с ЗИНОВЬЕВЫМ, ЕВДОКИМОВЫМ, РАДЕКОМ и еще четырьмя лицами вынужденно попал потом в Толмачевскую академию и отсиживался там, ибо нас оттуда не выпустили до 3 часов вечера. Там, вместе с ЗИНОВЬЕВЫМ, ЕВДОКИМОВЫМ, РАДЕКОМ и еще с тремя или четырьмя лицами я подписал контр-революционную листовку, которая называлась "Правда о событиях 7 ноября". Это говорит о том, весь тот период я был достаточно активным. Обо всем этом я рассказал в контрольной комиссии, когда держал ответ за свои партийные выступления до 15 с"езда. Все это перечислено и отмечено в постановлении Контрольной комиссии.

В период, предшествовавший с"езду, примерно в течение 10 дней я примыкал к группе "безвозвращенцев", примыкал к этой группе по сути дела с момента ее организации, тогда, когда она только организовывалась, когда ее руководителями были САРКИС и САФАРОВ. Говорю я об этом вот почему. Я в течение ряда дней мучительно не мог вспомнить о чем я говорил САФАРОВУ... И только тогда, когда я встретился с ним на Воздвиженке и только тогда когда здесь заговорили о безвозвращенцах я вспомнил этот разговор. САФАРОВ врал по поводу Казакстана и я не мог бы это опровергнуть если бы не заявил ПЕРИМОВ, что он об этом говорил ЗИНОВЬЕВУ. Также как САФАРОВ врал, что я говорил ЗИНОВЬЕВУ по поводу Казакстана, также неправду говорил он, что я встречался с ним в 32 г. и говорил с ним об АБРАМСОНЕ. Не было этого. Встретил я его один раз в 30 г. на улице. Спросили друг друга где работаем — раз и затем он обратился ко мне по поводу истории безвозвращенцев, вспомнив

один факт, который по моему мнению не известен ни партии, ни ГПУ из этого периода. Когда мы об"явили себя безвозвращенцами и начали ругать и ЗИНОВЬЕВА и всех других, группа чел. 15 - 20 заявила, что мы о своем мнении должны честно заявить ЦК. И мы написали заявление в ЦК за подписями 15 - 20 чел. и из прохвостов, принимавших участие в подписании этого заявления был ЛЕВИН, кажется ЛЕВИН, боюсь сказать. Нет, ЛЕВИН быть не мог. Значит - один РУМЯНЦЕВ. Дальше я с ним кажется потом не встречался с того времени. В этом заявлении мы написали: мы не каемся, раз, мы продолжаем борьбу - два, мы против ТРОЦКОГО - три, мы против ЗИНОВЬЕВА как предателя и шкурника - четыре. Я направил это заявление в Москву. Это заявление, если я не ошибаюсь сейчас, должно было появиться по инициативе не то САРКИСА не то САФАРОВА, боюсь точно сказать, могу наврать. Это заявление САФАРОВ не подал в ЦК. В начале решили его подавать, а когда нужно было подать испугался, струсил. Встретил меня на Воздвиженке. Мы не встречались с ним все это время. " - как тебя даже из партии не исключили. " - "Да не исключили". - "Ну, а если бы мы подали это заявление, что Вы думаете что это правильно, - тебя бы из партии вычистили бы и поехал бы ты куда нибудь в Сибирь и т.д.". И потом он спросил: "в Ленинграде ты бываешь". - "Бываю". - "Заходи". Я говорю: "Хорошо, может быть зайду". Вот весь разговор с САФАРОВЫМ. И откуда взялось все остальное. Откуда он знает об АБРАМСОНЕ понять не могу. И было это в 30 г. У меня зрительная память хорошая, а слуховая плохая. Я твердо помню как я вышел с ул. Коминтерна в Наркомюст и встретил САФАРОВА. А уехал Наркомюст в 1930г в конце.

Одно слово перед тем, как говорить дальше, по поводу своего оставления в партии. 28 января 1928 г. я держал отчет перед

самарской контрольной комиссией за свои антипартийные дела контр-революционного периода октябрь-декабрь 1927 года. Я там не врал, заявив о признании правильным решения съезда, в отличие от ряда других товарищей, сделав заявление, за которое меня могли исключить из партии. Я помню, что некоторые товарищи удивлялись тому, как это у меня вышло.

Я заявил о том, что все решения я считаю по существу правильными. Мое дело разбиралось на Контрольной Комиссии, при участии большого количества рабочих, до 100 чел. Я считал, что не следует исключать из партии вождей и руководителей оппозиции /это записано, Вы можете прочитать/, ибо я считал, что руководители оппозиции могут остаться в партии и перевариться в ней. Несмотря на мое заявление, меня в партии оставили, вынесли только строгий выговор с предупреждением.

Один член Контрольной Комиссии заявил: "Пожалуй надо сказать, хоть один честно говорит что думает".

В 1928 году я встретился в Самаре с приехавшими туда КУКЛИНЫМ, ЕВДОКИМОВЫМ, Яшей ЯРОСЛАВСКИМ и НАУМОВЫМ. У нас установились очень близкие отношения и отсюда все пошло снова, все пошло сначала.

Я не буду говорить о всем прошлом, остановлюсь только на 3-х моментах.

I. Это то, что здесь говорилось. Мне тяжело здесь говорить, в частности потому, что я с ЕВДОКИМОВЫМ и КУКЛИНЫМ был очень близко связан, но я должен сказать. - ЕВДОКИМОВ употребил здесь одну фразу, которую я не могу обойти. Он сказал "ложь бывает во спасение". Зачем эту фразу нужно было говорить, для кого это нужно. Я говорю только правду и о себе и

о других, независимо от того, выгодно это мне или не выгодно. Для кого это нужно. Исходя из этой фразы о том, что ложь бывает во спасение, действовали ЗИНОВЬЕВ и КАМЕНЕВ. ЗИНОВЬЕВ и КАМЕНЕВ подали заявление ХУ с"езду исходя из этой фразы. Они лгали при вступлении в партию, они лгали и после. Зачем это нужно, для того, чтобы показать каким путем должны мы идти.

2. Я считаю необходимым заявить о том, что я ни к кому не присоединяюсь. Я считаю недопустимым, считаю отрывкой прошлого, лидерской погоней за лидерами. Пусть каждый говорит сам за себя, дает оценку организации, дает оценку своей работе, но нечего говорить - я присоединяюсь, я согласен с таким-то. Мне кажется, что это путь, который не перерубит все концы. Поэтому я не хочу солидаризироваться ни с кем, хотя ЕВДОКИМОВ более полно чем кто-либо другой рассказал все то, что в действительности было.

САФАРОВ заявил в своих показаниях и сказал здесь на процессе о том, что зиновьевская оппозиция представляет собой подонки эмигрантской белогвардейщины. Неверно он сказал. Не так обстоит дело. Нельзя сравнить то, что у нас было, с подонками белогвардейской эмигрантщины. Там лучше. Я не знал о многом из того, что я услышал здесь на процессе. Я не знал ни о каких переговорах с МРАЧКОВСКИМ, с СМЕРНОВЫМ и многими другими, хотя был близок к ЕВДОКИМОВУ, я не знал даже БРАВО, который бывал у ЕВДОКИМОВА каждый день; с другой стороны я здесь впервые услышал такие установки, как заявление о том, что мы с радостью подхватывали каждую неудачу. Я не подписываюсь под этим - это клевета в отношении меня. Это говорил, кажется, АНИЩЕВ. Или: "Мы ждали, что партия сломает себе голо-

ву", "мы ставили ставку на провал советской власти", - такие заявления - это клевета в отношении меня, по крайней мере. А если были у нас такие люди, которые ставили ставку в своей работе на провал советской власти, то они никогда об этом нигде ни одним намеком не говорили. А если они об этом говорят, они могут быть только расстреляны. Оценку себе и что мне надлежит, - я тоже дам.

Что мы имели здесь и почему хуже здесь было в зиновьевской организации, как я понимаю сейчас, чем в эмигрантской белогвардейщины. Там, по крайней мере, говорили, что они против советской власти и против партии. Что мы имели здесь. Двойное двурушничество, тройное двурушничество. Мы не только обманывали партию, мы не только выступали против партии, но, оказывается, что целый ряд наших руководителей скрывали от своих ближайших товарищей, которые в ряде вопросов шли за ними, целый ряд самых гнусных контр-революционных переговоров, которые по существу непосредственно исходят из всей позиции ЗИНОВЬЕВА в прошлом, которые по существу исходят из того, что говорил ЗИНОВЬЕВ на 14 партс"езде по вопросу о фракции, когда он говорил о необходимости приближения решительно всех...

Вот почему, когда я прочел в обвинительном заключении о том, что ЗИНОВЬЕВ, за которым я шел, только стоит с поникшей головой, или что у КАМЕНЕВА, с которым я не встречался, у вождя, КАМЕНЕВА, бытовые условия мешали разорвать связь с ЗИНОВЬЕВЫМ, - это не могло не вызвать глубокого возмущения. КАМЕНЕВ здесь бьет на полную искренность и из своего жилетного кармана вытаскивает новость, последнюю, сокрушительную, по поводу ЗИНОВЬЕВА. Не верю я, что это последняя новость, не верю никому. Я думаю, что после того, что я здесь слышал, новости могут появляться еще и еще, что имеются новости и у ЗИ-

НОВЫЕВА и у КАМЕНЕВА и может быть еще у когонибудь. Нельзя верить после всего того, что слышишь. Я говорю свое мнение. Дело суда — верить или не верить мне.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Но вы о себе тоже скажите. Пока вы о себе еще не говорили. Вы выступаете вроде свидетеля.

САХОВ: Нет, я говорю не как свидетель, ибо я дам ответ за все это. Разрешите мне продолжать.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Поближе к своей роли. Вы хотели сказать о своей роли, а критикуете и защищаете вчерашних ораторов.

САХОВ: Буду говорить. Я просто говорю это потому, что считаю долгом каждого дать характеристику того, что здесь имеется как это понимать. А я понимаю то, что здесь произошло сейчас как показ по существу амальгамы, трусости, двурушничества, подлости и гадости самого низшего порядка.

Это первый вопрос. Я хочу сказать здесь только о связях своих с теми, кто сидит на скамье подсудимых. Мне кажется, у меня создалось такое впечатление, что честнее и прямее других здесь выступил Иван ТАРАСОВ и целый ряд его положений принципиального порядка мне кажутся являются правильными. Я их не буду повторять. ГЕРТИК заявил здесь, что после его приезда из ссылки, все зиновьевцы бывали у него на квартире и всем он говорил о своих показаниях в ГПУ. Я у ГЕРТИКА после его приезда из ссылки не был. И мне лично об этих показаниях ГЕРТИК не говорил. По поводу других подсудимых, кроме ТАРАСОВА из так называемой активной ленинградской группы я не знаю никого и вижу их здесь в первый раз. Может быть видел белло в 27 — 28 г. Из так называемой активной московской группы с ФАЙЛОВИЧЕМ я никогда не говорил двух слов. С БРАВО я встретился у ЕВДОКИМОВА. Еще кто здесь имеется, я не знаю. Если говорить

о членах центра — я не один раз встречался с Григорием ФЕДОРОВИЧ. Я не помню ни одной беседы с ним антипартийного порядка за последние 4 года, после того как встретился на квартире у ГЕРТИКА, — не было и утверждаю что их не было.

По поводу своей роли. Какова была моя роль. Я считаю, что я непродуманно и политически неверно сказал следователю, что моя активная роль, активная работа в оппозиции, как я раньше сказал, продолжалась до 31 г., т.е. тот период когда я встретился с рядом товарищей, по существу в политическом клубе знамовцев, который бывал на Арбате за участие в котором я принимаю и несу полную ответственность. Я считаю, что правильным будет если я скажу, что я несу полную ответственность от начала до конца за все, что было в знамовцевской оппозиции независимо от того активно или неактивно в тот или другой период я участвовал. И по простой причине. Если я не объявил, что я уйду, если я не сказал партии, что у меня было то-то и то-то значит я не порвал, значит у меня хвосты остались, значит я себя самообманывал, держал голову под крылом вроде страуса и продолжал это делать. Хотя я себя убеждал искренно в течение ряда лет, что у меня общего с оппозицией нет. В чем заключалась моя работа. Моя работа, в особенности в первое время заключалась в том, что я вел и поддерживал к/р разговоры против партии. Я говорю о периоде, когда мы встречались на квартире в частности у Артема. Затем количество этих встреч было значительно меньше. Те или другие разговоры были, но они были более случайными и более отдельными. Я продолжал систематические связи так или иначе с отдельными товарищами с ЕВДОКИМОВИЧ, с КУКЛИНИЧ. Я не буду говорить о личных отношениях, это играло большую роль, но не в этом дело и не об этом на суде говорят.

2-е я категорически отвергаю утверждение о том, что я специально подбирал какой-то материал, например для оппозиции. Не было такого случая. Но в разговорах то, что я знал по своей работе, то что я иногда слышал, то что я сам видел, — об этом я говорил, это я выбалтывал. Моя беда заключается в том, что я в КВДОКИМОВЕ и КУКЛИНЕ видел прежде всего товарищей старых большевиков, у которых партийный стаж по существу такой, сколько мне лет.

3-е. Вопрос о том, распространял ли я контр-революционные слухи, какие-бы то ни было разговоры. Я утверждаю, что таких случаев не было, кроме разговоров с этими людьми и может быть в отдельных случаях были разговоры с тем или другим встретившимся представителем бывшей ленинградской оппозиции. Следующий вопрос по поводу поездок в Ленинград. В Ленинграде я был больше, чем все находящиеся здесь москвичи вместе взятые. В Ленинграде за эти годы я был больше 30 раз. Я категорически утверждаю, что ни разу по фракционным, оппозиционным делам в Ленинград я не ездил. Достаточно хотя-бы сказать, что за все эти 30, а может-быть больше раз, я никого из так называемого "ленинградского центра" ни разу не видел и не только не видел, но и старался избегать некоторых встреч. Единственное место, где я бывал /я говорю об оппозиционерах/ я всегда будучи в Ленинграде заходил к брату моей жены, он был моим старым приятелем, которого и знал с 1916 года; это бывший оппозиционер ШТАЙНБЕРГ, он сейчас умер. Может быть были разговоры по поводу его, может быть заявляли о том, что он в последние годы был в оппозиции, но это не так. То, что я сейчас буду говорить, будет невыгодным для меня, но я не хочу врать на покойника. Я утверждаю, что в течение последних лет ШТАЙНБЕРГ в зиновьевской оппозиции участия не принимал и не только не участвовал, но и ругал ЗИНОВЬЕВА, говорил, что это не вождь.

Я знаю, что против этого могут возразить ввиду того, что в списке оппозиционеров числится и он, но я заявляю то, что было в действительности. Неоднократно он говорил мне: "Брось всякие встречи, ни к чему хорошему они не приведут".

Я заявляю, что раз я не порвал, раз я с ними встречался, раз я по разным вопросам болтал, раз я в свое время вел контр-революционные разговоры, раз я ходил к ЗИНОВЬЕВУ /кажется был у него два раза/ - я не буду повторять всех разговоров, ибо я написал их, - я знаю, что я несу всю полноту ответственности за все это.

В отношении поездок в другие города. Я бывал в ряде городов, где были оппозиционеры, но я их не видел. Например, когда я был в Воронеже, то РАВИЧ там не видел, когда там был РАВИЧ и САРКИС; к Саркису я заходил.

В Ростове я бывал в 1930-31-32 г.г. В 1931 г. я видел там ДМИТРИЕВА, говорил о своих настроениях, которые в основном сводились к тому, что ЗИНОВЬЕВА, КАМЕНЕВА и КВДОКИЛОВА надо продвинуть к руководящей работе. Я подтверждаю, что это я никогда не думал, как об устройстве переворота, дворцового переворота или какого бы то ни было другого. Я утверждаю, что я мыслил это как привлечение их к партийной работе. Так я об этом думал. Но за все то, что у меня было и как было, еще раз заявляю, я несу полную ответственность, если я об этом не говорил и не заявлял и знал о всех этих разговорах как и все остальные.

Последний вопрос, на котором я кратко хочу остановиться самый тяжелый вопрос - это вопрос об убийстве КИРОВА. Известно о том, кто убил застало меня в районе города Харовска, где я проводил районный съезд советов. Находясь там, я получил газе

ту, из которой был виден состав тех, кто принимал участие в убийстве. Я выступил с заключительным словом на этом с"езде /суд может проверить это, если он это сочтет нужным; это дело одного-двух часов/ и на этом с"езде заявил, что виновна в этом деле /я это заявил когда прочел фамилии ЛЕВИНА и РУМЯНЦЕВА; других я меньше знал/ от начала до конца, прежде всего, зиновьевская организация, и сказал, выступая там /это было 23 числа/, что ответственность за это убийство несут ЗИНОВЬЕВ, КАМЕНЕВ, ПЕДОКИМОВ, БАКАЕВ, все члены организации. Правда, я не называл там своего имени. С этим заявлением я выступил в Харовске.

Наряду с этим, когда я приехал в Москву, пришел к АНУЛОВУ и ВИННИСКОМУ и потом говорил здесь с ~~ЕЖОВИМ~~, я в эти первые два дня, не мог сказать об этом, не мог выговорить про себя слова "двурушник и контр-революционер". Я говорю так, как это было. Я не мог этого выговорить потому, что так или иначе я себя ими не считал, не мог считать, вернее тяжело было считать не мог до конца проанализировать всех обстоятельств, как они были, не был в состоянии это сделать.

Здесь некоторые товарищи говорили о том, что они в тюрьме пришли к переоценке своих взглядов. Переоценка взглядов в тюрьме быть не может, ей грош цена. Переоценка взглядов может произойти на практической работе, когда смотришь те достижения, которые мы здесь имеем за 1933, 1934 год. Я об"ездил весь союз, я видел, что делается везде и всюду и я пришел к работе в партии, к нормальной работе в партии, так, как требуется от начала до конца, пришел искренне и от души, и вместе с тем, какое то чувство меня продолжало тянуть к личной связи, которая неизменно при личных встречах переростало во встречи политические и могла переростать; так оно было в действительности.

сти. Если бы это было иначе, я бы не мог дать тех образцов работы, которые я давал. Причем я утверждаю, что не одна записка писалась в Политбюро и раньше и теперь по тем вопросам, которые я прорабатывал и которые я докладывал. Я утверждаю, что ни в одном случае не было неправды или преувеличения. Так оно было. И, в частности, когда последние записки были написаны, когда я материал привозил сюда два раза, я в эти разы не зашел ни к кому, ~~(я к кому)~~ и скажу прямо — в особенности в последнее время мне лично казалось, что пусть не честно, пусть тихо вместо того, чтобы как это говорилось выдавать, против чего интеллигентско-либеральная душа возражала, без открытого заявления об этом партии, но я отошел. Я работаю сейчас честно и прошлое остается прошлым. Оказалось, что так не бывает и так не выходит. Я свое выступление сейчас заканчиваю вот чем /если будут вопросы, я буду на них по приказанию и указанию суда отвечать/. Хочу только сказать вот что — мне лично хочется жить и работать, хочется на деле показать и доказать, что я и могу работать и могу проводить в жизнь то, чего требует партия, то чего требует СТАЛИН и могу проводить в жизнь честно и искренно. Заявляю что это так. Если у суда сложится убеждение, что я не искренен и сейчас, сложится убеждение, что я сейчас что-то не договариваю, — я по роду вопросов не говорю я излагаю основное: больше или меньше — неважно; здесь дело не в количестве, а в качестве. Но я считаю, что если будут считать, что я вру и сейчас, что неправду говорю и сейчас, что и в последние годы я не честно работал и не честно проводил работу, что я действительно враг, как меня называл один из ~~тех~~, ^{кто} ~~меня~~ меня допрашивал, то может быть в этом случае, если на такую точку зрения станет суд, в отношении меня может быть применена только одна

репрессия - расстрел.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: У меня есть несколько вопросов. Когда Вы последний раз встречались с ЗИНОВЬЕВЫМ.

Подс. САХОВ. Последний раз с ЗИНОВЬЕВЫМ встречался в 32 году.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Когда последний раз встречались и разговаривали с ЕВДОКИМОВЫМ.

Подс. САХОВ: Последний раз я встречался с ЕВДОКИМОВЫМ в начале этого года - 1934 г. Мне кажется, я боюсь точно сказать, может быть я ошибаюсь, мне кажется, что я был тогда у него по случаю 25-летия его свадьбы, может быть, это было после.

Подсудимый ЕВДОКИМОВ: тот случай, который он указывает я хорошо помню. Это было действительно семейное торжество. Это было в январе 1934 года.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: После этого Вы не виделись.

Подсудимый ЕВДОКИМОВ: Я не помню, когда он уехал в Архангельск. Если он уехал через несколько месяцев, то мы после этого виделись.

Подсудимый САХОВ: Приезжая сюда с апреля м-ца из Архангельска по делам службы 7 раз в Москву, я, в течение этих семи раз у ЕВДОКИМОВА не был ни разу.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: С КУКЛИНЫМ встречались за это время.

Подсудимый САХОВ: Встречался, у КУКЛИНА я был, должно быть, в августе в 1934 г.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Когда Вы последний раз встречались и разговаривали с ГОРШЕНИНЫМ.

Подсудимый САХОВ: К ГОРШЕНИНУ я зашел в этом году перед отъездом. Причем честно утверждаю, что после моего ухода от него, он понес кое какие потери, я обещал, что я приду к не-

му попрацаться и кое что верну из того, что я у него взял.
И больше не зашел.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Когда это было.

Подсудимый САХОВ: В первых числах апреля.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Скажите пожалуйста, были-ли когда-нибудь разговоры с ЕВДОКИМОВЫМ о деле ШТЕРНА.

САХОВ: Мне задавали этот вопрос и я совершенно откровенно говорю, что не помню.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: В показаниях ЕВДОКИМОВА имеется фраза: "Меня и других виновцев САХОВ информировал в свое время до отъезда в Архангельск о деле Иуды ШТЕРНА, насколько помню, в таком духе, что это акт индивидуальный и что из этого пытаются создать дело организации". Был у Вас разговор с ЕВДОКИМОВЫМ.

САХОВ: Со всей откровенностью заявляю, что никаких разговоров о деле ШТЕРНА я не помню.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Подсудимый ЕВДОКИМОВ, может быть Вы напомниме.

ЕВДОКИМОВ: Я хорошо помню слова САХОВА буквально в том смысле, что дело ШТЕРНА является индивидуальным террористическим актом и повидимому это сумасшедший человек, потому что те мотивы покушения, которые он приводил, сводятся к тому, что выстрел со стороны ШТЕРНА был сделан для того, чтобы обратить внимание на тяжелое положение студенчества. Здесь хотят сделать это делом какой-то организации, не помню какой организации, — это неправильно, тут просто пришивали.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: САХОВ в то время был прокурором.

ЕВДОКИМОВ: Да.

САХОВ: Я говорю, что не помню в чем дело.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Был у Вас разговор с ЕВДОКИМОВЫМ о деле ШТЕРНА.

САХОВ: Я не помню этой беседы.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Вы не отрицаете возможности такой беседы с ЕВДОКИМОВЫМ.

САХОВ: Я не отрицаю возможности этой беседы с ЕВДОКИМОВЫМ но не помню ее характера. Я не помню существования этого дела, не помню обвинительного заключения по нему.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Рассказывали Вы ЕВДОКИМОВУ в 1934 г. о результатах Вашей командировки в Восточно-Сибирский край и Северный Край, об условиях жизни заключенных, которые отбывают там работы. Вы были в Восточно-Сибирском крае.

САХОВ: Да был.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Вы рассказывали результаты своей поездки ГОРШЕНИНУ, БАКАЕВУ и ЕВДОКИМОВУ.

САХОВ: По поводу командировки в Восточную Сибирь я рассказывал почти всем тем, которых я видел по приезду из Сибири, где я пробыл 5-6 м-цев, ибо этот разговор почти всех интересовал.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Всех наших врагов эти разговоры также интересуют. Меня интересует отчет, который Вы дали центру контр-революционной организации.

САХОВ: Отчета в центр контр-революционной организации, еще раз заявляю /я не хочу брать на себя того, чего не было, хотя может быть это поймут плохо/ я не давал. А болтать, говорить по этому поводу, - да, это было.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Имеются показания ЕВДОКИМОВА по этому поводу, показания КОСТИНОЙ и ГОРШЕНИНА.

САХОВ: Я с КОСТИНОЙ не говорил.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: КОСТИНА показывает, что вы информировали ее, КОСТИНУ, КОМУРО, БАКАЕВА, ГОРШЕНИНА о том, что было в Восточно-Сибирском крае.

САХОВ: КОСТИНОЙ - не было, не помню. Я ряду лиц рассказывал о Восточно-Сибирском крае.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Таким образом известная часть работников центра этой организации слушала ваш доклад о Восточно-Сибирском крае.

САХОВ: Вопрос в том, что я докладывал.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Что вы докладывали вам известно и вашим слушателям.

САХОВ: О Восточно-Сибирском крае писалось достаточно много и в местных газетах и в центральных газетах.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: О результатах поездки в Ухто-Печорский концлагерь вы сообщали комунибудь из членов центра.

САХОВ: О результатах этой поездки я никогда в жизни никому из членов центра не сообщал.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: ГОРШЕНИНУ сообщали.

САХОВ: Не сообщал, ибо не видел его после поездки в Ухто-Печорский лагерь.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: /к ГОРШЕНИНУ/. Вы слышали чтонибудь о поездке САХОВА в Ухто-Печорский концлагерь.

ГОРШЕНИН: Слышал. Ни от кого другого, кроме как от САХОВА я не мог слышать об этом. Я слышал это от САХОВА.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Припомните обстановку. Когда вы слышали.

ГОРШЕНИН: Даты точно не помню, но как будто бы это было в 1933 году.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Только лично вы слышали или еще в присутствии кого-нибудь было об этом сказано.

ГОРШЕНИН: Еще в присутствии жены, вдвоем мы слышали.

САХОВ: Разрешите сделать заявление.

ПРЕДС ДАТЕЛЬ: Подождите.

ГОРШЕНИН. Он рассказывал, что там тяжелое положение, что лагерь переполнен, что там антисанитарное состояние, что местные власти не справляются с этим делом и вообще зря нагнали туда такое количество заключенных. Я этих сведений ни от кого другого, кроме, как лично от САХОВА, не мог получить. Я припоминаю обстановку. Это было у меня в квартире и жена была при этом.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Не помните ли Вы было ли это в конце 1933 г. или в начале 1934 г.

ГОРШЕНИН: Только не в начале 1934 г. Это было в 1933 г. в конце или в середине, точно не могу сказать.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: А когда вы слышали разговор, связанный с САХОВЫМ, относительно его поездки в Восточную Сибирь.

ГОРШЕНИН: В последний раз, когда он был, в начале апреля 1934 года.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Что он рассказывал о поездке в Восточно-Сибирский край.

ГОРШЕНИН: Он рассказывал, что там была бригада ЦК, как будто бы во главе с ЯРОСЛАВСКИМ, что там раскрыта этой бригадой большая засоренность партийного и советского аппарата не только классово-чуждыми элементами, но прямо белогвардейскими офицерами и очень сильная; с другой стороны среди советских работников имелись случаи хищений и растрат и многие были привлечены. Он рассказывал о том, что в этом отношении у него линия в смысле применения наказаний была жестче, чем у некоторых членов этой комиссии. И когда вопрос зашел о

том, - почему он едит в Архангельск, то он об"яснял таким образом, что, повидимому, это произошло в результате разногласий в бригаде.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Значит говорил САХОВ относительно того, что были разногласия в комиссии, в бригаде.

ГОРШЕНИН: Говорил.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Не говорили чтонибудь о том, что председатель комиссии

Подс. ГОРШЕНИН: Он не говорил персонально кто, но что повидимому в результате этих разногласий был поставлен вопрос.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Разговор с САХОВЫМ Вы имели когда.

Подс. ГОРШЕНИН: Или в конце марта или в начале апреля, т.е. в последний приход ко мне САХОВА, он был у меня за эти два года - два раза.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: В апреле мес. при разговоре о В. Сибирском крае кто присутствовал.

Подс. ГОРШЕНИН: Я точно не помню или был кто то другой или был я с женой.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Был разговор.

Подс. ^{Горшенин} ~~Горшенин~~: По поводу Ухто-Печерского лагеря был разговор в 33 г. и я уехал в конце августа 34 г. и до этого ~~об~~ ^{разговора} Ухто-Печерском лагере никогда не было. Прошу взять по этому вопросу, если возникают сомнения у суда, соответствующий материал.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: О В-Сибирском крае разговаривали.

Подс. САХОВ: О В-Сибирском крае я рассказывал. К чему сводился мой разговор. Я говорил о том, что линия руководства В. Сибирского края была неправильная, что В. Сибирское

руководство проморгало целый ряд величайших безобразий и неправильно на это реагировало, что имело место величайшее разбазаривание в ряде учреждений и т.д. но довожу до сведения что вместе с тем, военного суда, что в октябре мес. 33 г. было опубликовано в газетах постановление ЦК партии, в котором было указано следующее: Секретаря Вост.Сибирского краевого комитета партии т. ЛЕОНОВА, как не справившегося с работой - с работы снять. И обо всем разбазаривании и о всех безобразиях, которые там были, было написано в газетах, в частности в Вост.Сибирских газетах, об этом я говорил. По поводу апреля мес. ошибка имеется у тов. ГОРШЕНИНА в том отношении, что с апреля мес. я был в Архангельске. Я должен сказать, зачем я ходил к ГОРШЕНИНУ.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Это неважно. Важно был ли разговор.

Подс. САХОВ: Да.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Было разногласие в Комиссии по обследованию края, Вы докладывали об этом Вашему центру в лице ГОРШЕНИНА или когонибудь другого. Об этом было в газетах или нет.

Подс. САХОВ: Об этом в газетах не было опубликовано.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Нужно было докладывать центру.

Подс. САХОВ: Докладывать центру, я не докладывал, но считаю возможным, что по этому вопросу я чтонибудь сказал.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: В порядке какой дисциплины фракционной или какой.

Подс. САХОВ: Делать выводы придется я суду.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Я спрашиваю - в порядке какой дисциплины. Партийной.

С РЕПНИНОВЫМ Вы говорили о перегибах в работе в Прокуратуре.

Подс. САХОВ: РЕПИШОВА последний раз я видел в 32 г. Здесь идет речь не о перегибах в Прокуратуре, а на местах.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Повидимому о перегибах на местах, которые стали Вам известны, как работнику Прокуратуры.

Подс. САХОВ: Целый ряд перегибов был мне известен, о перегибах писалось в печати и снимался целый ряд прокуроров. И я считал возможным говорить и ничего страшного в этом не видел и не вижу.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Поскольку Вы были членом организации Вы ничего страшного не видели, но когда прокурор рассказывает о делах не подлежащих оглашению ...

Подс. САХОВ: Откуда это видно.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Мы это увидим. Вы хотели быть искренним, так и будьте искренним.

От кого из товарищей по работе в Прокуратуре Вы узнали, что была вскрыта правая группировка и что ЗИНОВЬЕВ связался с этой группировкой.

САХОВ: Я стараюсь припомнить эту историю. Я рассказывал уже следователю, но я боюсь еще раз говорить, боюсь быть неточным в отношении человека. Мне кажется, что об этом мне сказали совершенно случайно, в порядке простой встречи, в порядке того, что, мол: "извольте видеть, опять твой бывший вождь попался", - это член Верховного Суда т. УДРИС.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: К какому году относится этот разговор.

САХОВ: К 1932 г.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Вы сказали: "позднее я узнал от товарищей по работе /от кого не помню/, что вскрыта правая группировка и что ЗИНОВЬЕВ связан с ней. Не помню месяц и число, утром, без предварительного звонка, я поехал на квартиру к ЗИНОВЬЕВУ, застал его дома". Вы это подтверждаете.

САХОВ: Да.

231

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Раньше Вы говорили о том, что Вы не могли добиться свидания с ЗИНОВЬЕВЫМ, что Вы обращались к ЕВДОКИМОВУ за тем, чтобы тот устроил свидание с ЗИНОВЬЕВЫМ, - поговорить по душам. Здесь вы вдруг сразу поехали к ЗИНОВЬЕВУ.

САХОВ: Я не говорил о том, что я не мог сам поехать к ЗИНОВЬЕВУ и просил ЕВДОКИМОВА устроить встречу.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Вы не отрицаете, что поехали утром, без предварительного звонка.

САХОВ: Да, не отрицаю.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Для чего вы поехали к ЗИНОВЬЕВУ: помочь ему или узнать что от него.

САХОВ: Цель моей поездки заключалась в том, чтобы придя к ЗИНОВЬЕВУ - сказать ему, что я слышал об отношении его к этому делу.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Почему Вы считали, что должны были сказать ЗИНОВЬЕВУ о том, что раскрыта эта связь.

САХОВ: Мне трудно ответить на этот вопрос.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Потому-что вы хотели помочь ЗИНОВЬЕВУ.

САХОВ: Нет, я не хотел помогать ЗИНОВЬЕВУ.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Вы хотели повредить ему.

САХОВ: Нет, я хотел не помочь и не повредить, а хотел выявить свое отношение.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Вы работали в прокуратуре, Вы случайно узнали о том, что ЗИНОВЬЕВ связан с организацией и вы едете к ЗИНОВЬЕВУ без предварительного звонка и сообщаете ему об этом. Как это можно назвать. Ведь вы были работником прокуратуры.

САХОВ: Да.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Эти сведения вы получили не как работник прокуратуры.

САХОВ: Да.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Партия и правительство Вам доверяли. Если бы Вам не доверяли, то Вас не послали бы в Восточную Сибирь. Вы работник прокуратуры, узнали о том, что обнаружена какая-то связь ЗИНОВЬЕВА с какой-то группировкой и вы немедленно срываетеесь, отправляетесь на квартиру ЗИНОВЬЕВА и предупреждаете его. Что это значит: работать в прокуратуре и передавать материалы следственного порядка лицу, которое заинтересовано. И так, вы узнали о ЗИНОВЬЕВЕ и немедленно отправились к нему на квартиру.

САХОВ. Да, это не годилось делать. Я говорю - как это было.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Вы не отрицаете, что вы неоднократно ряду лиц, состоявших в то время членами московского центра сообщали о результатах вашей поездки в Восточно-Сибирский край.

САХОВ. Да, я сказал об этом.

ГОРШЕНИН. Справка.- Я хочу уточнить насчет Ухто-Печорского лагеря. Я на предварительном следствии оговаривался. Слышал ли я о поездке САХОВА в Ухто-Печорский край или в Соловецкие лагеря - я точно сказать не могу, но что это было о поездке его в Северный край, - я точно помню.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. В какойнибудь из лагерей.

ГОРШЕНИН. Да. Насчет адреса я оговорился в своем предварительном следствии.

САХОВ. Я понимаю в чем дело.

ЕВДОКИМОВ. Я подтверждаю, что говорит ГОРШЕНИН. Я лагеря точно не помню, но великолепно помню картину, которую он описывал.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. В какой период времени говорил САХОВ о лагере?

ЕВДОКИМОВ. В 1933 году.

САХОВ. Правильно.

БРАВО. На предварительном следствии мне задали вопрос о моих встречах с САХОВЫМ. Я сказал о моих разговорах с САХОВЫМ, что в апреле перед поездкой в Архангельск я с ним встретился в столовой, где он мне рассказал о поездке в Восточную Сибирь в составе комиссии. Содержание разговора я не помню. Не помню занесены ли в протокол мои показания. Сейчас я восста-

навливаю в памяти по тому, что я слышал и должен подтвердить, что примерно точно такое же сообщение сделал мне САХОВ, когда я его встретил.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Подсудимый САХОВ! Мы ездили для обследования спецпоселков Северного края?

САХОВ. Правильно.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Вы доложили о результатах Вашей поездки комунибудь из членов центра, в частности данным подсудимым?

САХОВ. Возможно, что говорил.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Нужно было об этом рассказать членам центра?

САХОВ. Нет.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Вы в то время были работником прокуратуры?

САХОВ. Да, это преступление.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Теперь маленький эпизод по делу АБРАМСОНА.

Как известно, САФАРОВ давал показания, которые являются подтверждением его показаний при очной ставке, о том, что вы в качестве прокурора помогли крупному оппозиционеру избавиться от ~~одной~~ неприятной истории. Вы заявили, что ничего подобного не было. Вы выступали в качестве прокурора по делу АБРАМСОНА в Ленинграде?

САХОВ. Я приехал сюда по поручению прокуратуры Республики для того, чтобы расследовать дело в связи с появлением заметки в "Правде" по поводу того, что заведующий жилищным отделом, АБРАМСОН вне закона занял себе квартиру. Здесь я узнал следующее. АБРАМСОН, будучи назначен заведующим жилищным отделом Ленинградского Совета и имея семью из 5 человек, в течение ряда месяцев ютился в одной небольшой комнате и потом произвел какое то перемещение с разрешения кого-то из руководящих ра-

ботников Ленинградского Совета. Я поэтому вопросу поехал к т. КОДАЦКОМУ, спросил его мнения по этому вопросу, как руководителя и как члена ЦК, и после этого удовлетворился тем, что это дело было разобрано в партийном порядке и сейчас я считаю, что дело АБРАМСОНА решено совершенно правильно по существу, если возникнут какие либо сомнения, то мне думается, что из одного пересмотра этого дела будет видно, что оно правильно решено.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Я оглашаю показания АБРАМСОНА от 7 января. Они известны вам. Вопрос: "Знаете ли вы САХОВА".

Ответ: "САХОВА знаю по совместной работе в Василеостровском районе в период до XIV съезда. Мы оба принимали активное участие в зиновьевской организации. Встретился я опять с САХОВЫМ летом 1932 года, в Смольном, в момент разбора в ЦК дела по обвинению меня в незаконном занятии квартиры, принадлежащей учреждению. Об этом деле говорила печать, в частности, обвиняли прокуратуру в смазывании этого дела. Вначале партийная инстанция решила снять меня с работы завгоржилотделом, с запрещением в течение 2-х лет занимать ответственные должности. Затем вопрос был пересмотрен и решено было ограничиться снятием меня с работы, с об"явлением выговора. В разборе моего дела САХОВ участвовал, как представитель прокуратуры. Вполне допускаю, что САХОВ мог из сочувствия ко мне, как к б. оппозиционеру, влиять в сторону смягчения решения по моему делу".

Подс. САХОВ. Я обращаю внимание на то, что я с АБРАМСОНОМ встретился только тогда, когда это дело разбиралось в Контрольной Комиссии, а не до заседания Контрольной Комиссии.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Был такой случай в конце 32 года, когда вы

вместе с БАКАЕВЫМ и ЕВДОКИМОВЫМ ожидали ЗИНОВЬЕВА у здания ЦКК?

Подс. САХОВ. Да. Я об этом сказал, об этом записано.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Почему вы взяли на себя такую миссию, ожидать полтора часа на улице?

Подс. САХОВ. История была следующая: в один из вечеров я зашел к ЕВДОКИМОВУ. ЕВДОКИМОВА я застал у себя в комнате в пальто. Мы вместе вышли на улицу, вместе пошли. Я его спросил: куда идешь? Он ответил: что сейчас разбирается в ЦКК дело ЗИНОВЬЕВА и я хочу подойти к нему навстречу. Мы пошли вместе. Это было в 32 году. Мы пошли вместе. Дошли до Ильинских ворот. Каким образом я попал. Специально не приходил. ЗИНОВЬЕВ не вышел оттуда и после этого разошлись.

Как раз после этого случайно на следующий день мне сказали эту историю.

Но вся эта штука произвела на меня тогда очень большой и болезненное впечатление. Именно этим объясняется то, что я тогда пошел к ЗИНОВЬЕВУ.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. В показаниях САФАРОВА имеется следующая строчка: "Он, САХОВ, весьма ловко использовал служебное положение....."/читает/

И дальше: "Он, САХОВ, хвастается тем, что остался тем чем был всегда и прокурорское звание ему не только не мешает, но помогает".

Согласны вы с этой оценкой?

Подс. САХОВ. Я не видел САФАРОВА с 30г.

Больше я ничего добавить не могу.

Он говорит с 32го. Я говорю с 30-го. Не видел его. Говорю так, как это было.

Чл.Суда МАТУЛЕВИЧ. Вы не помните о том, что с ЕВДОКИМОВЫМ разговаривали о процессе Штерна. Но сам процесс помните?

Подс. САХОВ. Я помню. Это покушение на ТВАРДОВСКОГО.

Чл.Суда МАТУЛЕВИЧ. Может быть скажете, какая у Вас была оценка тогда?

Подс. САХОВ. Не помню.

Чл.Суда МАТУЛЕВИЧ. И это не помните?

Вы были в Москве?

Подс. САХОВ. Был в Москве. Я мог дать правильную оценку.

Чл.Суда МАТУЛЕВИЧ. На в тот период какова Ваша оценка?

Подс. САХОВ. Не помню.

Чл.Суда МАТУЛЕВИЧ. А на процессе были?

Подс. САХОВ. Не был и не помню был ли я в Москве в это время.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Но для чего это нужно было показывать ЕВДОКИМОВУ, что вы говорили ему о процессе ШТЕРНА.

САХОВ. Я думаю, что раз ЕВДОКИМОВ говорит, что что-то было, значит наверное было, но я говорю, что не помню.

МАТУЛЕВИЧ. Вы допускаете, что Вы могли дать ту оценку, как это показывает ЕВДОКИМОВ.

САХОВ. Я мог говорить о процессе, но я не помню ни об оценке, ни о существе разговора.

МАТУЛЕВИЧ. Вы помните очень точно мелкие детали, давно минувших годов, а этого не помните, тогда как ЕВДОКИМОВ Вам напоминает.

САХОВ. Я говорю точно.

МАТУЛЕВИЧ. Вы может быть уточните вопрос о посещении квартиры ЗИНОВЬЕВА, когда Вы узнали о связи ЗИНОВЬЕВА с правыми.

САХОВ. Я хотел тогда рассказать ЗИНОВЬЕВУ об этом и по-

лагал что ЗИНОВЬЕВ выскажет свое мнение по существу этого дела
Вот этого я ждал.

МАТУЛЕВИЧ. Почему это вас интересовало.

САХОВ. Потому, что для меня вопрос об отношении ЗИНОВЬЕВА
к разным группировкам был одним из основных вопросов.

МАТУЛЕВИЧ. Вы политически интересовались этим, потому что
вы являлись членом зиновьевской организации.

САХОВ. Правильно, я не отрицаю этого.

МАТУЛЕВИЧ. По вопросу о Восточной Сибири, куда Вы ездили,
Вы делали доклад и разговаривали с целым рядом лиц - с ЕВДО-
КИМОВЫМ, ГОРШЕНИНЫМ, КУКЛИНЫМ. Может быть Вы скажете оценку Ва-
шей работы комиссии и решения вопроса ЦК партии, как это рас-
цениваете.

САХОВ. По этому вопросу положение было такое. Я был в сос-
таве бригады ЦК.

МАТУЛЕВИЧ. Как вы расценивали работу комиссии, решение
ЦК партии.

САХОВ. Я считал, что работа комиссии и предложения, кото-
рые были приняты по существу этого вопроса, является совершен-
но правильными и исчерпывающими, при чем я со своей стороны
полагал-бы, что и отношения некоторых лиц можно было-бы и должно
было-бы, как мне казалось, принять более резкие меры, но прин-
ципиальная оценка ЦК партии, которая была дана по этому вопрос-
су, является по моему совершенно правильной.

МАТУЛЕВИЧ. Какие цели вы преследовали, когда информирова-
ли ЕВДОКИМОВА и ГОРШЕНИНА о результатах поездки и в Восточную
Сибирь.

САХОВ. Я честно говорю, что не было никаких целей. Я заявляю
что я беру ответственность за свою работу, но лишних слов в

этом отношении мне не хочется брать на себя.

НАТУЛЕВИЧ. Подсудимый ЕВДОКИМОВ, в каком свете САХОВ давал разговор о поездке своей в Восточную Сибирь.

ЕВДОКИМОВ. Сообщение его было очень длинным, так-что -деталей всех не упомяну. Сущность в основном сводилась к тому, что уже говорил ЮРНИН. Он подробно останавливался на разногласиях самой бригады и доказывал, что та точка зрения, на которой он стоял, ^{была} по настоящему правильнее, чем оценка остальных, которые стояли на другой точке зрения, а расхождения были, насколько я могу вспомнить вокруг того, каких лиц привлечь к ответственности за безобразия и какие репрессии к ним применить. Об этих разногласиях он довольно подробно распространялся.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. О разногласиях внутри самой комиссии по обследованию?

ЕВДОКИМОВ. Да.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. На это делался упор в целях дискредитирования руководства комиссии?

ЕВДОКИМОВ. Цель и смысл этого сообщения были такими же, какие были в наших разговорах.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Понятно - собрание всяких сличений, споров, споров, ~~мнимо~~ споров и т.д.?

ЕВДОКИМОВ. Правильно.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. САХОВ, правильную оценку дал ЕВДОКИМОВ?

САХОВ. Я по этому вопросу сказал правильно и честно.

Моя вина заключается в том, что я должен был понимать.

НАТУЛЕВИЧ. Видите ли, может быть это правильно. Это не первый разговор относительно Готтаса и т.д. Т.е. вы всегда все

теневые стороны сейчас не передавали членам вашей организации для того, чтобы их потом муссировать?

САХОВ. Я возражаю категорически только против того, что я передавал только теневые стороны. Если я где либо бывал, я всегда в последние годы после 30 года, после середины 31 года излагал все так, как я видел. Если вы спросите ЕВДОКИМОВА или другого, мне думается, что они скажут тоже самое.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Только что ЕВДОКИМОВ об"яснил, что вы говорили, главным образом, о том, что внутри комиссии по обследованию были разногласия. Это никак не вяжется с вашим об"яснением, что вы указывали то, что было напечатано в газетах. Я думаю, что в газетах не было сообщения о том, были ли разногласия в комиссии или нет, кто голосовал за ту или иную часть резолюции. Это, безусловно, является разглашением сведений, которые никак нельзя было сообщать, тем более сообщать в центр контр-революционной организации будучи прокурором.

САХОВ. Мне пред"явлено обвинение, которое все охватывает.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. У меня один вопрос. Вы говорили, что когда вы сообщили ЕВДОКИМОВУ о предполагаемой командировке в Якутск, то ЕВДОКИМОВ проявил к этому явный интерес и советовал вам возражать против поездки. Почему он советовал возражать против поездки - из соображений личных отношений, или другого порядка что вы были полезным человеком для центра?

САХОВ. Я думаю, что этот вопрос его интересовал политически по следующим причинам. Должно быть ЕВДОКИМОВ, когда я ему говорил об этой моей поездке (кажется, это было в 1982 году), расценивал это таким образом, что начинают посылать из людей, имеющих отношение к оппозиции. Его это заинтересовало. Я так понимаю. Именно поэтому он дал со своей стороны такую оценку.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. К ЕВДОКИМОВУ — следующий вопрос по этому поводу: подтверждаете ли, что вы с САХОВЫМ беседовали на тему о предполагаемой командировке в Якутск?

ЕВДОКИМОВ. Да.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Расскажите подробнее.

ЕВДОКИМОВ. Существо разговора по этому вопросу сводилось к разговору того порядка, который обычно у нас велся, если когонибудь пробывали из Москвы удалить. Это было основное и мой совет ему — на эту командировку не соглашаться, конечно, исходил из политических целей.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Вы считали его своим человеком?

ЕВДОКИМОВ. Да.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Несмотря на его звание?

ЕВДОКИМОВ. Да.

МАТУЛЕВИЧ. Вы считали, что его нужно сохранить, как кадры?

ЕВДОКИМОВ. Да.

МАТУЛЕВИЧ. И об этом САХОВ знал, что вы ему советуете всячески отбояриться от поездки, потому что он нужен в Москве, как кадры?

ЕВДОКИМОВ. Это само собой подразумевалось.

МАТУЛЕВИЧ. Но он должен был знать об этом?

ЕВДОКИМОВ. Должен был понять, причем не раз говорилось на эту тему, говорилось не только относительно командировки в Якутскую область. Много было предложений. Были предложения еще два-три раза относительно других мест, причем каждый раз мы эти предложения расценивали как стремление прокуратуры удалить лучших оппозиционеров из Москвы, а ему предлагали по возможности бороться за то, чтобы остаться.

МАТУЛЕВИЧ. Т.е. САХОВ знал, что вы расценивали его командировку — как способ убрать его из Москвы?

ЕВДОКИМОВ. Да.

МАТУЛЕВИЧ. И вы считали необходимым оставить его в Москве?

ЕВДОКИМОВ. Да.

МАТУЛЕВИЧ. САХОВ, так не было?

САХОВ. Так получалось.

МАТУЛЕВИЧ. Значит так и было, если так получалось.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Объявляется перерыв.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Суд определил: вызвать в качестве свидетеля ЕЛЬКОВИЧА Я.Р. и допросить его теперь же (входит ЕЛЬКОВИЧ).

ДОПРОС СВИДЕТЕЛЯ ЕЛЬКОВИЧА, ЯКОВА РАФАИЛОВИЧА.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Вы вызываетесь свидетелем по данному делу. Что Вам известно о к.р. работе московского центра, о связи московского центра с периферийными организациями, основных установках, которые Вы получили от московского центра и о тактике "московского центра"?

Свидетель ЕЛЬКОВИЧ. Я выступаю здесь сегодня, конечно, не как свидетель со стороны. Будучи активным участником контр-революционной зиновьевской организации на протяжении всех лет ее существования, я сам в ближайшем будущем буду держать строгий ответ за свои тягчайшие преступления перед Советской властью.

Но то обстоятельство, что с первых же своих показаний по прибытии в Ленинград я был беспощаден и к себе и к другим в разоблачении гнусной контр-революционной роли зиновьевщины,

дает мне право заверить суд, что и сегодня я буду столь же правдивым и беспощадным, не взирая на то, что сегодня судятся лица, многие из которых были в течение всех лет моими ближайшими друзьями.

Зиновьевская- контр.-революционная организация все года своего существования воспитывала всех своих членов в духе самой безудержной вражды и ненависти к руководству партии и страны, в частности, к т.СТАЛИНУ.

Выстрел 1-го декабря члена зиновьевской организации НИКОЛАЕВА явился прямым результатом, непосредственным следствием той клеветнической политики по отношению к парт.руководству, которая все время культивировалась, насаждалась и разжигалась среди членов зиновьевской организации. Обсуждение всех вопросов, любого коренного вопроса политики партии и Советской власти среди членов зиновьевской организации сопровождалось самыми злостными нападками на руководство. Все это сочеталось со злопыхательным смакованием, безудержным раздуванием и чудовищным преувеличением трудностей соц.строительства, превратив зиновьевскую организацию, активным участников которой и я являюсь, в своеобразную внутреннюю белую эмиграцию.

Мне не легко было сказать эти слова. Но я даю это определение с полной убежденностью в его правильности. Я продумал честно до конца тот позорный путь контр-революционного перерождения и вырождения, который я прошел вместе с зиновьевской организацией. Кампания клеветы, ненависти, вражды к руководству возглавлялась и-организовывалась ЗИНОВЬЕВИМ.

Я помню свои неоднократные встречи и беседы с ЗИНОВЬЕВЫМ в 1929, 30, 31, 32 г.г. Вся эта кампания клеветы, ненависти возглавлялась ЗИНОВЬЕВЫМ и шла под благом обвинения руководства партии в целом в эмпиричности, в отсутствии у этого руководства марксистско-ленинского предвидения и что, в силу этого обстоятельства, руководство это "дорого обходится стране".

Эти разговоры велись и в связи с коллективизацией уже в 1929-30г. Эта клевета против руководства партии, в первую очередь против СТАЛИНА, проходила красной нитью через всю к.р. деятельность зиновьевской организации.

Я вспоминаю в этой связи свои неоднократные встречи с ЕВДОКИМОВЫМ в период 1931-32г. у него, в гостинице "Париж" Особенно много разговоров мы вели по вопросу о сельском хозяйстве. Эти наши разговоры сопровождались клеветническими отравленными лозунгами и обвинениями руководства в эмпиричности, в том, что оно, руководство, идет ощупью. Эти обвинения особенно сильно ширмировались среди членов зиновьевской организации. Все разговоры, которые я вел с ЕВДОКИМОВЫМ в период 1931-32г. сводились к этому.

ЕВДОКИМОВ особо занимался вопросами сельского хозяйства, но считался особым специалистом по этому вопросу. Анализируя, особо подбирая и подтасовывая цифры и факты, ЕВДОКИМОВ приходил к следующим выводам: сельское хозяйство неумолимо идет к упадку, сеять в нынешнем году (1931-32) хуже, чем в прошлые годы, темпы ниже, с колхозами дело обстоит очень скверно, у колхозников нет никакой заинтересованности в судьбе колхоза, животноводство сводится на нет.

Все мои встречи с членами центра в этот период, особенно в 1932 г., ЕВДОКИМОВЫМ, БАКАЕВЫМ, ГОРШЕНИНЫМ, ГЕРТИКОМ, все отдельные собрания, о которых я упомяну, были пронизаны этими разговорами. В эти годы, в особенности в 1932г., чудовищно преувеличивались трудности колхозного движения, особенно, чудовищно преувеличивались размеры недорода в отдельных областях Союза. Я помню, в частности, одно такое собрание у БАКАЕВА в 1932г. В этом собрании участвовали: БАКАЕВ, КОСТИНА, я, ГОРШЕНИН, КОЖУРО, АНИЩЕВ, НАТАНСОН, НАУМОВ. Мне трудно сейчас точно воспроизвести отдельные высказывания. Они не носили характера специальных докладов. Обычно разговоры переходили с одной темы на другую. Я помню, в частности, злопыхательские разговоры об отставании черной металлургии, о трудностях освоения нового производства. Но особенно много, наиболее злобными, я бы сказал сейчас — буржуазно-реставраторскими, были разговоры по вопросу о коллективизации, вокруг того, будто колхозное движение зашло в тупик, отброшено далеко назад, что у колхозника отсутствует личная заинтересованность в колхозе, что встречные планы выбили всякую почву из под его ног. Я подчеркиваю здесь на суде, что в этих контр-революционных высказываниях активно участвовал и я.

К этому же именно времени, в связи с разговорами и клеветой о голоде, в связи с чудовищным преувеличением трудностей со всякими паническими капитулянтско-пораженческими разговорами о полном крахе животноводства, относятся разговоры о возможности войны, когда международное положение было достаточно обостренным. Все эти предательские разговоры подводились к

тому, что в условиях голода в отдельных районах, что в условиях отсутствия, якобы, у колхозника заинтересованности в судьбах колхоза, колхозник прежде всего подумает будет ли он воевать. Приходили к выводу, что колхозник, пожалуй, не будет воевать. Эту самую жесткую клевету против руководства, этот, по существу возрожденный клеветнический тезис повторил и я. В частности, я повторил его при своем приезде в конце 1932 года в Ленинград в разговоре с членами организации АНИЩЕВЫМ и НАТАНСОМ. При своей поездке в Ленинград, в этот период, я имел прямое задание от ГОРШЕНИНА повидать АНИЩЕВА и НАТАНСОМ, в связи с тем, что НАТАНСОМ, будто бы, ругает ЗИНОВЬЕВА за его блок с РОТИНЫМ и СТАНОМ. Этот разговор у меня проходил по прямому заданию. Я к нему еще вернусь.

В конце 1932 года, перед отправкой ЗИНОВЬЕВА в Кустанай, у меня были с ним неоднократно встречи и беседы. Все разговоры ЗИНОВЬЕВА со мной в этот период сводились к тому, что руководство партии и страны во главе с т. СТАЛИНЫМ придралось к истории со СТАНОМ, что, мол-де, бесспорно об этой платформе РОТИНА знали-все, что руководство партии придралось к этому делу для того, чтобы расправиться с ним, для того, чтобы перекрыть этим делом тяжелейшие прорывы в сельском хозяйстве. Это, буквально, дословное выражение ЗИНОВЬЕВА, которое я считаю необходимым здесь привести.

Эти оценки ЗИНОВЬЕВА я повторял при своем приезде в декабре 32г. в Ленинград в разговорах с членами организации НАТАНСОМ АНИЩЕВЫМ и ПУРГИНЫМ. Вообще о том, что каждый разговор с ЗИНОВЬЕВЫМ, с другими членами Московского центра, с ближайшим его окружением бесспорно передается дальше членам зинovieвской

организации, в частности, передавался и передается в Ленинград, об этом было известно всем и, в первую очередь, должно было быть известно и ЗИНОВЬЕВУ. В эти же мои посещения ЗИНОВЬЕВА у нас были с ним разговоры о возможностях связи в дальнейшем, в связи с его отправкой в Кустанай. ЗИНОВЬЕВ ставил вопрос, примерно, таким образом, что может быть, в отдельных исключительных случаях, если ему понадобятся особые связи, не согласусь ли я осуществить эти связи, поскольку я являюсь его ближайшим соседом по Кустанай (я работал все время в Свердловске). Это согласие я дал. Я должен отметить, что на другой день при следующей встрече, повидимому, посоветовавшись с кем-нибудь, ЗИНОВЬЕВ просил меня забыть об этом разговоре и считать его не существовавшим.

В 1933г. разжигание ненависти и клеветы против руководства партии шло, главным образом, по линии обсуждения вопросов чистки партии. Чистка изображалась таким образом, что, мол-де, руководство партии во главе с тов. СТАЛИНЫМ чуть ли не специально организует эту чистку для того, чтобы расправиться со всеми негодными и, в первую очередь, с зиновьевцами. Эти разговоры были на устах буквально у всех членов организации. Я, в частности, вспоминаю одно собрание, где разговор концентрировался вокруг этого вопроса. Речь идет о собрании у ФЕДОРОВА в 33г. на котором участвовали: я, ГОРШЕНИН, КУКЛИН, ГЕССЕН. Там зашел разговор о чистке в связи с исключением ГОРШЕНИНА и ФЕДОРОВА. Чистка снова изображалась как факт расправы. В конце 34г., я опять приехал в Москву. При встрече с ГОРШЕНИНЫМ и КОЖУРЮ мы коснулись снятия ЗИНОВЬЕВА с "Большевика". Это оценивалось нами как и вообще членами зиновьевской организации, как факт расправы с ЗИНОВЬЕВЫМ. Наконец, в ноябре 1934г., когда я был в от-

пуску, у меня была встреча в Кисловодске с ЗИНОВЬЕВЫМ. Встреча не предуговоренная, но встреча весьма характерная и показательная. В этой встрече на прогулке, когда по моей инициативе разговор зашел о снятии ЗИНОВЬЕВА с "Большевика", он, примерно формулировал вопрос следующим образом - что, конечно, подвел его АДОРАТСКИЙ, но главное не в этом. Сущность, по словам ЗИНОВЬЕВА, заключается в том, что он-де, ЗИНОВЬЕВ, завоевал огромную популярность в "Большевике", что он (ЗИНОВЬЕВ) получал большое количество писем на свое имя в "Большевик", что "Большевик" становится слишком большой и крупной, слишком важной для него трибуной, (тираж его свыше 500 тыс. экземпляров), чтобы руководство могло его оставить в "Большевике". Вот почему придирка к случаю, и снова расправа. Нет нужды здесь подчеркивать какой провокационный характер носили среди зинovieвской организации разговоры о расправе. Куда, в какую сторону они (эти провокации) направляли мысль и устремление у членов зинovieвской организации, это, в первую очередь, показал выстрел НИКОЛАЕВА.

Я повторяю, что выстрел НИКОЛАЕВА, явился естественным, неизбежным следствием всей той систематической, настойчивой, упорной кампании по разжиганию ненависти к руководству, которая велась зинovieвской организацией изо дня в день, из года в год. В накаленной атмосфере замкнутой организации накопилось столько взрывчатого материала, что взрыв был неизбежен. Об этом должен был знать каждый участник зинovieвской организации, об этом, в первую очередь, должен был знать ЗИНОВЬЕВ, у которого, больше, чем у кого либо, в памяти должен был сохраниться единственный исторический прецедент такого рода.

Я имею ввиду убийство членов финского ЦК, которое имело место в Ленинграде. Это не совсем сопоставимый факт. Обстановка и значение убийства т. КИРОВА неизмеримо крупнее и гнуснее. Но в том и другом случае есть много сходного: за спиной этих убийц членов финского ЦК во главе с РАХИЯ, стояли агенты финского правительства, здесь за спиной убийц т. КИРОВА стоял "маленький консул и его большие козьева", стояли империалисты, белогвардейская свора из Белграда и Берлина.

Я считаю необходимым подчеркнуть - в системе разложения и развращения зиновьевской контр-революционной организации роль своеобразной теории избранности, незаменимости зиновьевских кадров. Эта теория избранности красной нитью проходила через всю к.р. деятельность зиновьевской организации. Каждому зиновьевцу, каждому активисту - зиновьевцу внушалось и вдалбливалось, что он является единственным, незаменимым, что он является подлинным носителем ленинских традиций, что у него одного имеется марксистско-ленинское предвидение, что у нас сосредоточен цвет партии, что каждый должен спасать партию, а отсюда - раз ты избранный, раз ты незаменимый, значит все дозволено. Отсюда недалеко и до выстрела НИКОЛАЕВА. Эта теория избранности для меня стала особенно понятна, когда я прочитал перед своим арестом статью "Маленький консул и его большие козьева". Мне стало совершенно ясным полное родство теории "Гитлера и теории избранности зиновьевских кадров.

Контр-революционная деятельность зиновьевских кадров была наиболее опасна тем, что она была скрыта от взглядов всех густой непроницаемой пеленой самого усовершенствованного, доведенного до искусства двурушничества. Двурушничество зиновьевской к.р.

организации было введено в стройную систему, в закон для активных участников зиновьевской организации. Только активные участники зиновьевской организации могли бы помочь своевременно раскрыть и ликвидировать всю эту преступную организацию. Этого не было сделано. В результате раздался выстрел НИКОЛАЕВА.

За свои преступления перед партией я буду нести суровую ответственность, но сегодня я считаю необходимым помочь суду и следствию до конца вытравить все корни и корешки контр-революционной зиновьевщины, переродившуюся во внутреннюю белую эмиграцию.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. В декабре 1934г. в момент арестов вы были в Москве?

ЕЛЬКОВИЧ. В момент арестов я был в Москве.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Как реагировал ЗИНОВЬЕВ на арест БАКАЕВА и ЕВДОКИМОВА?

ЕЛЬКОВИЧ. О первых арестах (я остановился у ГОРШЕНИНА) мы узнали 9. XII, в частности о том, что арестованы ЕВДОКИМОВ, БАКАЕВ, ЗАЛУЦКИЙ, ГЕРТИК. Мы (ГОРШЕНИН, я и КОСТИНА) решили направить КОЖУРО предупредить ЗИНОВЬЕВА об этом. КОЖУРО пошла к ЗИНОВЬЕВУ и передала нам следующие его слова: "ЕВДОКИМОВ и БАКАЕВ арестованы. Это - конец. Дальше идти некуда". Нами всеми это было воспринято, как указание о термидорианском характере этого дела.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Скажите о роли КУКЛИНА в организации?

ЕЛЬКОВИЧ. Я считаю, что роль КУКЛИНА в организации была велика. В частности, она была велика в смысле его коренных организационных связей с Ленинградом. Я знаю, что целый ряд ленинградцев, в частности Тимофей ДМИТРИЕВ, ЛЕВИН были теснейшим образом связаны с КУКЛИНЫМ.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Как поддерживалась связь московского центра с представителями мест, т.е. с представителями организации в отдельных городах, кроме Ленинграда?

ЕЛЬКОВИЧ. Она поддерживалась, главным образом, поездками в Москву. Я знаю, что таким представителем на месте, активным представителем, я мог считать себя по Свердловску, и я поддерживал эту связь, приезжая из Свердловска в Москву, главным образом, по линии ГОРШЕНИНА. Я знаю, что поддерживали активную связь и КАПИТОНОВ из Новосибирска с ГОРШЕНИНЫМ, ФУРТИЧЕВ - из Горького, Ольга РАВИЧ из Воронежа, главным образом, через ХАРИТОНОВА.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Когда эти представители местных организаций приезжали в Москву, к кому они прежде всего обращались персонально?

ЕЛЬКОВИЧ. Большинство до высылки ЗИНОВЬЕВА в Кустанай бывало и у ЗИНОВЬЕВА, получали основные установки от него. После возвращения ЗИНОВЬЕВА из Кустаная, в целях конспирации было решено сократить количество его посещений. В частности, мне было запрещено ходить к ЗИНОВЬЕВУ. Обращались, прежде всего, к ГОРШЕНИНУ. Затем обращались по линии связей. Я уже указывал, что в значительной степени эти связи концентрировались вокруг ГОРШЕНИНА, БАКАЕВА.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Вы сказали "было запрещено" - непонятно, кем запрещено?

ЕЛЬКОВИЧ. В частности, я считаю, что это было организационное запрещение.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Кто вам это сказал?

ЕЛЬКОВИЧ. Мне сказали, что не следует ходить к ЗИНОВЬЕВУ, БАКАЕВУ и ГОРШЕНИНУ.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. ГОРШЕНИН, подтверждаете?

ГОРШЕНИН. Я подтверждаю эти показания, потому, что ЗИНОВЬЕВ сказал, что он не хочет у себя принимать своих сторонников в большом количестве, вообще чтобы к нему не ходили.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. В каких целях? В целях разрыва или в целях конспирации?

ГОРШЕНИН. Конспирации.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. БАКАЕВ, признаете это?

БАКАЕВ. Эти разговоры были втроем, когда я был у ГОРШЕНИНА и был ЕЛЬКОВИЧ. Отдельного разговора я не помню.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. К ГЕРТИКУ на квартиру Вы не ходили, ЕЛЬКОВИЧ?

ЕЛЬКОВИЧ. Ходил. У него был своего рода организационный центр, примерно, до конца 32 года. Там у него были основные связи. Я бы так сформулировал: с конца 1932 года эти связи перенеслись на квартиру к ГОРШЕНИНУ.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Когда ЗИНОВЬЕВ находился в Кустанае, кто должен был содействовать связи между ним и Москвой?

ЕЛЬКОВИЧ. ГОРШЕНИН, ЕВДОКИМОВ.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. А ваша роль какая была?

ЕЛЬКОВИЧ. Я сообщил, что был разговор, причем я дал согласие на то, чтобы в случае острой необходимости осуществить личную связь, поскольку я жил в Свердловске и был ближайшим соседом ЗИНОВЬЕВА. Но в день высылки ЗИНОВЬЕВА он в разговоре со мной просил считать этот разговор несуществовавшим и заявил, что он решил отказаться от такой формы связи.

Подсудимый ЗИНОВЬЕВ. Можно задать вопрос свидетелю? Свидетель сказал, что КОЖУРО была направлена ко мне, чтобы сооб-

щить мне об аресте ЕВДОКИМОВА и БАКАЕВА. Не было ли ей посланным дано поручение - спросить меня, как я посоветую отвечать на следствии, так как могут быть еще арестованы, в первую очередь, ГОРШЕНИН?

ЕЛЬКОВИЧ. Был поставлен такой вопрос и КОМУРО передала, что ЗИНОВЬЕВ предложил отвечать совершенно правильно то, что было, что он сам заявит, что КОМУРО ему сообщила об аресте.

Подсудимый ЗИНОВЬЕВ. Я сказал, что мой совет - сказать так как было.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Последняя ваша беседа происходила с ЗИНОВЬЕВЫМ в ноябре месяце 1934 года?

ЕЛЬКОВИЧ. Да.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. В связи со снятием ЗИНОВЬЕВА с "Большевика"?

ЕЛЬКОВИЧ. Да.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. А с КАМЕНЕВЫМ когда вы встречались?

ЕЛЬКОВИЧ. С КАМЕНЕВЫМ я встречался в более ранние периоды, по моему последняя встреча с ним относится в 1930-31 г.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Вам приходилось встречаться и с другими членами центра?

ЕЛЬКОВИЧ. С членами центра ЗИНОВЬЕВЫМ, ЕВДОКИМОВЫМ, БАКАЕВЫМ КУКЛИНЫМ, а также с ГОРШЕНИНЫМ. Я считаю, что ГОРШЕНИН является одним из наиболее близких людей к центру.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Приходилось ли вам бывать в Ленинграде, встречаться непосредственно с кем нибудь из работников Ленинграда?

ЕЛЬКОВИЧ. Да.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. С кем персонально?

ЕЛЬКОВИЧ. Я сообщил, что при своей последней поездке, когда я выполнял определенное контр-революционное задание организации

в конце 1932 года, я встречался и имел разговор с НАТАНСОН, АНИШЕВИМ, ШУРИТКИНЫМ и БАШКИРОВЫМ. В 1933 году я приезжал в Ленинград, но здесь я избегал всяких встреч, потому что мне стало известно, что моя поездка 1932 года и содержание моих установок стали известны органам власти.

Член суда МАТУЛЕВИЧ. Вы сказали, что приезжали в Ленинград, а из Ленинграда кто к Вам приезжал в Свердловск?

ЕЛЬКОВИЧ. В Свердловск в 31 г. приезжали РУИНОВ и МАНДЕЛЬШТАМ и бытность их в Магнитогорске. Последний раз МАНДЕЛЬШТАМ на несколько минут от поезда до поезда заходил ко мне в 1934 г., когда он приезжал в Свердловск.

Член суда МАТУЛЕВИЧ. Информация у вас была из Ленинграда

ЕЛЬКОВИЧ. Нет, МАНДЕЛЬШТАМ почти ничего не давал, потому что мы с ним условились встретиться к обеду. Встреча просто не вышла. Я в тот же день уехал в район.

ДОПРОС

СВИДЕТЕЛЯ ХАРИТОНОВА МОИСЕЯ (Михаила) МАРКОВИЧА.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Суд определил допросить свидетеля ХАРИТОНОВА. По данному делу Вы - ХАРИТОНОВ выступаете в качестве свидетеля. Расскажите, что вы знаете и помните о контр-революционной работе так называемого "московского центра", отдельных его членов и участников. Остановитесь на основных наиболее важных моментах.

ХАРИТОНОВ. После вступления в партию (после XV съезда) центральная группа зиновьевцев вернулась из разных мест Союза в Москву. Это было в середине 1928 г., во второй половине. ЗИНОВЬЕВ созвал у себя совещание в основном из людей, кото-

рые входили в центр этой к.р. организации. На совещании были: ЗИНОВЬЕВ, КАМЕНЕВ, КУКЛИН, ШАРОВ, БАГАЕВ, ЕВДОКИМОВ, покойный ЛАШЕВИЧ, был я и другие. Было всего человек 12-15.

После всех преступлений, совершенных нами, после такой неслыханной, гнусной контр-революционной демонстрации, которая была 7-го ноября, партия нам оказала величайшее доверие, приняла в свои ряды и, вместо того, чтобы это доверие оправдать, чтобы распустить до конца подполье, с этого совещания мы разошлись с директивными установками ЗИНОВЬЕВА о том, что к.р. подпольная н.р. работа продолжается, что политический центр остается в том же составе, в каком существовал до съезда и в каком входил в объединенный центр с троцкистами до XV съезда. Продолжать борьбу также открыто, как это было до съезда, стало невозможным, поэтому была принята установка о том, чтобы свернувшись, сохранять вокруг себя кадры, держать связь с людьми (главным образом, имелся в виду Ленинград) и продолжать работу в расчете на дальнейшую борьбу. У ЗИНОВЬЕВА была такая установка и, примерно, такие расчеты, что открытая борьба наступит скоро, в связи с большими осложнениями внутри страны хозяйственного и политического порядка или, в связи с разногласиями внутри Центрального Комитета партии. Картина рисовалась так, что в связи с затруднениями в стране, будет борьба внутри Центрального Комитета и в этом случае нас, зиновьевцев, позовут на помощь.

Чтобы иметь за собой какие то кадры единомышленников, ЗИНОВЬЕВ и считал необходимым в Ленинграде сохранить местные ячейки.

С этого момента началась полоса политического двурушничества, самого гнусного, самого подлого. Я употребляю слово "подлый" без всякой замочки, потому, что дело происходило так, что с одной стороны писались статьи для "Правды", статьи без задания, без заказа, без принуждения, по доброй воле, в которых солидаризировались с генеральной линией партии, одобряли руководство партии, отдавали дань и должное мудрому и умелому железному руководству тов. СТАЛИНА, а в то же время, часом раньше или позже, или даже в ту же самую минуту, тут же, в кругу своих единомышленников, говорилось и делалось как раз наоборот. Самая подлая и гнусная клевета, которую только можно представить, была пущена уже тогда в ход.

Как дело происходило дальше? Я лично помню два совещания, на которых я участвовал. Это было в 1928-29 г. Вероятно, было больше совещаний, но я на них не был, потому что я в 1929 г. значительную часть времени проводил в деревне, уезжая на два-три месяца. Одно совещание было в связи с высылкой ТРОЦКОГО. Участвовали в этом совещании ЗИНОВЬЕВ, КАМЕНЕВ, был ШАРОВ, кажется, КУКЛИН, ЕВДОКИМОВ, я был. Всего было человек 7-8. ЗИНОВЬЕВ делал информацию по поводу решения о высылке ТРОЦКОГО и характеризовал это решение в самых резких выражениях. Помню, что он тогда употребил слова - "острое блюдо". Затем взял слово БАКАЕВ и, отчасти под впечатлением этой информации, внес предложение, чтобы мы, т.е. группа ЗИНОВЬЕВА выступили с протестом против высылки. Я первый после этого выступил и решительно возразил против этого предложения БАКАЕВА.

Среди прочих мотивов я выдвинул такой: как же мы можем

заступиться за ТРОЦКОГО, если мы не знаем, что ТРОЦКИЙ будет завтра делать. Заступившись за него, мы будем нести полную политическую ответственность за все, что он будет завтра делать. Всем известно, что ТРОЦКИЙ очень скоро, как только он очутился за границей, превратился со своей группой в передовой отряд международной контрреволюции. Меня поддерживал ШАРОВ и, если не ошибаюсь, к этому склонился и ЗИНОВЬЕВ. Так ничего и не решили.

На другом совещании, которое было, примерно, в начале 1929 года (в котором я участвовал) состав был тот же. Кто то приехал из Ленинграда и сказал в радостных тонах, что в Ленинграде намечается восстановление работы, восстановление связей и, главным образом, сближение двух частей зинovieвцев той части, которая, во время 15 съезда отошла от ЗИНОВЬЕВА и шла за САФАРОВЫМ, так называемые "безвозденцы" и той части, которая шла за ЗИНОВЬЕВЫМ. Говорилось о том, что устанавливается контакт по районам, по одному человеку от каждой стороны, что связи мыслятся по типу "цепочки", причем тогда называли имена людей, которые должны были возглавлять эту работу. Насколько я помню называли ЛЕВИНА Владимира, ЯКОВЛЕВА Моисея, с одной стороны и РУМЯНЦЕВА Владимира с другой стороны. Все участники совещания, за некоторым исключением к этому совещанию отнеслись положительно. ЗИНОВЬЕВ особенно был рад и потом в беседах приводил даже этот факт в пример москвичам. "Вот, мол, вы москвичи (т.е. те, которые живут в Москве и были связаны с Москвой), ничего не делаете, в то время как ленинградская оппозиция продолжает работать". Особенно ЗИНОВЬЕВ ценил РУМЯНЦЕВА, которого он считал человеком, очень способным, решительным, энергичным

человеком не слова, а дела. Я лично РУМЯНЦЕВА не знал, видел его только один раз, но помню какое о нем сложилось у меня представление под впечатлением разговоров о нем.

Остальное я могу рассказать только по личным беседам с ЗИНОВЬЕВИМ, так как на совещаниях больше не участвовал, во всяком случае не помню таких совещаний. А бесед у меня в дальнейшем было порядочно в 1929г. и еще в 1930г. Я помню, когда ЗИНОВЬЕВ говорил о возвращении бывших оппозиционеров в Ленинград. Это относится к 1930г и, быть может, даже к началу 1931 года. Точную дату я установить не могу. Он расценивал факт возвращения ленинградцев обратно в Ленинград очень положительно, так как это означало накопление сил. Надо иметь в виду, что единственной, или почти главной надеждой у ЗИНОВЬЕВА на будущее, была надежда на Ленинград, потому, что в Москве к тому времени связей почти не было. Дальше этого политического контрреволюционного центра у москвичей связей по Москве почти не было, в то время, как в Ленинграде были связи по районам, с отдельными людьми и т.д.

В беседах со мною ЗИНОВЬЕВ затрагивал политические события внутри страны, деревенские вопросы, главным образом, о коллективизации, хлебозаготовках, положении с животноводством и т.д. Беседы были большей частью вдвоем, иногда присутствовал кто либо из лиц, часто приходивших к ЗИНОВЬЕВУ, как-то: БАКАЕВ, ЕВДОКИМОВ, КУКЛИН. Настроение ЗИНОВЬЕВА в этот период 29-30г.г. было не всегда одинаковое, но преобладало враждебное настроение по отношению ко всей политике, ко всей линии партии. Даже и тогда, когда у ЗИНОВЬЕВА было просветление и он одобрял линию партии, он всегда в конце беседы сво-

рачивал на руководство и тут в очень яркой форме проявлялись нападки, осуждения, клевета — самая гнусная, как я сказал вначале. Я однажды задал ЗИНОВЬЕВУ вопрос в упор: "Вы со мной 15 минут говорили относительно линии партии и ее одобрили и тут же, перейдя на руководство, дали такую убийственную критику, такую резко-отрицательную оценку, что никак это не увязывается". ЗИНОВЬЕВ обычно давал ответ: "Слишком дорого все это стоит стране".

Я себя спрашивал и раньше и потом и, особенно, сейчас — чем объясняется то, что в наших беседах ЗИНОВЬЕВ от критики общей линии больше переходил к личным нападкам и клевете на руководство партии. Я объясняю себе это таким образом, что чем дальше от 15 съезда, тем труднее становилось нападать на линию партии, потому что факты жизни, все что происходило в стране, победы, которые были уже тогда на хозяйственном фронте, делали все труднее нападки на линию партии, особенно, когда говоришь с человеком, который сам участвует в борьбе, который сам охвачен в известной мере пафосом строительства. Поэтому центр тяжести антипартийной деятельности был передвинут на клевету против руководства партии и, если у собеседника ЗИНОВЬЕВА теплился какой нибудь огонек антипартийных установок, ЗИНОВЬЕВ всегда старался этот огонек разжечь, увеличить и лучшим средством была система клеветы. Одно время у ЗИНОВЬЕВА были разные настроения, когда у него, как мне казалось, было просветление в отношении партии и руководства. Одно время у него вырвалось такое выражение: "До каких пор мы будем терпеть? Что мы — большевики — чорт побери, или кто мы такие?" Мне эта фраза запомнилась потому, что это было

последним толчком, который меня окончательно оттолкнул от него, ибо я понял, что хожу вокруг очень опасного человека.

Какова политическая оценка всего этого?

Двурушничество, злостная, гнусная, подлая клевета, распространившаяся в этом кругу, главным образом, со стороны ЗИНОВЬЕВА, в таких головах, как РУМЯНЦЕВ, КОТОЛЫНОВ и др., которые сами были враждебно настроены к партии, ничего другого, кроме как пестования фашистско-террористических настроений и замыслов, не могли вызвать. И не случайно, что среди этой группы зародилась гнусная провокаторская "идея", которую они привели в исполнение 1-го декабря прошлого года.

И, если говорить правду, а мы обязаны суду сказать всю правду до конца, как бы горька она не была для всех нас, то надо сказать, что между квартирой ЗИНОВЬЕВА и выстрелом 1-го декабря есть прямая нить, если не физическая, так политическая. Как бы горек и тяжел этот факт не был, но он остается и от него никуда никому уйти нельзя. Политическая ответственность должна пасть на всех тех, которые, начиная с 1928г., продолжали контр-революционную работу, которые ввели сеть исключительно подлой клеветы против руководства партии и отдельных ее представителей.

Я не помню сказал ли я лично ЗИНОВЬЕВУ или кому нибудь из группы, но при заявлениях с их стороны, что линия партии правильна, а руководство не годится, я сказал, что эти их позиции ничем не отличаются от позиции МИЛЮКОВА во время кронштадтского восстания, когда он дал лозунг: "За совети, но без большевиков". МИЛЮКОВ прекрасно понимал, что, если удастся свергнуть большевиков, то совети отпадут. В позиции - "за

генеральную линию, но против руководства" была та же гниль, фальшь, явившаяся продолжением контрреволюционной борьбы и против генеральной линии и против руководства партии. Я как то зашел к ЗИНОВЬЕВУ на квартиру, пожалуй, это было в 1931 году и он мне показал статью, которую он написал по поводу фашизма, статью он показывал и другим. Статья мне в общем понравилась, я сделал несколько мелких замечаний и спросил, почему он эту статью не посылает в "Правду" или в "Большевик"? На это он мне ответил буквально: "Вы наивный человек, вы думаете, что Центральный Комитет партии, т. СТАЛИН не знает, что происходит в Германии? Разве они не видят, что фашисты идут к власти, но никаких мер не принимают?" (Эта статья была директивного характера). "Если я сунус с этой статьей, мне скажут, что - куда ты суешься, от тебя советов не спрашивают и ничего, кроме раздражения, это не принесет".

Вот, примерно то, что я мог вспомнить.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Подтверждаете ли Вы характеристику РУМИНЦЕВА, данную вами в показаниях на предварительном следствии, со слов ЗИНОВЬЕВА, тут записано: "Лично В. РУМИНЦЕВА я не знаю, но ЗИНОВЬЕВ отзывался о нем всегда положительно, говорил, что он решительный и твердый человек".

ХАРИТОНОВ. Подтверждаю.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. В каком году вы выехали из Москвы?

ХАРИТОНОВ. В 1932 году. Я порвал связь с организацией значительно раньше.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Допрос всех подсудимых и свидетелей закончился. Приступаем к последним словам подсудимых. Последнее будем слушать в том же порядке, как велся допрос.

слово

Подсудимый ЕВДОКИМОВ, пожалуйста.

ЕВДОКИМОВ. "Я буду очень краток. Сейчас я еще больше чувствую ответственность, которую я должен нести перед партией за все мои преступления и за злодейское убийство тов. КИРОВА.

Председательствующий прав, когда обращается к нам с просьбой не повторять того, что сказано. Я только считаю необходимым сказать, что моя первая речь страдает большими недочетами и для того, чтобы эти недочеты устранить, я заявляю к этой речи для того, чтобы вполне охарактеризовать, что из себя представляла наша контр-революционная организация, какая цена нашим преступлениям, содеянным перед партией и рабочим классом, перед советской властью и международным рабочим движением, чтобы дать соответствующую оценку ^{ЭТИМ} нашим преступлениям - надо прибавить такие речи, как речь ТАРАСОВА звана, которая произвела на меня громадное впечатление, как сегодняшние показания ЕЛЬКОВИЧА и ХАРИТОНОВА, как речи других, которые особенно подчеркивали то обстоятельство, что чем дальше, тем безидейней, тем безпринципней и, вместе с тем, оголтелей была наша борьба против партии.

И вот, учитывая все это, я заявляю суду и на этом кончаю свою последнюю речь:

Я подписался под обвинительным заключением, что я признаю себя виновным в пределах моих показаний. А теперь я говорю: нет, я признаю себя виновным по пред"явленному мне обвинению в полном его об"еме, в полном его значении, в полном его содержании.

И, как я уже говорил в конце первого своего слова и любое решение суда приму, как решение справедливое, как

мною целиком заслуженное и единственным моим ответом на любое решение суда будет:

ДА ЗДРАВСТВУЕТ ПОБЕДА КОММУНИЗМА ВО ВСЕМ МИРЕ!

ДА СГИНУТ ВРАГИ КОММУНИЗМА!

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Подсудимый АНИШЕВ.

АНИШЕВ. " Я в течение всего следствия тщательно старался найти что либо серьезное, что я мог бы привести на Суде в свое оправдание. Я должен сказать, что я этого не нашел. Говорить о хорошей работе моей, как директора? Да, я во время чистки получил характеристику образцового директора, не нарушающего ни в чем генеральную линию партии. Но ведь это и есть двурушничество? И совершенно правильно комиссия по чистке за двурушничество исключила меня из партии.

Говорить о том, что я с конца 1933 года начал пересматривать свои позиции и приходить к выводу и необходимости порвать связи и что в 1934 году я ни с кем не виделся? Но то, что я в 1934 году не был активен - нельзя рассматривать как разрыв связи. Если бы я пришел и полностью разоблачил организацию, тогда это было бы некоторым оправданием. Я подчеркиваю, некоторым оправданием потому, что я отвечаю не за 1934г., а за 9 лет, т.е. за большую половину всего, после октябрьского периода, 9 лет из 17-ти лет. Поэтому я не буду говорить в оправдание, а скажу в свое обвинение.

Здесь, я прежде всего должен заявить суду, что я не присоединяюсь к речи Евдокимова и не по той причине, по которой не присоединяется Сахов, а потому, что считаю ее недостаточной и несовпадающей с той оценкой, которая дана нам партией.

Мне представляется, что двух моментов не хватает в речи ЕВДОКИМОВА. Нет оценки наших вождей. Я считаю совершенно правильным, что в тот же день, или после опубликования резолюции актива ленинградского и московского, где имелось сообщение в связи с убийством т. КИРОВА нашей организации, была написана статья, посвященная оценке ЗИНОВЬЕВА и КАМЕНЕВА. В этой статье нам была дана всем известная партийная оценка, начиная с того, что говорилось о штрейхбрехерстве в 1917 году двух известных нам людей. Почему всю оценку ЕВДОКИМОВА нельзя признать достаточной оценкой нашей организации? По очень простой причине, потому что для нас ЗИНОВЬЕВ и КАМЕНЕВ были не только вождями, а были программой, программой ввода их в Политбюро. Вся оценка эта недостаточная оценка контр-революционности нашей позиции:

Во-вторых, я считаю, что у ЕВДОКИМОВА недостаточная оценка нашей связи с убийством тов. КИРОВА. Вот сейчас я значительно ближе подошел к этому. Тут я хочу остановиться на одном основном вопросе. Я себя признал виновным по первому же вопросу суда и мне казалось, что этим самым я целиком сказал о том, что я присоединяюсь к оценке ЕВДОКИМОВА, к той оценке нашей организации, которая дана партией и которая, во всяком случае, сейчас выражена в обвинительном заключении. Вот как я понимал, когда сказал, что признаю себя виновным. Но тот туман, который внес своим психо-анализом ЗИНОВЬЕВ — заставляет к этому вопросу вернуться и его расшифровать. Получается, что обвинительное заключение, которое я рассматривал как ту оценку, которую партия сейчас нам дает и под которым я должен подписаться или не подписаться и тем самым сказать — согласен я с партией, или не согласен, это

обвинительное заключение, совершенно ясно говорящее, что убийство тов. КИРОВА является последствием нашей работы и оно, оказывается, недостаточным. Мы, конечно, не юристы, но в этом обвинительном заключении имеются статьи 17, 58-8 и мы должны понимать, что это значит.

Мы сейчас подсудимые, а не находимся на партийном съезде: Мы это недостаточно твердо понимаем.

Что значит статьи 17, 58-8? - подстрекательство к террору. И когда я говорил о том, что я признал себя виновным, то имел ввиду, что признаю себя виновным в подстрекательстве к террору. Никакой другой формулировки не будет достаточно, если Вы хотите сказать, что соглашаетесь с той оценкой, которую партия дает нас сейчас.

Почему я тогда делаю такое ответственнейшее заявление, делаю первый раз в жизни? Почему признаю себя виновным? Потому что я, в частности являлся одним из звеньев в той цепи, по которой велась подстрекательская ненависть к вождям партии и в частности к тов. КИРОВУ.

Организация московского центра вела непосредственно к револьверу НИКОЛАЕВА.

Вот почему я признаю себя виновным и если бы я знал, что эта виновность не носит подстрекательского характера и я сам не проявил бы инициативы в этом деле, то я сказал бы, что это не моя вина, я не согласен с этой виновностью.

Теперь о том, что ЗИНОВЬЕВ говорил. Ведь, оказывается по ЗИНОВЬЕВУ, что я передавая московские настроения в Ленинград, передавал не только ненависть, а и любовь к КИРОВУ. КИРОВА, видите ли, очень любили в Московском центре.

По моему выходит так, что ЗИНОВЬЕВ хочет запутать суд в этом деле.

Вы, ЗИНОВЬЕВ, говорите, что эта оценка организацией КИРОВА изменилась за последние годы. Было бы гораздо проще, не говорить здесь о том, что если бы Вы знали что-нибудь, то заявили бы органам власти, а стоило Вам по этой самой цепочке организации вниз спуститься только одно слово, что мы о КИРОВЕ говорили ложь. Сказать, что те сведения, которые мы раньше распространяли про КИРОВА, были злобной ненавистью. Это сыграло бы решающую роль и, может быть, не было бы первого декабря и мы не сидели бы здесь.

Как можно после этого - с одной стороны признать себя виновным, а с другой делать всякие оговорки? А ЗИНОВЬЕВ признал себя виновным только с одной стороны. Это называется напускать туман на советский суд.

Я должен остановиться еще на втором вопросе, связанном с выступлением ЗИНОВЬЕВА. Этот вопрос о "безвозвращенцах". Я сам никогда не был "безвозвращенцем".

Сейчас передо мной стоит вопрос такой: что же у нас было? Оказывается, по ЗИНОВЬЕВУ получается, что были две к.р. организации - одна "безвозвращенцев", другая - нет. Одна организация пассивная, а в другой - наоборот, нарастали террористические настроения. Я не имею достаточных данных, чтобы в этом вопросе разобраться, но я должен суду заявить, если суд признает, что были две к.р. организации, то я состоял в обеих к.р. организациях.

Я связался с ЛЕВИНЫМ, САФАРОВЫМ и РУМЯНЦЕВЫМ, я лично расцениваю постановку вопроса о двух организациях, как поли-

287

тическое шулерство, которое имеет задачу - убить сразу двух зайцев. Во-первых, свалить с одной организации на другую всю ответственность, за которую мы отвечаем одновременно, и другое - дискредитировать показания САФАРОВА, который, как известно, являлся руководителем к.р. группы "безвозвратцев".

Я лично считаю, что никаких двух организаций не было, ни в каких двух организациях я не состоял, а состоял в одной. И все, начиная от ЗИНОВЬЕВА и кончая НИКОЛАЕВИМ - состояли в одной зинovieвской организации. И, когда ЗИНОВЬЕВ говорит в своих показаниях: "они - негодяи", то этот термин лежит не в области политики и судебной ответственности, а в области морали. Я считаю, что негодяи имеют политическую фамилию, ту же самую политическую фамилию, как и у меня - "зинovieвец".

Для меня самым трудным было то, что я виноват перед партией, то, что я виноват перед страной. К этой мысли, к пониманию этого, я пришел постепенно, этапами, но до ареста. Самым трудным мне было признать, что я виновен именно так, как мне приписывает обвинительное заключение. Я себя именно так признаю виновным, именно так, как я сейчас говорю. Я понимаю свое первое слово на этом суде, что я себя признаю виновным.

О том, что наша организация разбита до конца, я думаю говорить не приходится. Это основной итог. Но мне, кажется, нужно указать еще один момент, чем мы разбиты? Я считаю, что мы разбиты не репрессиями и даже не этим судом. Мы разбиты принципиальной, выдержанной линией СТАЛИНА и всего руковод-

ства ЦК в борьбе с нами. Это раз. И успехами социалистического строительства - два. То-есть разбиты, другими словами, как безпринципная группа врагов социалистического строительства. И, когда здесь КАМЕНЕВ приправлял меня, спрашивая - где это была ставка на трудности, на восстания и прочие вещи, я настаиваю еще раз: КАМЕНЕВ знал, что была ставка на затруднения, что в этом мы видели способ осуществления нашей программы.

О каких затруднениях, на которые мы ставили ставку шла речь? Личные затруднения СТАЛИНА или затруднения Советской власти.

Что какойнибудь мелочи не хватает на рынке? Не об этих затруднениях шла речь. Речь могла идти о тех затруднениях, которые могут выливаться в разрыв ссмычки между рабочим классом и крестьянством, в результате чего бывают крестьянские восстания. И, во-вторых - (об этом говорил БЕДОРОВ) в разрыве связи рабочего класса с партией.

Как результат этого - пораженческие настроения, в смысле де военной обороны Союза. Этот вывод нужно признать.

Я также считаю, что нужно формулировать так, и так я формулирую - я был врагом социализма, социалистического строительства. Этим все сказано. Говорить о суб"ективных и об"ективных настроениях и переживаниях? Пускай занимаются этим делом психологи.

Когда я говорю, что мы разбиты, я не имею ввиду, что партия сейчас может сложить оружие, я думаю, что мы здесь должны сказать вот еще о чем. Мы разбиты до конца. Но и в стране и в партии еще остались наши хвосты и скрытые троцкисты, и правые, и много еще других, с кем мы в той или

ной форме пытались блокироваться. Я сейчас заканчиваю. Когда я все это говорю, то я должен дать такую оценку. Для меня совершенно ясно, что какое бы ни был приговор суда, клеймо — контр-революции на мне есть, в партии мне никогда не бывать, но очищение от той скверны, в которой я варился в течение этого времени, я чувствую и это меня облегчает и заставляет твердо смотреть на то, что меня ожидает впереди."

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Подсудимый БАКАЕВ.

БАКАЕВ. " Я, точно под гипнозом жил последние 9 лет. Активный участник трех революций, я 20 лет боролся за пролетарскую диктатуру, а кончаю свою политическую жизнь на скамье подсудимых Пролетарского Суда этой диктатуры.

Стыдно, но нужно сказать, что только в тюрьме я понял всю глубину своего падения и то не сразу. Первое чувство, которое овладело мной — это обида, обида эта переросла в озлобление.

Я склонен был об"яснить свой арест сведением счетов со старыми политическими противниками. Нужно было приси- деть, подумать, проанализировать свое прошлое для того, чтобы понять как низко я пал и что все мое прошлое за последние 9 лет обуславливает трагическое событие в Ленин- граде, кровавую развязку.

Я недоволен своими показаниями Суду. Может создаться впечатление, что я пытаюсь установить какие то оттенки в степени ответственности за все те годы, в которые я состо- ял в зиновьевском центре. Нет, никаких оттенков. Я пол- ностью подтверждаю показания, откровенные показания, дан-

ние мною во время предварительного следствия.

Здесь АНИЩЕВЫМ было брошено мне в лицо тяжелое обвинение в звериной ненависти к СТАЛИНУ. АНИЩЕВ ни одного конкретного факта не привел в подтверждение этого обвинения. Я заверяю Суд, что это неверно. Все мое прошлое, все, что есть лучшего в моем прошлом связано персонально со СТАЛИНЫМ. Так оно было. И тюрьмы (Андрей ВИННИСКИЙ помнит это), и нелегальная партийная работа - связаны с ним. Это - лучшие мои воспоминания.

Я в самые горячие моменты фракционной борьбы, когда де-

271 274

магогия частенько являлась одним из сильных аргументов борьбы с противниками, никогда не допускал выпадов против СТАЛИНА.

Что довело меня до скамьи подсудимых пролетарского суда? Я об"ясню это двумя причинами:

1) фанатической антипартийной борьбой (которую вел я, начиная с 14 партс"езда, когда были отброшены все партийные грани, когда мы обоими ногами встали на путь второй партии и фактически уже перешли к методам и формам политической, по сути дела, антисоветской борьбы. Конкретные факты приводить не стоит. Они всем ясны (7 ноября, нелегальные собрания и т.д.)

2) слепой и безграничной верой в вождей. Я знал ЗИНОВЬЕВА и КАМЕНЕВА задолго до 17 года. Я знал их до встречи с ними. Но их работал в социал-демократических и других партийных изданиях я учился большевизму. Я верил им безгранично. Я привык рассматривать их как непрложные авторитеты. Я считал их учениками ЛЕНИНА.

Я хочу сказать, что я ошибся. ЛЕНИН никогда не учил нас тому, что делали ЗИНОВЬЕВ и КАМЕНЕВ.

Во время следствия я узнал, что КАМЕНЕВ и ЗИНОВЬЕВ чуть ли не второй день после 15 с"езда начали вести с правыми переговоры о блоке. Мне они говорили, что встречаются с правыми потому, что это единственное окошечко, через которое можно видеть, что делается в ЦК и в Политбюро ЦК.

Наши вожди - ЗИНОВЬЕВ и КАМЕНЕВ на деле тогда уже начали торговлю с правыми (из-за чего особенно и началась внутри-партийная борьба ленинградской

оппозиции), фактически блок с ними, фактически поддержка всех капитулянтских идей, которые ведут к реставрации капитализма в нашей стране. ЛЕНИН не учил нас этому.

Наши вожди оказались разоблаченными гешефт-мастерами от политики, постоянно готовыми в любой момент начать торговлю идеями, лишь бы пробраться к рулю управления политической жизнью в стране.

Этот итог, который я должен сделать на суде.

Я ошибался в вождях, я ошибался в своем отношении к партийному руководству. Я совершил величайшее преступление против партии рабочего класса и его правительства. Я просил бы дать мне возможность на деле доказать фактами, что я смогу отдать весь остаток своих сил за дело пролетарской революции.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Подсудимый ГОРШЕНИН.

ГОРШЕНИН: Я еще раз признаю себя виновным в тех преступлениях, которые пред"явлены мне обвинительным актом.

Как бы ни было горько носить проклятие и позор, который связан с именем контр-революционера — мы должны здесь открыто признать, что наша организация была контрреволюционной, что она явилась основной причиной того, что в Ленинграде сделано фашистскими элементами.

Персонально моя виновность укрепляется еще тем, что я за 15 лет, которые был членом ВКП/б/, 9 лет употребил на то, чтобы бороться против партии и против Советской власти, хотя бы в организации контр-революционной зинovieвщины.

Я глубоко раскаиваюсь во всех этих преступлениях и буду считать тот приговор, который вынесет

Верховный Суд, как бы жесток он ни был, только справедлив.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Подсудимый ГЕССЕН.

ГЕССЕН: Я признаю себя виновным в полном объеме пред"явленного мне обвинения и признаю свою долю ответственности за все происшедшее.

Для определения моей личной доли ответственности о всем ходе событий, я должен сделать одно замечание:

По отношению ко мне в материалах следствия имеются различные показания. В одних списках состава центра, данных обвиняемыми по настоящему делу, я фигурирую как член этого центра. В других списках я называюсь активным зиновьевцем, тесно связанным с центром. В показании ЗИНОВЬЕВА я выступаю как лицо близкое к центру. Это противоречие понятно, потому что формальных признаков принадлежности к центру не было и истолкования могут быть различны. Для того, чтобы передвинуть этот вопрос из плоскости формально-организационной в плоскость политической ответственности, я должен сделать суду следующее заявление:

Я признаю, что почти всякий раз, когда я бывал в Москве, я принимал участие в работе центра, или встречался с членами центра и участвовал в обсуждении вопросов тактики и деятельности зиновьевской организации.

Я признаю, что приезжая в Москву, узнавал от членов центра о всем том, что происходило между моими приездами и, следовательно, если я мог не знать каких либо деталей, хотя бы и важных, то все основные политические настроения центра, его решения, его директи-

ви, были мне известны.

274

277

Я признаю, что в отдельных случаях, которые перечислены в моих показаниях на предварительном следствии, я выступал, как официальный представитель центра, выполняя его поручения.

Я признаю, наконец, что сама ограниченная возможность моего участия в работе "московского центра", или по его поручению, или по его заданию — вызывалась причинами, от меня независимыми, — моим отсутствием из Москвы.

Все это заставляет меня признать, что в смысле политическом, как-бы суд не решал — этот в конце концов второстепенный и формальный вопрос, я должен нести ту же ответственность, которую несет целый ряд моих товарищей по данному делу, признание членами "московского центра".

К своим показаниям, данным на предварительном следствии, я должен внести одно исправление не со стороны фактического содержания, но со стороны освещения хода событий. Я в своих показаниях особенно подчеркивал и не раз возвращался к этому моменту, что в 1933-34 г.г. ни у меня, ни у тех членов центра, с которыми я встречался — ЕВДОКИМОВА, ГОРШЕНИНА и других, не было никаких практических установок на возобновление борьбы против партии, что наши разговоры между собой носили разговор простых "домашних" свиданий единомышленников, которые в другом месте "по душам" не могут поговорить.

Я не оспариваю сейчас своего утверждения с фактической точки зрения, но с точки зрения политической вся связь событий представляется мне иначе. Во

275
время предварительного следствия я думал, что выступил НИКОЛАЕВА являясь результатом действия той силы, которую мы привели в движение раньше до конца 1932 г. и которая дальше действовала автоматически без нас. Если я из этого не делал вывода о снятии с нас ответственности, то мне казался все же источником какого то морального самутешения тот факт, что под конец мы не ставили перед собой актуальных практических задач, что мы занимались грубо говоря, простым судачением в домашней обстановке.

Я думаю сейчас, что дело обстоит совершенно иначе и что, может быть, самым вредоносным периодом в нашей деятельности, за который мы должны нести самую тяжелую ответственность, — являются как раз последние два года.

Раньше я ставил вопрос так. Я не встречался с Владимиром РУМЯНЦЕВЫМ лет пять, не видел Ивана КОТОЛНОВА лет шесть, не виделся с Сергеем МАНДЕЛЬШТАМОМ тоже с очень давних пор. Следовательно, те идейные процессы, которые переживались ими, шли независимо от меня и от тех людей, с которыми я держал постоянную связь. Теперь я думаю иначе. Смычка между нами и ними была. Я разговаривал в Москве с ЕВДОКИМОВЫМ, с ГОРШЕНИНЫМ или с кем другим — и при той тесной переплетенности связей, при тех интимных, домашних почти семейных отношениях, которые были в нашей среде и которые достаточно выявились здесь на суде, эти разговоры через ряд промежуточных звеньев доходили, не могли не доходить до РУМЯНЦЕВА, МАНДЕЛЬШТАМА и других то, что мы попрежнему злобно настроены против партийного руководства — это они

знали. То, что мы не ставим перед собой никаких практических задач — они знали также. Но когда эти разговоры и притом именно с обеими сторонами медали, доходили из квартир ЕВДОКИМОВА в Москве, до квартир РИМЯНЦЕВА в Ленинграде, когда они приходили к людям иного склада, иного темперамента, иного прошлого, то те же слова начинали звучать иначе. Что они должны были сказать себе, слыша то, что мы говорили между собой? — В ближайшем окружении ЗИНОВЬЕВА и КАМЕНЕВА говорят все, что раньше утверждалось, верно, но перспективы не дают и практических выводов "старики" не делают, — тогда люди, которые были настроены иначе, начинали сами поиски практических выводов, стали ставить вопрос по своему и ставить так, как это совершилось 1 декабря.

Вот почему я считаю, что не является для нас спасением то, что мы не ставили перед собой практических задач. Вся эта наша длительная, бесконечная контр-революционная жвачка, пусть беспечная, пусть бесплодная, в сочетании с полным отсутствием политических перспектив, путей, выходов и было самым ядовитым началом, которое себе можно представить, и именно из сочетания этих двух моментов станет, может быть, яснее всего то, что совершилось первого декабря здесь в Ленинграде.

Я должен отмежеваться от некоторых утверждений ряда моих товарищей по процессу. Одни говорят, что они впервые на суде услышали о разговоре с ЛОМИНАДЗЕ и ШАЦКИМ, другие негодовали, что без их ведома происходили встречи и И. Н. СМЕРНОВИМ и ИРАЧКОВСКИМ.

Это утверждали и некоторые члены центра или близкие к центру люди, отсюда делался вывод, что не только отношения с партией, но и внутренние отношения зиновьевской организации, были построены на обмане, что вожди обманывали даже своих ближайших сторонников. Это неверно. Я говорю это не к тому, чтобы оправдать вождей зиновьевской группы и не для того, чтобы сказать, что это мои товарищи обманывают суд. Я думаю другое: они сами себя обманывают. Подумать только! Веседа БУХАРИНА с КАМЕНЕВЫМ всем была известна? — Была всем известна с какого времени? Не позже как с января 1929 г., т.е. ровно шесть лет назад. Тот факт что написанная Рютиным платформа, сейчас же через СТОНА попала в руки ЗИНОВЬЕВА, всем был известен? Был известен. С какого времени? С декабря 1932 г. Это вы знали товарищи и из этого никаких выводов для себя не сделали.

Так если вы знали, что были какие то формы смички с вчерашними противниками — как же вас могут поразить поиски смички с вчерашними союзниками? Вы знали о том, что СТОН был постоянным посетителем у ЗИНОВЬЕВА и КАМЕНЕВА, а вот разговор с ШАЦКИНЫМ оказывается теперь для Вас неожиданностью. Я заявляю суду: я мог не знать и не знал некоторых деталей, подробностей, крайностей, некоторых действительных чудовищных явно белогвардейских разговоров, которые происходили между отдельными зиновьевцами, — но основное содержание — дух всей деятельности нашей зиновьевской группы, был мне известен. И следовательно, ответственность я должен нести полностью и целиком, без всякой ссылки на то, что меня ктонибудь об-

Но тем решительнее я должен сказать о том, что я не могу пройти без обсуждения мимо той линии поведения, которую бывшие вожди нашей зиновьевской организации заняли на предварительном следствии и здесь, на следствии судебном. Я понимал, что их положение, как и у всех нас очень тяжелое, безвыходное. Вернуть назад то, что произошло, что было раньше — невозможно. Но я, по крайней мере, ожидал от них, что под самый конец здесь, у этого барьера, они станут хоть немножко похожи на тех, какими мы их знали когда то, что в каждом из них проснется пролетарский революционер, что они сумеют закончить свое политическое существование, хотя бы с каким нибудь достоинством. Я не могу пройти без осуждения мимо таких вещей, как попытка ЗИНОВЬЕВА расщелить зиновьевскую организацию на "безвозвращенцев" из молодежи и нашу основную группу "23". Фактически это верно, я спорить не буду — были такие прослойки. Политически это в корне ложно. Разговор идет не на заседании зиновьевского центра о внутренних, домашних делах нашей организации. Вопрос поставлен на политическую почву перед глазами всего мира, в конце концов. И на этой мировой арене выдвигать вопрос о том, что РУМЯНЦЕВ задирает нос внутри зиновьевской организации, что РУМЯНЦЕВ не ходил ни к ЕВДОКИМОВУ, ни к БАКАЕВУ и что в этом в какой то степени можно искать объяснение происшедшему, — это я не могу признать связанным хотя бы с одним граммом политического достоинства. У нас были свои внутренние трения, верно. Но чей это был молодняк? Чей приплод? Чьи отпрыски? Кто воспитал их?

Мы. Как раз в январе 1925 г., во время пленума ЦК партии мы начали окочачивать первые кадры молодежи в нашей организации — ТАРАСОВА, ФАЙВИЛОВИЧА, РУМЯНЦЕВА, КОТОЛНОВА и др. 10 лет — как раз "юбилей". Кто вел их на демонстрацию 7 ноября 1927 года? Мы вели. После 15 с"езда, когда они спутались сначала с САФАРОВИМ, кто научил их тому, что можно вернуться в партию не пересматривая своих убеждений, что партию можно обмануть. Это наша идея — мы их научили. От кого они на протяжении последнего периода получали политические оценки и настроения, пусть иногда искаженные и переиначенные, при прохождении через все промежуточные звенья? От нас питались они этими соками. Это та молодежь, которую мы воспитали и за которую мы должны принять на себя полную политическую ответственность.

Я не могу признать связанным хотя бы с одним граммом политического достоинства заявление КАМЕНЕВА о том, что он повинен в слепоте, что он не заметил существования московского центра, собиравшегося у него на квартире.

Я не буду вдаваться в дальнейшую полемику с ним; не знаю для кого и для чего такая полемика сейчас могла бы быть нужна. Скажу только несколько слов в заключение.

Я хотел сказать вчера, после дачи мною показаний, потом отложил на сегодня и думал это сделать сейчас. Я хотел дать хотя бы в сжатых словах, анализ, оценку тому, чем была группа или организация ЗИНОВЬЕВА и КАМЕНЕВА, как оружие контр-революции, как магнит для всех контр-революционных сил внутри партии, вне ее, как очаг, в котором воспитались НИКОЛАЕВИ и им подоб-

ние. Я раздумал делать это. Меня останавливает не только то, что здесь много обо всем этом уже сказано и для суда нет никакого интереса слушать повторение одного и того же — меня останавливает другое обстоятельство. Суд вправе мне задать простой, но беспощадный вопрос: "Почему ты все это осознал только сейчас, почему, для того, чтобы тебя осенил свет сознания понадобилось дело 1 декабря и, что всего позорнее, понадобился месяц одиночки, почему стал теперь говорить те речи, которые мы слышим сейчас?"

Этот вопрос мог бы задать мне не только суд, но могли бы задать и в другом месте. За последний месяц я не раз думал о том, что для нас, в нашем положении одиночка является спасением. Чтобы мы делали в нынешней политической обстановке, живя на воле? Партия, рабочие поставили бы перед нами этот вопрос и не тем спокойным судебским тоном, как он ставится здесь, а еще неумолимее, жестче, круче.

Когда я думаю о том, что мне будет поставлен этот простой, но неумолимый вопрос, почему у тебя, человека не старого, средних лет, но имеющего за плечами два десятка лет участия в политическом движении, эти идеи появились только сейчас и только в этой обстановке? — то не для суда, ни для партии, ни, наконец даже для самого себя я не нахожу никакого, сколько нибудь удовлетворительного ответа.

Вот и все, что я могу сказать.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Подсудимый ГЕРЦБЕРГ!

ГЕРЦБЕРГ: Я понимаю и ощущаю до конца всю глубину конт-революционной, фашистской, провокаторской сущности ЗИНОВЬЕВА

всю глубину предательской и изменнической работы контр-революционной зиновьевской организации. Этим самым я ощущаю всю глубину своей вины.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Подсудимый БРАВО.

Б Р А В О: Я признал себя виновным по всем тем обвинениям, которые мне пред"явили. Я сознаю, что все преступления, которые я лично совершил перед партией, не позволяют искать здесь на суде, в последнем слове какого либо оправдания для себя — нет. Смешно думать и искать оправдания в том, скажем, что многого не знаю из того, что делалось, на какой принципиальной основе существовала эта контр-революционная организация. Это верно, я не знал всего того, что мне пред"явлено здесь в качестве обвинения, что наша контр-революционная организация была сколочена на основе троцкистско-зиновьевской платформы. Я это узнал из выступления ЕВДОКИМОВА, как и многое другое. Но разве можно искать в этом утешение и оправдание для себя. Даже, если я этого и не знал, как не знал о блоке, разве я не делал всего того, чтобы мне можно было пред"явить все пред"явленные обвинения. Моей повседневной работы, повседневной деятельности в нашей контр-революционной организации для этого достаточно.

Кратко нашу повседневную работу, работу, которую я выполнял, можно характеризовать как работу агента зиновьевского "Освага", мы были зиновьевским "освагом", который изо дня в день наполнял клеветой, ядом, ядовитой злобой все окружающее. НИКОЛАЕВ ли, другой ли, но выстрел этот в результате всей нашей работы, конечно, был неизбежен, потому что мы изо дня в день разлагали людей с нами связанных и НИКОЛАЕВ являет-

ся только продуктом этого распада, этого разложения.

Поэтому делать какие бы то ни было попытки ухватиться за чтонибудь, чтобы оправдаться, совершенно неуместно, бесполезно, никому не нужно.

Я не буду говорить о том, что я раскаиваюсь в этой деятельности. Слишком тяжки эти преступления, чтобы обо этом говорить. Этих дел не исправишь раскаением.

Чем можно искупить свою вину перед партией, перед страной? Есть только один путь:— это работать преданнейшим самоотверженным образом, работать для того, чтобы хотя частично искупить свою вину перед партией и перед страной.

Пролетарский суд располагает всеми материалами для того, чтобы судить перед кем из нас такой путь открыт, кто может на таком пути, хотя бы несколько сгладить свою вину. Поэтому всякое решение, которое суд вынесет, я наперед принимаю, зная, что как бы сурово оно ни было, оно все-таки заслужено.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Подсудимый ШАРОВ!

ШАРОВ: Мои чистосердечные признания суду и следствию дались мне не легко. Трудные тяжелые 20 дней нахождения в новых условиях поставили передо мной всю ту сумму вопросов, все то, что было за мои 30 лет долгой и упорной борьбы в партии, в рабочем классе. Подвергая жестокой критике свое прошлое, сопоставляя с фактами, я увидел ту глубокую пропасть, куда я пришел.

Именно здесь я увидел эту пропасть, ибо я не мог ее видеть на воле, потому что я был с теми, кто вместе со мной тоже по уши сидел в контр-революционном

болоте.

Я здесь, за эти два дня судебного следствия еще раз почувствовал, что до последнего момента я на следствии считал, что у меня еще какая то вера, какой то кусочек веры оставался в них — в моих старых товарищей. Я здесь, на судебном следствии должен прямо и честно сказать: да, эти люди, которые во имя узких эгоистических целей мне врали, вместе со мной врали партии.

Тов. судьи, мое первое преступление перед партией, или начало преступлений, это 14 съезд нашей партии. Я выступил на борьбу с 14 съездом (я не был участником 14 съезда — я был в Ленинграде). Я думал, что я искренно борюсь за дело ЛЕНИНА, под знаменем которого я к тому времени стоял 22 года. Я думал, что я делаю то дело, за которое я боролся десятки лет и откуда вся моя борьба от 14 до 15 съезда носила открытый честный путь борьбы.

Но логика борьбы, старые дружеские взаимоотношения... (здесь подсудимый ПАРОВ сильно волнуется). А ЗИНОВЬЕВА я помню, когда мы вместе еще в 1906 году выбирали на какой-то, кажется лондонский съезд.

Эта старая дружба, старые знакомства, старая совместная борьба меня снова, сейчас же после 15 съезда толкнули на новую, еще более отвратительную, более похабную роль и измену партии и рабочему классу. Я стал не пролетарским революционером, каким я хотел быть в первые годы борьбы. Я стал той подколотной змеей, которая шипела и отравляла наше руководство, нашу партию.

Товарищи судьи я обвиняюсь в принадлежности к

284 287

контр-революционной организации, член которой совершил гнуснейший террористический акт. Я целиком и полностью признаю себя виновным, что я действительно делал все, чтобы содействовать таким настроениям. Но я не могу здесь сегодня на пролетарском суде пройти мимо того, что ЗИНОВЬЕВ выступил здесь и заявил: "Я с поникшей головой". Нет, ЗИНОВЬЕВ не с поникшей головой, ты должен встать во весь рост и сказать пролетарскому суду, что ты являешься воспитателем, ты вырастил, ты вложил собственной рукой ту пулю, которая пронзила грудь лучшего большевика — КИРОВА. Именно ты, ЗИНОВЬЕВ брал на себя монополию ^{руковод-} ~~государ-~~ства ленинградской организацией. Именно тут нужно прямо, а не с поникшей головой, если чтонибудь осталось честного, прийти и сказать во всеуслышание.

Товарищи, я не снимаю с себя тяжелого обвинения. Да, я совершил тягчайшее преступление, но, товарищи, из 30-ти лет моего пребывания в партии, я 22 года вел упорнейшую борьбу за партию и в партии. Я был в нашей партии в тяжелые для нее дни, боролся со сталинской реакцией, был в первых рядах за сохранение, за развитие наших рядов.

Я активно принимал участие во всех трех революциях. Я активно участвовал в организации наших первых большевистских газет после 1905-1906 г.г. "Звезды" и "Правды".

За эту мою в то время честную работу за партию в партии, я получил награду от самодержавного правительства до десятка арестов, год в тюрьме и ссылки.

В февральские дни партия посылает меня на руководство одним из союзов, который становится в первые

же дни под знаменем нашей большевистской партии. В октябрьские дни и военное время партия посылает меня на ответственнейшую работу по организации обмундирования нашей армии. Я эту работу выполнил блестяще. В дальнейшие годы восстановительные, наша партия ставит меня на работу в тресте в Ленинграде, где и с этой работой я справился и выполнил директиву партии, за что я получил в награду личное письмо тов. ЛЕНИНА.

Товарищи судьи, при решении о моих преступлениях, которые я совершил за эти последние 8 лет, я прошу принять во внимание мои первые 22 года, мою боевую, мою революционную работу в партии и в рабочем классе.

Товарищи судьи, вина моя тяжелая, я преступник. Я прошу вас дать мне возможность на какой бы то ни было работе, чтобы я смог снова, но пролетарски, на деле доказать и искупить свое преступление.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Подсудимый ЗИНОВЬЕВ!

ЗИНОВЬЕВ: Я вчера говорил очень обширно, постараюсь сегодня быть покороче.

Я должен открыто сказать, что заявление мое вчера относительно того, что одно место в обвинительном акте, мне кажется, чрезвычайно несправедливым, я беру назад.

Я должен признать себя виновным целиком и полностью в том об"еме как это изложено в обвинительном акте и должен признать, что изложено там с об"ективностью.

Я должен еще ~~никогда~~ раз сказать то, что, очевидно, без моих признаний: что главным виновником всего

происходившего, разумеется, приходится считать меня. И все, что я слышал от моих сопредседателей, я должен признать правильным в той части, в которой они говорят о моей, в первую очередь, политической вине.

Я должен остановиться еще на двух инцидентах, затронутых КАМЕНЕВЫМ.

Это отводит меня от общей темы, но все таки, я думаю, что

лучше, если бы я на этих инцидентах остановился. 287

Первый касается вопроса о том, как я реагировал (и не я один) на вывод меня из редакции "Большевика". Отчасти вопрос тут освещался. Но вопрос имеет и чисто теоретическую сторону, которой излишне занимать суд. СТАЛИН преподавал мне и на моей спине многим другим новый урок, крупнейший урок по теории и истории марксизма в вопросе о том, как один из основателей научного коммунизма ЭНГЕЛЬС смотрел в разное время своей жизни и, в особенности, поближе к своей смерти, на вопрос о войне, и что нового в это учение внес ЛЕНИН. Вместо того, чтобы понять всю важность этого урока, я сейчас же и, конечно, со мною КАМЕНЕВ, стали искать других объяснений и стали перелистывать старые сочинения ЛЕНИНА, чтобы выискать там, что ЛЕНИН считал это не так. Верно то, что я не сказал об этом на следствии. Верно то, что я и в этом вопросе, должен сказать, что был совершенно неправ.

Второй вопрос важнее. Второй вопрос касается моих оценок писаний ТРОЦКОГО. Я в последнее время познакомился особенно близко с сочинениями контр-революционера ТРОЦКОГО, вышедшими за границей. Чтобы не было недоразумений, хотя это мелко, в связи со всеми обвинениями, которые на мне вносят, я должен подчеркнуть, что чтение этих материалов происходило совершенно легальным путем, не гденибудь в закутке, а в институте ЛЕНИНА, где мне этот материал всегда предоставлялся. Я там пользовался преимущественно иностранными материалами, а потом и русскими и в последнее время заинтересовался в связи с тем, что я узнал, что ТРОЦКИЙ и его группа вошли во 2-й Интернационал. Прочитав все это и даже в процессе чтения я со своей точкой зрения делился с КАМЕНЕВЫМ. Наши разговоры носили характер почти размышления вслух и, если их попытаться как-нибудь то ни было способом изобразить, надо написать томи. И в этих разговорах оценка была такая же, какая у нас вообще давалась ТРОЦКОМУ.

Поэтому я думаю, что, несмотря на то, что это мелко, все же об этом стоит сказать, так как это имеет некоторое значение для истории. Оценка заключается в том, что вот человек не хотел, а попал в контр-революцию и делает сейчас объективно контр-революционное дело. Это мы всегда говорили, и это я и тут говорю. А вместе с тем прибавляли: а в то же время в области критики он много говорит верного. И смаковали. И в данном случае я то же самое говорю. Самый факт вхождения ТРОЦКОГО и его группы во 2-ой Интернационал я расценивал, как политический финал архипозорный для него, но тут же пускал клевету про партию, а именно, говорил: ну, что это значит? Почему у нас об этом молчат? А почему не говорить открыто? Инсинуировал при этом, что молчат потому, что имеются желания провести во чтобы то ни стало единый фронт с французами. Тут мои установив. Вы знаете из показаний других и показаний моих собственных. Я не буду больше распространяться об этом. Того, что уже сказано, вполне достаточно.

Теперь я хочу сказать несколько итоговых слов тому, что пришлось тут выслушать Вам. Конечно, все то основное, что было здесь сказано, я не могу замазывать и только ряд деталей для меня был новым. Но это такие детали, которые имеют колоссальное значение. Когда говорил, например, вчера ТАРАСОВ о том, что он несколько лет тому назад слышал от людей, имена которых ничего не говорят ни суду, ни мне, от рядовых оппозиционеров из молодежи, из провинции, о том, что они говорили о динамите еще в той стадии борьбы, когда эта борьба не получила того размаха, того значения, какое она имеет сейчас; когда он рисовал психологию некоторых представителей молодежи в том же Ленинграде, — вот, по этим моментам мне больше всего становится ясно, что я не имел права делать той оговорки или того упрека, которые я вчера делал, о формулировке обвинительного акта.

Мне стало до боли, до конкретности ясно, что из себя представляют эти передаточные механизмы от нашего центра и, в первую очередь, от меня к людям менее искушенным, менее закаленным в политике, иногда только соприкасавшимся с ней, к молодым людям, которые, конечно, по своему воспринимали это дело.

Мне очень жаль, страшно жаль, что вчерашняя моя попытка рассказать о безвозвратных истолковывается так, что я хочу сложить с себя ответственность и т.д. Я вчера говорил совершенно ясно, что, конечно, политическую, моральную, юридическую ответственность я несу, за них и не могу не нести, но я все таки хотел бы, чтобы эту подгруппу знали, как подгруппу, чтобы эту главу знали, как главу. Это частности по сравнению со всем тем, что им здесь слышали.

Мурашки проходят по телу и волосы становятся дыбом, когда видишь, в какой компании находишься, какие туда затесались люди, в какую компанию попал. В оправдание сказать нечего. Было бы смешно ссылаться на недостаток политического опыта, было бы смешно ссылаться на молодость, было бы смешно ссылаться на отсутствие достаточных предупреждений со стороны партии. Это было бы смешно и преступно, и, вот, главную причину я переживаю именно в этот момент, когда я вижу вочию, вижу ясно, куда мы пришли.

Не случайно ли то, что момент суда над нами, момент нашего политического бесславного конца совпадает, если взять судьбу страны в целом, с моментом величайшего подема, расцвета, радости жизни, приобщения действительно новых миллионов и миллионов к новой социалистической культуре, к жизни, к строительству? Конечно, не случайно. Одно вытекло из другого. И именно потому, что мы оказались совершенно неправыми, начиная с самых первых своих оценок, именно потому, что все больше и больше погружались на дно, именно потому, что все больше и больше вса-

сбивались в контр-революционное русло, становились рупором анти-социалистических, антипролетарских сил, — именно поэтому так и должно было выйти. Когда все пошло особенно вверх, тогда мы показались особенно вниз, в эту бездну. И именно поэтому этот наш итог получается. Получится в сознании рабочих, колхозников, пролетариата всего мира, особенно рельефным, особенно ясным.

Я видел в газетах и слышал здесь на суде, что заграничной в буржуазных странах у нас появляются, так сказать, защитники. Ну, понятно из какой среды они идут. Из той среды, которой все равно чем стрелять, лишь бы стрелять против советской власти. Это идет вплоть до фашистов и, конечно, рядов социалфашистов, и, как видел в одной из передовиц "Правды", до Троцкого.

Партия сумеет и без меня целиком сапога отшвырнуть всю эту шваль и поставить ее на место. Но, если бы мой голос тоже мог куда-нибудь пойти, конечно, я бы сказал, что защита нас этими людьми, этими партиями, этими элементами, тоже только лишний раз курсивом подчеркивает, куда, в какую контр-революционную яму мы скатились.

Я хочу, если процесс наш станет достоянием широких масс трудящихся (я не знаю, как это будет и думаю, что, вероятно, это будет, чтобы всякий, кто будет читать или слышать об этом процессе, знал, что я, главный обвиняемый, в самую последнюю минуту и признал перед Крестовским судом полностью и до конца всю свою виновность, увидел и признал полностью и до конца, что мой путь с того момента, когда я противопоставил себя партии, был путем антипролетарским, антисоветским, контр-революционным.

Я хочу, чтобы каждый, кто будет знакомиться с этим и будет интересоваться вопросом о том: а что же сказал этот главный обвиняемый? — знал, что сказал я это по доброй воле, но слишком зрелом размышлении, после многих мучительных колебаний, после

десятков тысяч попыток найти ту или другую тень оправдания. Я не останавливался и не буду сегодня останавливаться на таких элементарных вопросах, что мы были неправы в вопросах индустриализации, коллективизации, внутрипартийной демократии и т.д. Это теперь понимает каждый пионер. И сказанное по этим вопросам ЕЗДОВИЧЕВЫМ я тоже разделяю в основном.

Я считал своей задачей рассказать историю того, как я, как те, кто мне верил и дружил до этого падения. Вот, почему вчерашнее мое выступление носило смысл большого рассказа с углублением в свою собственную психологию, в разные моменты этой борьбы.

Я кончаю и хочу сказать: когда я думаю над своей жизнью, то мне приходит в голову, что в общем три жизни мною прожиты. Пролетарский суд превосходно знает мою биографию. Я не буду на ней останавливаться.

Жизнь прожита. Одна — молодость до вступления в партию, другая — первое знакомство с Владимиром Ильичем (83 г. — 901 — 902 г.г.), другая жизнь — это после вступления в партию до 1924 года.

И третья жизнь. Тут вполне уместно эти слова взять в кавычки. Это десятилетие, проклятое для меня десятилетие, когда я сбился с пути, когда петля спустилась и потом стрелыглав несся все ниже и ниже. Это жизнь, которая привела меня к тому положению, в котором я заслуженно нахожусь сейчас.

Единственное утешение, которое мне может остаться — это та вторая полоса, о которой я смею думать иногда. Это полоса дала мне возможность сближаться с массами, дала мне возможность иногда служить выразителем мнений рабочего класса. Если бы у меня оказалась, хотя бы маленькая возможность начать какую-то четвертую жизнь, что очень важно во всех смыслах, я попытался

он, быть может, я, может быть, нашел бы силенки для того, чтобы, прежде всего, на своем собственном ужасном примере, едва ли бывшем в пролетарской партии до сих пор, показать, как одна ошибка развилась в другую, как это развилось в целую систему ошибок, как ошибки переросли в преступления, как преступления переросли в контр-революцию.

Само собой понятно, что приговор данного суда будет приговором рабочего класса, будет приговором партии, будет приговором мирового пролетариата, и, само собой понятно, что, как писал и говорю, буду считать, что, чтобы со мной ни сделали, это будет правильно, это будет справедливо, это будет целесообразно и, это главное, для дела рабочего класса.

Сей же, вспоминая об этом втором периоде, о котором посмел упомянуть в вашем присутствии, сам же я всегда, сколько мне будет отмерено какой бы то ни было жизни, всегда буду всей душой предан именно этому второму периоду, когда я не прозябал и не спялничал, и не сколачивал антипартийные кадры, а когда шел в ногу с партией.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Слово имеет КАМЕНЕВ.

КАМЕНЕВ: Товарищи, никакая речь сейчас, конечно, не изменит ничего в прошлом и, я полагаю, никакая речь не может ничего изменить и для будущего. И если я пользуюсь предоставленным мне правом, то только для того, чтобы уточнить в последний раз, который я имел возможность говорить, тот опыт, тот итог работы, который может иметь некоторое значение не только для меня, но и для тех, которые эти 10 лет вместе со мной боролись.

Вчера от усталости и волнения я не закончил свою речь.

Но раньше несколько слов об указании, которое я вчера сделал по поводу к.-р. троцкистских рецидивов ЗИНОВЬЕВА. Я упо-

минал об этом, во-первых, чтобы, наконец, когданибудь, в последний час, иметь право не иметь тайн от партии. 10 лет ходить с тайнами, в которые часто уже не веришь, с тайнами которые истлели и приводят твой собственный организм к отравлению! С тайнами ходить перед людьми, с которыми не хотел иметь никаких тайн — это слишком тяжело. Мне хотелось и хочется сейчас иметь чувство, что вот все, что больше ничего нет. Весь навоз выкинул! Во-вторых, ЗИНОВЬЕВ здесь призвал к полному идейному, моральному и политическому разоружению. Он был прав. Я поэтому и ждал, до чего дойдет это разоружение. ЗИНОВЬЕВ не мог не знать, что я-то ведь знаю эти два факта.

Первый факт — его отношение к выводу его из "Большевика". Второй факт — его оценка троцкистской литературы, при чем он впадал в рецидив троцкистских настроений, тоже не последний факт для политического руководителя, бывшего или претендовавшего на это.

Не я пришел с этими двумя вопросами к ЗИНОВЬЕВУ, не я проявил инициативу обсуждения этих вопросов.

Так, вот, как же объяснить то, что он призвал к всеобщему, полному разоружению "выдано" всего, давая этим как бы итог всей борьбы, как же он об этом не сказал? И я тогда подумал: значит, он продолжает надеяться, что между мною и им могут быть тайны и еще какая-то солидарность.

Вот, чтобы не было этой солидарности никогда и даже на те 10 минут, которые остались, я должен засвидетельствовать, что этой солидарности, которую он тайно подозревал между мною и им до последней минуты, нет. Он не имел права надеяться, что я буду продолжать эту проклятую солидарность, которая сделала вред не только нам. (это неважно), а, прежде всего, той группе, которая здесь сидит, которую мы сделали контр-революционной.

Тем паче не может быть этой солидарности после тех двух дней, которые мы провели на скамье подсудимых. Ужасная картина безидейности, морального разрушения, нарушения всех, не только политических, но и человеческих связей с людьми, превращение политического течения или политической группы в собрание безидейных людей, потерявших всякую ориентировку и всякую моральную устойчивость, в конгломерат живых трупов, — это та картина, которую мы видели здесь за эти два дня. Среди этих людей есть хорошие, честные пролетарские революционеры в прошлом, и мы, их руководители, в результате десятилетнего яда, которым мы их отравляли, превратили эту группу в ту жалкую, прогнившую до конца грязь, которую сейчас представляет, так называемая, бывшая зиновьевская оппозиция. Для меня наблюдения этих дней были таким же моральным ужасом, как тот, который я пережил, когда узнал, что убийцами КИРОВА являются зиновьевцы, члены нашей организации. Я увидел, и думаю, что со мной увидели это все, насколько глубоко проникла здесь безидейность, насколько глубоко зашло моральное разложение. И эти люди считали меня своим руководителем до последнего момента. Они считали, что я их единомышленник, что их задача — добиваться введения нас с ЗИНОВЬЕВИМ в Политбюро! Но неужели мы могли довести нашу группу до такого падения? Вопрос о введении нас в Политбюро мог быть еще допускаемым предметом политических дискуссий и обсуждения лет десять тому назад.

Но чтобы вы все, сидящие на скамье подсудимых, потом, в течение 8 лет жили этой идеей и всю свою политическую энергию, весь свой политический смысл отдавали на то, чтобы ЗИНОВЬЕВА и КАМЕНЕВА ввести в Политбюро, не задумываясь над тем, что же они могут принести с собой в этот центр коммунистического движения, — это такая безидейность, соединенная с политической безответст-

венностью, что эта картина говорит только об одном: эта — группа, прогнившая до конца, конченная.

Я уже сказал в своей вчерашней речи, что нельзя подводить итогов тому, что было ни путем теории стадий в истории нашей контр-революционной группы, ни путем отделения наших субъективных желаний от объективного смысла нашей деятельности, ни путем изысканий в личной психологии, которой опять было слишком много в речах ЗИНОВЬЕВА. Все это способно только посеять новый туман между реальным существом нашей деятельности и тем, что должны знать об этой деятельности партия и пролетариат.

Объясняет прошлое только история. История нашей контр-революционной группы занимает десять лет. В истории десять лет это немного, но в жизни революционера десять лет очень много. Ведь революции он может отдать два-три десятка лет для работы, для рабочего класса и, следовательно, те, кто интересуется историей партии, историей первой страны пролетарской революции и историей борьбы против партии и против пролетарской революции, должны интересоваться этими десятью годами нашей политической биографии.

Прошло десять величайших лет. Я не имею за эти десять лет чем гордиться. Но есть одна вещь, о которой, мне так кажется, мне позволено для некоторого внутреннего утешения признать, что здесь я поступил правильно. Я считаю это проблеском за десять лет свою статью, в которой, я, как мне кажется, первый пытался обосновать и, мне кажется, обосновал, что эти десять лет являются не случайными десятью годами, а новым этапом в истории пролетарской революции, новой эпохой, связанной с именем СТАЛИНА. Как первые десять лет были связаны с эпохой ЛЕНИНА. Это новая эпоха, это последние десять лет со всем их грандиозным всемирно — историческим содержанием. Развернулась и кончается эта десятилетие, вот, в эти январьские дни 1935 года. Развернулась параллельно

с этим наша деятельность и, вот, она кончается. Я в камере имею перед собой доклад тов. КУЙБИШЕВА об итогах этой эпохи. Я читаю его не так, как говорил ЕВДОКИМОВ, он читает роман КАТАЕНА. Этот рассказ простой, без всяких украшений, читается, как роман, который захватывает гораздо больше, чем все романы Льва ТОЛСТОГО и трагедии ШЕКСПИРА. И, вот, с одной стороны, у меня в камере лежит обвинительный акт по делу к.-р. группы ЗИНОВЬЕВА и КАМЕНЕВА, а с другой стороны, этот отчет, эта сухая статистика, цифры, которым подведен итог десятилетней работы партии. Таков первый, общий, теоретический итог, а второй — практический — труп Сергея Мироновича КИРОВА. Вот два итога. Ни от одного из них нельзя отказать. Вот итог нашей деятельности. Полный отрыв от всего великого социалистического строительства, от всей работы политической, экономической, культурной, идейной, проделанной в течение десяти лет партией, полный отрыв и превращение своей группы в ведро человеческих остатков, в лучшем случае остатков человека, в ведро грязи. И рядом — чистая кровь КИРОВА. Вот, каковы наши итоги. И это надо сказать. И это будет итог без суб"ективизма, без истории и без того, как я хотел и как я колебался, и как я уходил и приходил. Это будет итог, который говорит история за десять лет. Те люди, которые возведены были на эшафот во время великой французской революции XVIII века, сначала ДАНТОН, Геберы, а затем Робеспьеры и Сен-Жюсты не имели нескольких лет, чтобы потребовать проверки их программы и тактики. Им были даны дни и недели. И люди, которые погибли в расстрелах Парижской Коммуны, спорившие между собой близкисти, и марксисты не имели счастья получить от истории срока, чтобы проверить на деле свою тактику. А мы получили эти сроки — громадный для истории

революции срок — 10 лет. За эти 10 лет мы могли себя показать. И к концу этих десяти лет не мудро было бы прийти сюда с какими-нибудь положительными итогами. А мы? Мы привесли с собой картину разложения мозгов и воли бывших пролетарских революционеров — и кровь КИРОВА. Вот наши единственные итоги! Ведро собственной грязи и кровь КИРОВА! Их нельзя переделать. История десяти лет — это грандиозный срок для истории революции, и она нас проверила. Проверены мы, проверены и те, против которых мы пошли в борьбу.

Они проверены громадным трудом, проверены не простым осуществлением государственной власти на обычных путях, в старых формах, а проверены в историческом действии, когда нужно было каждый день, каждую неделю, каждый месяц менять форму борьбы, менять форму действий, менять сочетание различных приемов и международной и внутренней деятельности, проверены на таких задачах, перед постановкой которых у самих крупных людей занимается дух и остается решимость. Проверены на вопросах индустриализации на вопросах коллективизации, на вопросах реального строительства коммунистического социализма, проверены на вопросах международной политики, угрозах войны; проверены на построении партии, которую мы раздвигали; проверены в борьбе со всякими уклонами, начиная с трокистов, кончая нами, правыми и т.д.... Вот, на чем проверены эти люди! Когда мы, люди, которые имеют седые головы, начинали учиться и учить социализму, мы знали великое учение Маркса, знали что надо работать по его пути. А дождались ли осуществления хотя бы части того идеала, который Маркс нарисовал перед человечеством, — на это немногие из нас надеялись и, во всяком случае, не надежда на то, что ты дождешься осуществления социалистического государства, руководила нами, когда мы шли в первые рабочие кружки. Мы только подготовили будущее. Это была теоретическая подготовка. Потом пришел ЛЕНИН и эта теоретическая подготовка вошло-

тилась в жизнь, привела пролетариат к завоеванию власти и к созданию отпавших пунктов социализма. Потом, когда время (подсудный плечет) сняло ЛЕНИНА, его сменил СТАЛИН, который продолжает дело, теоретически указанное МАРКСОМ и практически начатое ЛЕНИНЫМ. Это привело впервые в истории к построению фундамента социализма, ибо для нас, начавших борьбу за социализм, дело не в отдельных фактах и не в отдельных цифрах доклада тов. КУЙБИШЕВА, дело в общих итогах. Дело в том, что из этих цифр вытекает, что действительно фундамент бесклассового социалистического общества построен по чертежу, давно данному Марксом, и по тому рабочему плану, который дал ЛЕНИН — построен СТАЛИНЫМ, тем, с которым мы хотели бороться и и которого наши сторонники чуть ли не до вчерашнего дня хотели не то заменить, не то дополнить мною и ЗИНОВЬЕВЫМ.

Так вот, взаимная проверка за 10 лет, за срок, который история мировых революций, всяких — добуржуазных, буржуазных и первых попыток пролетарских революций, никогда никому, ни одной фракции, ни одной группе, ни одному течению рабочего движения не давала, — вот эта проверка произошла, сделана историей. Независимо, что в таком-то году происходили такие то колебания, что одни уходили, и приходили. ЛЕНИН великолепно рассказал, как и во всем том, что он написал, историю фракций и групп в партиях и историю самих партий, как они зарождаются из ячеек, как они потом расходятся и сходятся; как затем выкристаллизовывается настоящее ядро в борьбе с другими группами, которые начинают образовывать другие внепартийные течения; как выкристаллизовывается это ядро и завоевывает себе победу, как он завоевал партию социал-демократии и вывел из этой партии партию большевиков; как СТАЛИН отстоял ленинское ядро партии от наших колебаний и скачков.

Так вот, за эти десять лет все это было, все мы могли показать. Но никто (а если ктонибудь сомневался в этом, то эти два

дня дали ответ) не может привести ничего, чтобы оправдывало десятилетнее существование этой фракции, потом переродившейся, неизбежно в контр-революционную группу. Никто ничего об этом не мог сказать.

Так вот, с одной стороны эта, работа партии ЛЕНИНА и СТАЛИНА, а с другой стороны, наша судьба, полный отрыв от всех живых сил социализма и превращение нас разломившихся бывших революционеров, настоящих контрреволюционеров и групп КИРОВА, — вот, что мы имеем в результате десяти лет.

Есть еще, давно знакомый эристам, простой способ, который МАРКС и ЛЕНИН неоднократно применяли и учили нас применять к изучению итогов общественных явлений. Он состоит в вопросе:

" — "Кому на пользу?". Десять лет — не случайность. Итог какой-то есть. Кому на пользу пошла наша работа?

Чем бы мы ни увлекались, что бы мы ни придумывали, какие бы программы не писали, как бы себя не называли, но десять лет ответили и на этот вопрос ясно и недвусмысленно. Ответили в такой мировой обстановке, когда каждое явление и движение в единственной пролетарской стране оценивается на весах мирового общественного мнения и не может не оцениваться, потому что перед нами встает здесь вопрос смерти и гильотины.

Кому же на пользу десять лет проливали мы пот, ум, дипломатические способности, энергию? Кому на пользу употребили мы то, чему мы учились за предшествующие десятилетия? Кому на пользу? Здесь один ответ: конечно, тут в зале нет никого, как нет и во всей стране, и нет, конечно, в мировом пролетариате, кроме, может быть, каких-нибудь групп, которые завтра должны будут признать свою контр-революционную сущность на основании того, что они слышат здесь, — нет никого, кто бы ни сказал: "Да вы хорошо поработали на пользу буржуазии".

Хорошо, что та сила, против которой мы работали, так велика и так прозорлива, и так мощна, что мы не могли принести буржуазии всей той пользы, на которую она исторически и политически имела право рассчитывать от нашей работы под руководством ЗИНОВЬЕВА и моих.

Но сколько же сил от самой пролетарской партии, от нашего пролетарского государства отняла наша десятилетия, так называемая, "деятельность"? Сколько с нами возились и партия, и Советская власть! Сколько заседаний, сколько величайшей энергии, сколько ума, нервов, силы воли! Сколько, сколько всего этого ушло, если это перевести на киловатты человеческой и партийной энергии.

Быть может, на это можно было бы создать еще какой-нибудь гигант! Быть может, если бы буржуазия не имела права нашу деятельность вписывать себе в счет и, может быть, если бы партия и страна не пугались в том, чтобы затрачивать силы на то, чтобы опровергнуть наше мнение, затем бороться с нами в рабочих кругах, затем бороться с нами в подполье, затем сажать нас в тюрьмы и расстрелять — сегодня меня, завтра ЗИНОВЬЕВА, послезавтра ГЕРТИК и других, если бы этого не было, может быть в деле социалистического строительства был бы сделан еще один шаг вперед. И несомненно это так.

Да, не только исторический итог 10 лет, но и вопрос — кому на пользу мы работали — совершенно ясны.

Прошлое обладает тем скверным свойством, что его нельзя переделывать. Ни одной черты в нашем прошлом изменить нельзя. Это сверх человеческих сил! Простите, но это сверх даже сил Военной Коллегии Верховного Суда изменить что-нибудь в прошлом, особенно в прошлом этой контр-революционной группы. Все

то, что было — это было, оно уже записано в историю, оно будет записано в приговор Верховного Суда и приговор истории пролетарской революции!

И я хотел бы только, чтобы к этому приговору, гденибудь петитом, хотя бы за мою прошлую работу, было разрешено мне приписать, что, перебирая эти 10 лет своей жизни, я с отвращением читаю жизнь мою. И пусть так, с отвращением, читают те, которые захотят учиться у пролетарской революции. Большие они, эти 10 лет моей жизни, ничего не заслуживают.

Прошлого не изменишь, будущего я не знаю. Сегодня, в данную секунду, никто не знает этого будущего. Мы узнаем это через некоторое время. Но, каково бы ни было будущее, тот, кто заинтересуется попыткой создать оппозицию мощной пролетарской революции, первой революции, — пусть узнает, что руководители вместе со всеми, кто преодолел с ними значительный путь этой контрреволюции, с отвращением оглядываются, с отвращением читают эти десять лет своей жизни, и сами не могут придумать такое наказание, которое могло бы исправить и загладить их вину.

Но вопрос о наказании тоже не вопрос права, не юридический вопрос, это вопрос исторический. Мое имя и имя ЗИНОВЬЕВА не могут быть вычеркнуты из прошлого. В прошлом эти имена пользовались авторитетом, им доверялись большие посты, тем ниже падение, до которого они дошли. Мы не можем вычеркнуть своих имен из истории. Те, которые будут рассказывать про первые шаги партии большевиков, должны будут нас упомянуть и тут же всякий раз на всякой странице прошлой истории, когда будет упоминаться, что председателем Коминтерна был ЗИНОВЬЕВ, что КАМЕНЕВ был тем-то и тем-то, при каждом этом упоминании, на каждой этой странице, всякий добросовестный историк должен будет сделать обяза-

тельное дополнение, а потом, несмотря на то, что их учил такой великий учитель, у которого можно было научиться, потом они, эти люди, стали фактическими руководителями бан- дитской контр-революционной группы и безславно закончили свой путь. (подсудимый плачет).

Два совсем личных слова. Я признал неправду всей моей жизни в течении 10 лет, всей моей политики и позорной роли, но есть, товарищи, два-три устных и письменных вы- ступления, два-три письма, два-три разговора, обращения мною к другим людям, которые в политическом и моральном отно- шении стоят и всегда будут стоять на самых высоких ступенях мирового пролетарского мнения, о которых я хотел бы, уходя, сказать, что бы именно они были уверены, что в этих письмах и разговорах я был правдив и искренен с ними. Искренность — не политическое слово. Нельзя говорить самому об искренности после того, как 10 лет злоупотреблял этим словом.

Но в этих документах дана мною правдивая формулиров- ка моих действительных взглядов и на новую эпоху и на ве- ликое дело, творимое СТАЛИНЫМ и на его громадную личную роль и на контр-революционный смысл всех нападок на него. Он до- казал на практике гениальнейший ум и несокрушимую энергию вождя и строителя социализма. В речи на 17-м съезде и тех письмах, о которых я говорю, я говорил правду, то что я дей- ствительно думаю и думаю сейчас, и продолжаю думать и в этот момент о нашем социалистическом строительстве и о тов. СТА- ЛИНЕ.

И вот, какое бы ни было Ваше решение, решение истории которая будет говорить Вашими устами, я уйду с тем, что то,

что зафиксировано в этих документах, выражает мои подлинные убеждения и сейчас".

ПЕРЕРЫВ НА ПОЛЧАСА.

ПОСЛЕ ПЕРЕРЫВА.

ПРЕДС.: Последнее слово имеет ГЕРТИК.

ГЕРТИК: Я хочу просить суд разрешить мне дать несколько справок.

Я хочу сказать по поводу выступления ХАРИТОНОВА. Я не уверен, что буду вызван свидетелем по его делу. Он заявил, что порвал с ЗИНОВЬЕВЫМ и с оппозицией в 1931-м году.

Я должен заявить, что в феврале 1932 года я был у ЗИНОВЬЕВА и видел там ХАРИТОНОВА. Кроме того, ХАРИТОНОВ все время поддерживал связь со мной и я был у него накануне его отъезда в Лондон, до своего отъезда из Москвы. Это было, вероятно, в октябре 1932 года, во всяком случае, после того, как ЗИНОВЬЕВ был в ЦК по рутинскому делу. Мы тогда разговаривали о ЗИНОВЬЕВЕ. Он, верно, обвинял ЗИНОВЬЕВА, но не за то, что ЗИНОВЬЕВ не донес в ЦК, а за то, что связывается с такими политически подозрительными личностями, как СТЭН и берет от него документы.

Второе, на что я хочу обратить Ваше внимание, это на заявление ХАРИТОНОВА, что он также, как и я и ПАРОВ, считал, что мы поддерживали программу, проводимую партией и что мы протестовали только против методов, которыми она проводилась, а не вели борьбу за платформу блока, о чем говорили ЕВДУКИМОВ и ЗИНОВЬЕВ.

Третье - справка по поводу выступления ГЕССЕНА о том, что наши заявления, что мы ничего не знали о переговорах ЗИНОВЬЕВА, КАМЕНЕВА ^{и Евдокимова} с правыми, троцкистами и другими о блоке, сделаны с целью снять с себя ответственности. Я еще вче-

ра в своих показаниях суду заявил, что говорил об этом не для того, чтобы снять с себя ответственность или уменьшить мою вину, а только для того, чтобы суд видел какие взаимоотношения у нас создались с вождями и как протекала работа.

Теперь несколько слов о себе. У меня лично такая же трагедия, как у ШАГОВА, БУДОКИМОВА, БАКАЕВА и как у всех стариков, которые здесь сидят.

32 года пребывания в партии, 35 лет, почти, революционной работы (я не был в других партиях, но первые два года революционной работы не был достаточно политически развит и партийно не определился).

Три четверти этой сознательной, политической жизни было потрачено на строительство партии, а четвертая последняя, в полном смысле слова последняя четверть (мне 56-й год) и осталось жить буквально считанные годы, даже, если бы мне не пришлось сидеть на скамье подсудимых ~~была~~ потрачена на то, чтобы разрушить, что было создано за три четверти жизни. Что меня толкнуло на это — трудности? Нет.

Когда мы работали в подполье, разве не было трудностей, не было тяжелых трагических моментов. Разве легко было, когда сидел в тюрьме, когда три раза были смертными боями, когда ставили к стенке во времена Керенского? Но тогда не было никаких сомнений по поводу руководства. Даже никогда в голову это не приходило. Нет еще раз повторяю, не трудности — тогда я был настоящим, подлинным коммунистом — большевиком, а потом перестал им быть. Самое лучшее, в физическом смысле, время своей жизни было отдано партии, а последняя четверть жизни погибла зря в борьбе против партии. Вот в чем трагедия. Трагедия эта углубляется еще нашей полной безидейностью.

беспринципностью. Была бы у нас, ну хоть какаянибудь политическая программа, какаянибудь принципиальная линия; все не было бы легче. Ну, бывает же с человеком; снизнулся, ошибся, поверил в какуюто другую правду, разочаровался в Советской власти что ли, новую теорию придумал и стал за нее бороться, стал проводить ее в жизнь. Все-таки какаято политическая физиономия, пусть тоже контр-революционная, но все же идейная, политическая физиономия. Мы пришли бы сюда, как люди, которые во что то верили и внутренне для себя были честными. А что мы видим здесь. Вы, товарищи судьи, два дня слушаете нас. За что мы боролись. **ЕВДУХИМОВ** говорит — за платформу, **ЗИНОВЬЕВ** говорит за часть платформы, **ГЕССЕН** и другие говорят —мы против проведения генеральной линии не боролись, боролись только против метода проведения ее в жизнь. **ХАРИТОНОВ** это тоже подтвердил. Основное, за что мы боролись, как будто не бесспорно за то, чтобы ввести **ЗИНОВЬЕВА** и **КАМЕНЕВА** в партруководство. А один из виновников этого, который с нами все эти 7 лет боролся и руководил этой борьбой, **КАМЕНЕВ**, говорит: "Я об этом первый раз слышу. Надо быть дураком или сумасшедшим, чтобы в течение 7-ми лет бороться за то, чтобы ввести **ЗИНОВЬЕВА** и **КАМЕНЕВА** в партруководство".

Я с ним сегодня согласен, что мы и дураки и сумасшедшие. Почему только **КАМЕНЕВ** не сказал этого 4-5 лет тому назад; ведь это бы совсем другое.

Я не могу и не хочу никого винить, ни на кого перелгать свою вину. Я был достаточно взрослым и достаточно политически зрелым, когда вступил в оппозицию, когда боролся против партии, когда вел контр-революционную борьбу. Но все-таки я не могу не сказать, что, если бы **ЗИНОВЬЕВ** и **КАМЕНЕВ** действовали

тельно честно после 15-го съезда разоружились (я не говорю уже о том, что если бы они накануне XIV съезда пошли на комисс, когда им в Политбюро предлагали "выдать" САФАРОВА и САРИСА - что значит выдать - только послать в другой город (сколько бы человеческих жизней он сохранил, сколько бы сот хороших работников мы сохранили бы в партии, для партии).

Политический вожь, а ЗИНОВЬЕВ от этого звания никогда не отказывался, должен был это предвидеть. Но если бы даже после XVI съезда, после знаменитого классического доклада на XVI съезде тов. СТАЛИНА, который с исчерпывающей полнотой подвел итоги прошлого и показал перспективы будущего, если бы тогда ЗИНОВЬЕВ сказал нам: "Кончено, баста, разоружаюсь полностью, без остатка", и тогда было бы еще не поздно. И тогда Сергей Миронович КИРОВ на сегодняшний день не лежал бы на Красной площади, а мы не сидели бы на этой позорной скамье. Все это правда.

Но я ведь и другого не могу скрыть от Вас и от себя. Несмотря на то, что ЗИНОВЬЕВ и КАМЕНЕВ не разоружились, продолжали обманывать партию, были все таки среди нас люди - правда, немного, которые нашли в себе силу уйти от нас, разоружиться и честно работать в партии. У меня таких сил не нашлось за все семь лет, не нашлось этих сил и после ареста и после высылки в 1933 - 34 г.г., когда партия дала мне серьезное предупреждение.

Я не хочу задерживать Вашего внимания, я хочу сказать только - каков бы ни был Ваш приговор, я его заранее признаю заслуженным и в какую бы дверь я отсюда не вышел, я в первый раз за все последние 7 лет выйду облегченный, с сознанием, что сбросил, наконец, с себя всю ложь, всю скверну, и в первый раз за 7 лет могу прямо взглянуть партии в глаза, пусть

как осужденный преступник, как тяжкий преступник, но не как обманщик, не как вор, не как двурушник.

Я первый раз сегодня за 10 лет, могу, наконец, честно, без всякой задней мысли, без всякой лжи, без всякого двурушничества воскликнуть: "Да здравствует коммунистическая партия! Да здравствует партийное руководство и вождь партии тов. СТАЛИН!"

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Подсудимый ТАРАСОВ.

ТАРАСОВ: Я хочу сделать три замечания, чтобы дополнить свои показания суду.

1-ое замечание, поскольку я придаю серьезное значение моему разговору с РУМЯНИЦЕВЫМ, я помню, что после моего возвращения из Ленинграда я передал содержание этого разговора НАУМОВУ и ЛИНЕВИНСКОЙ, дав при этом свою оценку причин трудностей снабжения, которые наблюдались в стране, ту оценку, которую я дал вчера на заседании суда.

2-ое замечание: на предварительном следствии одним из самых первых мне был задан вопрос, почему у меня оказались архивные материалы оппозиции (очень небольшая часть). Я дал ответ, что я предполагал использовать эти материалы для изобличения оппозиции. В такой форме этот ответ может быть истолкован по-разному. Я хочу сказать, что это верно, верно в отношении 1934 года, в особенности его второй половины.

Как я уже говорил, мне кажется, что за последние два года и, в особенности, за 1934 г. я стоял на партийных позициях. Мне кажется, что я за это время имел такие личные настроения и взгляды, которые не расходились с партийной поли-

тикой, что я добросовестно выполнял отдельные поручения партии, которые давались местной организацией. Я лично отрицательно относился к нашим вождям — ЗИНОВЬЕВУ и КАМЕНЕВУ и изжил в себе враждебность в отношении партийного руководства. И в этой обстановке в 1934 году у меня появилась мысль: может быть придется когданибудь написать какиенибудь воспоминания или материалы, по которым можно использовать то, что у меня было под руками, в частности комсомольские материалы. Что касается предположения о том, что эти материалы были оставлены после XV съезда с целью — авось пригодятся, — это, конечно, не так.

Я считал необходимым объяснить это свое показание.

3-е замечание: в связи с тем, что сказал ЗИНОВЬЕВ в своем последнем слове, по поводу моего вчерашнего выступления, когда я передавал настроения отдельных оппозиционеров в 1927-м году — самарского оппозиционера ЛИБИНА и московского комсомольца — оппозиционера СТРЕМЯКОВА. Эти разговоры я не делал секретом, а я рассказывал об этом широкому кругу оппозиционеров, в том числе и тем, которые были связаны с ЗИНОВЬЕВЫМ. Я думаю, что дело не в том, что даже в лучшем случае, и я и многие другие не придали этим фактам того значения, которое нужно было бы уже тогда придать этому, также, как пропускали мимо своих глаз и ушей целый ряд других вопиющих фактов из нашей практики антипартийной борьбы.

Оценку принципиальной позиции контр-революционной зиновьевской организации за все десять лет я дал исчерпывающую и в своем письме, с которым я обратился к Центральному Комитету партии, и во вчерашнем своем выступлении на суде. Поэтому я не вижу нужды в том, чтобы это повторить.

Я хочу сказать, что я полностью признал себя виновным во всех тяжких преступлениях перед партией и перед советской властью, которые связаны с моим участием в контр-революционной организации зиновьевщины, в связи с той политической ответственностью, которую эта организация несет, и я в том числе, как ее член, за убийство Сергея Мироновича КИРОВА. Когда я это осознал и почувствовал, то я старался, как можно полнее разоблачить зиновьевскую организацию, разоблачить самого себя, чтобы не оставалось никакой недоговоренности, старался помочь советской власти, суду с корнем вырвать остатки бывшей зиновьевской оппозиции с тем, чтобы, раз навсегда, покончить с этим кошмарным прошлым.

Если бы я этого не сделал, я бы просто остался врагом партии и советской власти.

Мне особенно тяжело сейчас осознавать то, что я уже осознал: всю гнусность и глубину моего собственного падения, потому что я был одним из тех молодых членов Центрального Комитета комсомола, по отношению к которым Иосиф Виссарионович СТАЛИН лично проявил необычайную теплоту и заботливость, пытался товарищески, в личной беседе, раз"яснить мое, тогда первое, заблуждение на моих первых политических шагах. Он сделал это так, как именно учил ЛЕНИН относиться к молодежи: терпеливо раз"ясняя ее

ошибки. Мне СТАЛИН прямо говорил в такой беседе: "Вот, ТАРАСОВ, вы в ЦК комсомола сейчас с ФАЙВИКОВИЧЕМ занимаетесь кружковщиной. Это дело антипартийное". ФАЙВИКОВИЧ, конечно, знает об этом разговоре (ФАЙВИКОВИЧ с места говорит: "Да").

СТАЛИН говорил, что надо порвать с кружковщиной, работать вместе с партией. Разве можно забыть такие прямые указания и советы такого великого человека, как СТАЛИН, в сегодняшней обстановке. Вспоминания об этом только увеличивают, помогают осознать еще больше глубину и гнусность собственного падения, как результат того, что я пошел не по тому пути, который указал мне еще 10 лет тому назад СТАЛИН, а пошел по другому пути, который привел меня на скамью подсудимых ^{КАК} контрреволюционера.

И вот понадобился такой жестокий урок, чтобы я, казалось бы такую простую большевистскую истину понял. Тяжело это, но это именно так. Но я хочу сказать, что, если я только сейчас навел в себе силы окончательно разорвать с моим прошлым, то я все-таки думаю сейчас и другое: я чувствую в себе силу, которая способна меня безраздельно и беззаветно отдать делу партии ЛЕНИНА-СТАЛИНА, делу строительства социализма в нашей стране.

Я сейчас нахожусь в яме всего того, что есть мерзкого, гнусного, контрреволюционного во всей мировой реакции. И, находясь в этой яме, я сейчас из нее вижу тот большевистский путь, по которому меня звал 10 лет СТАЛИН, и с которого я свернул тогда. И какое бы заслуженное наказание суд не вынес, я только хочу сказать, что весь смысл моего существования буду видеть только в том, чтобы жить

и дышать тем, чем дышит и живет партия и страна. И утешением мне является, что все-таки я живу на советской земле.

Я буду жить той надеждой, что на этой советской земле мне партия и советская власть, дадут возможность еще выполнять хоть самую маленькую, хоть самую невидную работу, потому что это будет такая работа, которая будет крепить во мне сознание, что я делаю, что то такое, чтобы ускорить победу, окончательный триумф непобедимого знамени МАРКСА-ЭНГЕЛЬСА-ЛЕНИНА-СТАЛИНА.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Подсудимый ПЕРИМОВ.

ПЕРИМОВ: Товарищи, я должен прежде всего сказать, что свою формулировку в отношении признания своей вины я теперь изменяю так, что признаю предъявленное мне обвинение полностью.

Я узнал правду о КИРОВЕ, очевидно, позднее, чем другие мои товарищи по процессу, потому что я был арестован тогда, когда еще в прессе не было точных сведений. Этим объясняется то, что я эту свою вину гораздо меньшее и с большим трудом осознавал, чем ряд других товарищей. Мне было чрезвычайно трудно, чрезвычайно тяжело до конца понять, что я тоже отвечаю за преступление 1 декабря, как и все прочие установки зиновьевской организации. Я оправдывал себя тем, что я не имел связи с этими людьми, которые непосредственно принимали участие в преступлении 1 декабря, что я их или совсем не знал, или очень мало знал, что я уже давно не видел, что я вообще ничего об этом не знал.

"Товарищи, я был обязан знать, что всякая подпольная организация внутри партии неизбежно превращается и скатывается к самой гнусной фашистской контрреволюции. Я это обязан был знать, как человек, который учился у МАРИСА-ЛЕВИНА и который в партии не первый день. Я должен был знать, что внутрипартийное подполье -- это сифилис, внутрипартийная язва, которая является самым опаснейшим видом контр-революции.

Я не хочу говорить, что виноваты вожди, а не я. Вожди были контр-революционерами, но и мы были не лучше. Каждый человек сам себе находит вождей.

Бывали минуты просветления, бывали такие минуты, когда я думал, что я действительно двурушник, но я себя успокаивал ложными вещами, тем, что я не работаю, что я работаю хорошо, что меня не ругают, а хвалят и этим самым оправдывал свое существование.

Но мой вред, моя вина перед партией в десять раз больше всякой пользы, которую я принес. Я считаю, что нет мне оправданий? и нет оправдания всем тем, кто здесь сидит.

Я только могу сказать, что всякую меру социальной защиты, которую суд найдет нужным применить ко мне, я считаю правильной. Но, если суд найдет возможным оставить меня жить, то я даю твердое слово, что весь остаток своей жизни, каждый день, каждый час моей жизни я отдаю на то, чтобы искупить эту грубейшую вину перед партией".

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: -- БЕДОРОВ!

БЕДОРОВ: -- Здесь, на пролетарском суде и на предварительном следствии я считал своей обязанностью дать полные и исчерпывающие сведения о том, что мне было известно с зиновьевской контр-

революционной организации.

Я это откровенное признание с самого начала считал нужным сделать для того, чтобы облегчить советской власти вырвать из жизни, из партии, из дела, все ростки, все корни зиновьевской контр-революционной организации.

В чем сущность зиновьевской контр-революции?

В том, что они не верили в строительство социализма нашей страны, что не верили в силу рабочего класса и отсюда уже проистекают все остальные причины, которые заставили эту организацию идти разными путями и скатиться на скамью подсудимых.

КАМЕНЕВ, как это ни странно, сейчас хочет изобразить дело таким образом, что вопрос о включении в состав Политбюро ЗИНОВЬЕВА и КАМЕНЕВА является переходящим вопросом, относящимся к периоду 15-го съезда, а не последнего периода. Я думаю, что это не так. Я думаю, что это искажает действительное положение вещей, искажает те выводы, которые мы здесь признали и которые, по моему, фактически существуют. Ведь только на основании борьбы за руководство, только для того, чтобы победить в этой борьбе, распускались небывалые ^{клеветнические} слухи, извращались факты и по цепочке, как говорят, от квартиры ЗИНОВЬЕВА до какого-нибудь ленинградского предприятия, эта клевета и злоба шли, направленные против руководства. Я в своих показаниях говорил для чего это нужно было делать. Здесь АНИЩЕВ говорил о том, что ЗИНОВЬЕВ и КАМЕНЕВ для нас были не только персонами, но они являлись для нас нашей программой.

Я сегодня уже рассказывал здесь, что мы ставили задачей вернуть ЗИНОВЬЕВА и КАМЕНЕВА на руководящие роли в партии. В этом выразилась вся борьба за целый ряд лет. Сегодня

ня КАМЕНЕВ считает нужным опровергнуть.

Я сегодня в своих показаниях суду уже говорил, как мы утверждали, что, в результате коллективизации, страна идет к разорению, что в стране может быть голод, что эти трудности создадут такое положение, которое вынудит возвратить ЗИНОВЬЕВА и КАМЕНЕВА в Политбюро, изменить состав Политбюро! Этого нельзя не признать.

Я считаю своим долгом заявить, что я не перекладываю с себя ответственность за деятельность зиновьевской к.-р. организации, но вместе с тем, считаю, что нужно будет нам всем здесь отметить ту гнусную и двурушническую политику, которую вел и ЗИНОВЬЕВ и КАМЕНЕВ на протяжении многих лет нашей борьбы. Все мы во многом виноваты, и за это мы несем ответственность. Все мы, как говорил ГЕРТИК и дураки и сумасшедшие. Я это подтверждаю. Я думаю, что, вот это учреждение на Шуваловой улице, это лечебница, которая, или нас вылечит, или отсюда нас поведет на Канатчиковую дачу. Я в своем показании на предварительном следствии рассказал, как мы подписывали заявления к 15-му съезду. Когда ЗИНОВЬЕВ это заявление предложил вниманию собравшихся, ни у кого не хватило мужества встать и подписать это заявление, нужно было выслушать по этому поводу специальные речи.

КАМЕНЕВЫМ и ЗИНОВЬЕВЫМ делались попытки заключения блока с правыми и с левыми, с кем угодно, все равно, ибо, в конечном счете, они вели и толкали нас без принципов, недопустимо, авантюрно.

Вот, в результате всей этой деятельности мы имеем убийство КИРОВА. В результате всей этой деятельности мы вос-

питали такого прохвоста, как НИКОЛАЕВ.

НИКОЛАЕВ — участник нашей организации, он вышел из нашей среды, он воспитывался в духе тех указаний и директив, в духе той злобы, которая проистекала сверху до самых низких звеньев.

За это преступление, полную ответственность несет вся наша организация, в том числе и я, и, в первую очередь, ЗИНОВЬЕВ и КАМЕНЕВ.

КАМЕНЕВ говорил здесь о том, что этот процесс подводит политические итоги и он проводит две параллели. Я думаю, что все мы или большинство из нас, подведут не только политические итоги, но и организационные итоги.

Что будет с нами дальше — я не знаю. Но вина моя перед партией и рабочим классом ^{велика}. Но, товарищи, вину я свою осознал. Да, хотя уже слишком поздно, но я считаю все же нужным заявить, что окончательно, бесповоротно, раз и навсегда, я рву со своим контр-революционным прошлым, я рву с КАМЕНЕВЫМ и ЗИНОВЬЕВЫМ, как виновниками нашего контр-революционного прошлого.

Это заявление я делаю в результате моего полного раскаяния, разоружения и в результате того, что на деле я частичку своего раскаяния показал тем, что я честно и открыто рассказал все, что я знал. Я это заявление делаю еще и на том основании, что, будучи на свободе, до ареста, я уже тогда пересматривал свои взгляды, я уже тогда отходил от зинovieвской к.-р. организации, но я не отошел. Я ослабил свою деятельность, я перестал быть активным, но я остался зинovieвцем и остался членом центрального московского бюро до самого последнего времени. Это сознание полного разрыва с к.-р. прошлым,

полного моего раскаяния, дает мне право просить пролетарский суд предоставить возможность загладить мою вину перед партией и рабочим классом там, где это суд найдет возможным.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Подсудимый КУКЛИН.

КУКЛИН: Предъявленное мне обвинение, товарищи судьи, я полностью принимаю и считаю его справедливым. Какую бы кару на меня не наложили за мою контр-революционную деятельность, я приму. Товарищи, нам, людям с большим стажем, с большой революционной работой потребовался целый месяц одиночного заключения для того, чтобы усвоить свою контр-революционную работу. Я предлагаю через суд просить Центральный Комитет немедленно принять меры, чтобы еще не произошла такая штука, как с нами, т.е. разъяснить все наши преступления, все наше сползание в контр-революционное болото. И дальше... простите, я не могу говорить, как давеча, так и сейчас, но я бы все-таки просил партию, если можно, дать возможность загладить все это преступление, за всю ту работу, которую я провел. Я 31 год в партии. Был 9-го января на Сенатской площади, участвовал в Бормовском восстании, был арестован в февральские дни вместе с комитетом, был на восточном фронте (КУКЛИН, волнуясь садится, не заканчивая слова).

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Подсудимый ФАЙВИЛОВИЧ!

ФАЙВИЛОВИЧ: Я хочу сделать одно замечание по поводу выступления ЗИНОВЬЕВА.

Мне кажется, что в последнем слове он сделал большую неправильность: он опять хотел отговориться от группировки "безвозвращенцев". Я "безвозвращенцем" не был и не несу никакой ответственности за какую бы то ни было их деятельность. Когда

группа "безвозвращенцев" организовалась я не был в Ленинграде, но если взять персональный состав тех, что совершили злодейские преступления и вспомнить наши первые оппозиционные шаги против ЦК партии и вообще против партии, то мы должны сказать следующее:

Возьмем персонально ТОЛМАЗОВА. Он был секретарем Ленинградского Горкома. РУМИНЦЕВА — был одним из виднейших членов ЦК Комсомола и одним из руководителей ленинградской организации, КОТОЛНЮВА — работал под Вашим, ЗИНОВЬЕВ, непосредственным руководством в Коминтерне, он был членом русской делегации, находился на заграничной работе Коминтерна, которым Вы в это время руководили. Вы не хотите понять политической ответственности и прямо до конца сказать об этом, как бы тяжело это ни было не только для Вас. Вы больше нас в партии. Вы имеете большой дореволюционный стаж. Нам не удалось этого иметь по нашему возрасту: Вы наш вождь, руководитель. Мы смотрели на Вас не только как на одного из учеников ЛЕНИНА, но и как на идеологического вождя, мы верили Вам. Теперь надо перед пролетарским судом принять тяжелую ответственность. От нее никуда не деться, надо ее принять, но зачем Вы хотите как то обойти эту сторону дела?

Товарищи, судьи! Я должен сказать, что мне очень тяжело далось признание в том, что я являюсь морально ответственным за убийство тов. КИРОВА. Тут присутствует следователь, он скажет о каких трудах я принял это решение для себя. Очень тяжело, но я должен признать — ничего не сделаем. Это необходимо.

Это мне еще особенно тяжело потому, что я с этими фашистскими бандами, которые совершили этот акт, долгое время работал плечом к плечу и не только в период, когда мы боролись против партии, но и в период, когда мы создавали организацию. Я подразумеваю организацию контр-революционную а не партийные организации в Ленинграде, и главным образом, комсомольские организации. Я это говорю потому, что сознаю свою ответственность и не хочу сгладить в какой бы то ни было степени, нашу вину в этом деле.

Теперь я перейду к своему непосредственному последнему слову.

Я сделал большое преступление перед партией и рабочим классом, за что должен нести заслуженное наказание. Я должен сказать, что я здесь, на следствии и перед судом заявил, что я не имел связи с центром. Это верно. Я не хочу умалять этим в какой бы то ни было степени свою ответственность. Я хочу только сделать отсюда политический вывод, что это оказалось недостаточным, чтобы я порвал все связи, чтобы я не сделал контр-революционного выпада против Центрального Комитета.

И вот, когда я продумал этот вопрос, почему не действительно так случилось, я должен вам сказать, что это случилось главным образом, как я думаю, потому что я не понял основного после смерти В.И. ЛЕНИНА. Имейте в виду, что тут сидят товарищи, на глазах которых я вырос и стал политическим работником. Отчасти поверив им (но это маленькое обстоятельство, ни к чему не обязывающее), главным образом потому, что я не понял, кто СТАЛИН и не понял, что сам тов. СТАЛИН есть верный продолжатель дела ЛЕНИНА, ученик ЛЕНИНА

вождь нашей партии. Я скатился, по сути дела, в контр-революционное болото.

Теперь я хотел бы сказать пару слов лично о себе. Я не могу сказать, что я имею дореволюционный ^{подпольный} стаж. Мне всего 34 года. Политическую деятельность свою я начал (это может быть, не особенно интересно), когда мне еще не было 18 лет. Я сын ленинградского рабочего, который проработал на производстве 30-35 лет.

Сам я в партию вступил, будучи пролетарием на заводе б. Сименс-Шукерта за Московской заставой. Добрую половину своей жизни, когда я стал более или менее сознательным человеком, я стал работать вместе с партией. Впоследствии я стал дурушником.

Сейчас я прямо Вам скажу: самыми тяжелыми в моей жизни моментами были: первое — это выписка из постановления партколлегии, что я исключаясь из партии, как контр-революционер. Я это перенес очень тяжело, ужасно трудно. И второе — это признание моральной ответственности за убийство тов. КИРОВА. Это особенно трудная вещь. Это не умаляет моей вины, ошибки, преступления перед партией и рабочим классом. И вот, когда я пришел к вам, я задаю себе такой вопрос: если т. НАРОВ может сказать, что он 22 года работал в партии, большинство товарищей может похвастаться своим прошлым, то чем же я могу заслужить снисхождение перед рабочим классом, перед нашей партией — ЛЕНИНА-СТАЛИНА за те колоссальные преступления, которые я сделал? Имею ли я право просить пролетарский суд, чтобы он представил мне возможность загладить свою вину, замазать это позорное пятно, которое я своими преступлениями нанал перед партией?

Но я считаю, что я не погиб окончательно для рабочего класса и партии, что я найду в себе силу, волю и умение, что бы загладить то действительно громадное преступление перед рабочим классом и партией, смыть это позорное пятно.

Я единственно прошу у пролетарского суда представить мне такую возможность — сделаться честным работником и заслужить доверие у

рабочего класса и партии.

Вот все, что я хотел вам сказать в своем последнем слове.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Подсудимый ЦАРЬКОВ.

ЦАРЬКОВ. "Я еще раз признаю свое тяжкое преступление, которое совершил перед партией и рабочим классом. Для меня совершенно ясно, я осознаю те причины, которые посадили меня на скамье подсудимых. Они заключаются в том, что если ты допускаешь ошибки, не послушал во время предупреждений партии, не сделал соответствующих выводов из тех замечаний, которые наговорила партия, хочешь ты или нет, но логика вещей приводит тебя к тому, куда и привела: в полойную яму контр-революционной эволюционности. Вот для того, чтобы парализовать тот яд, которым был отравлен мой организм, когда я еще был молодым рабочим-комсомолец, для этого нужно было целый месяц сидеть в тюрьме и на скамье подсудимых перед Военной Коллегией Верховного Суда.

Я должен сказать совершенно искренне, что в органах следствия вначале я не придавал политического значения целому ряду вещей и только, в результате разговора со старейшими большевиками, с которыми я имел возможность говорить в органах следствия, я многое увидел, что я представлял не так, что нужно было иначе оценить. Я следствием сообщал все, что мне было известно, не утаив совершенно ничего о работе контр-революционной эволюционности. Я по рабочему честно говорил пролетарскому правосудию, что я искренне рад заявить, что эволюционность окончательно уничтожена, что я свою эволюционность вырвал, как нарост мяса в своем организме.

Я хочу просить пролетарское правосудие, чтобы мне, еще молодому рабочему, дали возможность доказать свою предан-

ность партии в вождю т. СТАЛИНУ. Я с партией был связан с 13 лет. Будучи еще подростком, я был равноправным членом партии и это для меня дороже, чем потеря жены, и детей. Если мне суд даст возможность, то я докажу, что могу принести пользу социалистическому строительству".

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Подсудимый БАШКИРОВ.

БАШКИРОВ. "Что я могу сказать? Конечно, я сейчас понимаю всю глубину и величину моих преступлений перед партией и пролетарским государством. То, что я знал, я полностью сказал об организации.

Когда я узнал, что убийство КИРОВА совершено членом к.р. организации, я сразу же заявил, что политическую ответственность мы должны за это нести. Я искренно осознал все это, считаю, что этим искренним сознанием я сделал все что мог для того, чтобы облегчить свою вину.

Одновременно я, кроме этого преступления, признавал свои старые преступления: сокрытие своего социального прошлого, почти на протяжении всей своей жизни. Не дома я ушел совсем молодым, мне было 14 лет. Вся свою жизнь я провел в партии, и по существу говоря, кроме этого, мне ничего не нужно было.

Любое решение суда я буду считать по отношению к себе справедливым.

Не знаю, могу ли я просить суд, потому, что здесь сидят люди, имеющие большие революционные заслуги в прошлом, в то время, как этих заслуг у меня почти нет. Но, если будет какая нибудь возможность даровать мне жизнь, то конечно, все что могу, я сделаю для того, чтобы когда нибудь заслужить право называться честным гражданином "Советской страны".

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Подсудимый САХОВ.

САХОВ. "Здесь, после моего слова, мне председательствующим и одним из членов суда был задан вопрос о политическом значении всего того, что я говорил членам центра. Мне повели. Помогли вот в чем. В этом единственном моменте мне кажется, в своем слове я стал не на политическую, а на обывательскую позицию, и поэтому неправильно оценивал то, что я рассказывал ЕВДОКИМОВУ, КУКУШИНУ и др. Нов сообщения, конечно, носили характер информации, независимо от того, как я говорил и что я говорил. Каким образом это обогатил? Независимо от моих личных настроений, независимо от моих личных связей, когда я это говорил, я знал, кому я это говорил, значит, это информация. Освещал ли я тенденциозно? Я говорил о тех материалах и тех сведениях которые были у меня по работе в прокуратуре. Тенденциозность в изложении этих материалов не требовалась, т.к. они сами по себе освещали только теневые стороны. Положительных сторон социалистического строительства они в себе не заключали, они толкуют о недостатках, о безобразиях, о преступлении, поэтому моя информация фактически была тенденциозной, независимо ни от каких личных отношений и настроений, независимо от всего прочего. Понятно, этим я продолжал делать контр-революционное дело. Вот дополнительно о моей роли. Я не был распространителем слухов среди кого либо кроме 3-4 лиц. Ни один человек, начиная с 30 года, никогда и ни при каких обстоятельствах не сможет сказать, что я где нибудь, что либо, в частности, говорил против СТАЛИНА. Не было этого и не могло быть. Слушать - слушал. В этом моя вина. Я слушал

это недовольство со стороны КУКЛИНА, но я это расценивал, как личное недовольство, брезжание и неспособность на чтонибудь переключиться.

Он уже не молодой, ему больше 50 лет. С ним я был связан больше, чем с другими. Я в нему ходил и он ко мне заходил. Но я подтверждаю, что за последние два года мы совершенно не вели с ним политических разговоров. Я ни разу за два года, когда я у него был, не встречал ни одного из оппозиционеров. А когда я как-то спросил, встречается ли он с ЗИНОВЬЕВИМ (был такой вопрос) было сказано, что нет, не встречается. Вот это и все. Я здесь пытаюсь говорить честно. Не могу еще раз не сказать одного слова по поводу ТАРАСОВА. Мы встречались и, более или менее, сошлись в Самаре в 27 г. Он у меня бывал. Был случай в 32 или 33 году, когда он у меня ночевал несколько ночей. Он работал, кажется, на практике на Трехгорие. Когда мы езду собой толковали, я категорически утверждаю, не было ничего антипартийного.

Что добавить? Свою оценку того, что произошло, свое мнение о том, что здесь происходило на суде я уже сказал и сказал кажется, достаточно ясно. Вместе с тем, я хочу повторить только один момент. 23 числа, до суда и до своего ареста, я дал оценку участия роли зинovieвской организации во всем этом деле. И дал такую же оценку, а это утверждаю, какую я даю здесь на суде, но я ^{не} имел сил в течение определенного периода времени рассказать о себе. И здесь я в течение двух дней врал, я врал в ВИННИСКОМУ. В разговоре с ним о зинovieвской организации, язык не поворачивался сказать в отношении себя, не поворачивался по простой причине.

Когда я после XIV съезда партии шел в драку мне казалось, что я иду за партию, за рабочий класс. Вышло не так. Вышло так, что пришел к контр-революции, вот в чем дело! Говорить что либо в оправдание нет никакой нужды и говорить об оправдании не будем.

Все, кто сидят сейчас на скамье подсудимых, они все сидят буквально голые перед партией, перед Советской властью, перед судом, не только голые но и просвеченные лучше чем рентгеном. Каждый видит. И только сейчас, когда все оказались голыми, только сейчас видна вся глубина падения.

Еще один интересный вопрос. Когда то мы говорили о перерождении. Прошло достаточное количество лет и на этот вопрос, который когда то ставили, сейчас, может быть, в отношении многих можно дать заслуженный ответ.

Я хочу сказать, что этот процесс, по моему, политически важен еще и потому, что он показал всю оппозицию голой, именно потому, что он уничтожает ее и помогает партии, ибо если бы это не было, все продолжалось бы так, как это было до настоящего времени.

Я со своей стороны, могу сказать только одно (я буду говорить только о своей ответственности так, как я ее понимаю), что я должен понести самую строгую ответственность. Я кончаю сейчас.

Находясь здесь на скамье подсудимых, я и все те, которые честно подходят к тому, что они говорят, должны понять, что сейчас, по существу, они голыми стоят на коленях перед партией, перед т. СТАЛИНЫМ и говорят: "Ты был прав и делал нам множество предупреждений, ты говорил о том, куда этот путь приводит, ты мягко к нам подходил, надеясь на то,

что можно будет исправить и вернуть назад многих, а люди вместо того, чтобы идти навстречу — по одним, по другим, или по третьим причинам, одни, может быть потому, что были сознательными врагами, другие по каким-нибудь другим причинам, или в другую сторону.

Вот и все.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. СУД УДАЛЯЕТСЯ НА СОВЕЩАНИЕ.

В 234.20м. 16-го января оглашается приговор, после чего судебное заседание объявляется закрытым.

П. П.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ

/В. УЛЬРИХ/

СЕКРЕТАРЬ

/ВАТНЕР/

Верно: Секретарь Выходящий

Всесоюзный Верховный Суд СССР

Вашин